

sf_detective
sf_horror

Наталья
Николаевна
Александрова

Обрученная с Князем тьмы

Брат святого ордена доминиканцев инквизитор Бернар на воскресной мессе увидел прекрасную горожанку Маргариту Ситтов и потерял покой. Вместо того чтобы бороться с ересью, он поддается искушению и, мечтая обладать светловолосой красавицей, заключает сделку с дьяволом. Чтобы получить желаемое, брату Бернару нужно лишь забрать золотой медальон, дающий защиту своему владельцу. Амулет похищен, и женщина оказывается во власти инквизитора. Но тому приходится на собственной шкуре ощутить, чем чреваты сделки с дьяволом, а прекрасную Маргариту казнят по обвинению в колдовстве... Через много веков защитный амулет попадает в руки скромного редактора Оксаны Карасевой. Но он оказывается не в силах защитить ее от назойливого внимания соседа, который продал душу дьяволу за любовь Оксаны. Истории владелиц медальона становятся странно похожими...

Ранее книга издавалась под названием «Медальон инквизитора».

реликвии, религиозные фанатики, сделка с дьяволом
2019

ru

Alesh

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-07-15
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43155724
Текст предоставлен издательством
2fec5d97-a70f-11e9-aa86-0cc47a5453d6
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (Alesh)

Литагент
АСТ
c9a05514-1ce6-11e2-86b3-b737ee03444a

Обрученная с Князем тьмы
АСТ

Москва
2019
978-5-17-113307-8

Наталья Александрова
Обрученная с Князем тьмы

© Н. Александрова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019
* * *

Двери лифта разъехались бесшумно, и Оксана оказалась в холле первого этажа. Даже тут были удобные кресла, обитые синей кожей, и светильники причудливой формы, бросающие мягкий, вкрадчивый свет. И картины на стенах – что-то серо-голубое, абстрактное, а потому совершенно непонятное.

Оксана привычно усмехнулась – ни к чему искать смысл в том, в чем смысла не может быть по определению. Вот, к примеру, для чего тут кресла? Кому понадобится сидеть тут, на первом этаже, если его уже пропустила охрана? Человек торопится по делам наверх, некогда ему расслаживаться...

Издательство занимает четыре этажа огромного здания, и отделано тут все с большим размахом. У них в Петербурге представительство гораздо скромнее – всего один коридор на третьем этаже бизнес-центра, редакторы все теснятся в общем зале, у директора, правда, кабинет приличных размеров – чтобы совещания проводить, а у нее и вовсе клетушка, едва два стола умещаются. С нужным человеком и поговорить негде. Хотя она редко на месте сидит – это директор свой кабинет обожает. А на долю Оксаны, его заместителя, достается бегодня, командировки и прочая головная боль. Ну, она не жалуется, все же какая-никакая, а карьера... Охранник приветливо кивнул, когда она сдавала ему пропуск, – узнает уже, она часто сюда ездит. Оксана устремилась к дверям, прикидывая про себя, как потратить то небольшое время, что у нее остается до поезда. Офис издательства, конечно, шикарный, но добираться отсюда до вокзала смерти подобно...

Внезапно в холле потемнело, как будто выключились все лампочки. Сердце у Оксаны забилось глухо у самого горла, казалось, что там, под горлом, сидит кто-то сырой и волосатый и не дает дышать. Вспомнилось название болезни – «грудная жаба». Так вот оно что, а она-то думала, что это аллегорическое выражение!

Все произошло буквально за секунду, Оксана не потеряла сознания, кто-то внутри ее отсчитывал время. Она просто застыла на месте, краем глаза увидев, как охранник озабоченно взглянул на нее.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да-да... – она пришла в себя, – просто немного устала, трудный день выдался...

И пошла вперед, выпрямив спину.

И только Оксана взялась за ручку двери, как услышала мужской голос:

– Оксана Николаевна! Пойдите!

Ее догонял запыхавшийся парень. Хотя нет, парнем его называть не хотелось. Не по причине молодости, тут-то было все в порядке – молод, весьма хорош собой, взгляд открытый. Одет хорошо – ну, этим Оксану не удивишь. Выглядел он очень прилично, так что слово «парень» ему не подходило. «Мужчина» – тоже, так только в автобусе кричат: «Мужчина, передайте на билетик!»

Оксана в автобусе ездила редко – когда машина сломается или вот тут, в Москве...

А того, кто ее окликнул, хотелось назвать церемонно «молодой человек». Оксана так и хотела, потом опомнилась – что она, старушка восьмидесяти лет?

– Что вы хотели? – она слегка улыбнулась.

– Вы ведь Оксана Николаевна? Из Петербурга? – Он остановился и придержал дверь. – Простите меня, я упустил вас наверху. Я Андрей, Андрей Логинов, вот... – Он порылся в карманах и протянул ей визитку.

Мимо проходили люди, было неудобно стоять в дверях, и Оксана слегка поморщилась. Он тут же уловил ее недовольство и вежливо потянул в сторону.

– Простите меня, совсем замотался. Меня просили отвезти вас на вокзал.

– Отвезти? – Оксана подняла брови. – Это что-то новенькое... раньше издательство таких услуг не предоставляло...

– Ну да, просто я тоже еду в Питер... что не так? – снова он мгновенно уловил ее настроение.

– Ничего, просто я очень не люблю, когда мой родной город называют Питером, – призналась Оксана, хотя секунду назад не хотела этого делать. – Понимаете, Питер – это что-то такое... ну, матросы революционные так его называли или рабочие, когда булыжники из мостовой выковыривали. А город называется Санкт-Петербург.

– Угу, в честь Петра Первого... – улыбнулся ее собеседник.

– Нет, в честь его святого, – улыбнулась в ответ Оксана, потому что не ответить на его улыбку было невозможно, – не сочтите меня занудой, но мы, коренные петербуржцы, ужасные снобы.

– Понял. Спасибо за разъяснение. Так вот, я еду в... в ваш город по делам, так что могу подбросить вас к поезду. Время еще есть, но, учитывая пробки, следует поторопиться.

Оксана внезапно ощутила небывалое счастье. Не нужно тащиться через всю Москву на перекладных. Можно расслабиться на заднем сиденье хорошей машины. Что-то она устала сегодня, и поесть времени не было...

– Спасибо вам! – Оксана снова улыбнулась.

– Поедем, Оксана Николаевна, машина ждет!

– Ох, да не зовите вы меня по отчеству, меня все Оксаной зовут! – отмахнулась она. – Так уж привыкли...

Машина ждала их чуть в стороне от выхода, в дальнем углу стоянки. Водитель был незнакомый – ну, Оксана же не может знать их всех. Андрей, как было написано на визитке, работал в отделе по связям с общественностью, или PR.

– Так вас Лида послала? – уточнила Оксана.

Лида Яковлева была начальницей отдела, сама родом из Петербурга, в свое время вышла замуж в Москву, у нее в Северной столице остались мама и сестра, Лида часто передавала с Оксаной небольшие посылочки – подарки к праздникам, лекарство для мамы и разные мелочи.

– Ну да... – Андрей выглядел смущенным. – Понимаете, я новый сотрудник, хотелось бы сразу себя показать с хорошей стороны... есть некоторые задумки...

«Понятно, – сообщила Оксана, – не хочет зря время терять, думает, я помогу ему разобраться, что к чему...»

В конце концов, что в этом плохого? Все хотят побыстрее сделать карьеру.

– Вы, наверно, за целый день устали, – в голосе Андрея прозвучало искреннее беспокойство, – а я тут с разговорами... Отдыхайте!

И Оксана сама не заметила, как задремала.

– Простите, – она проснулась, когда спутник осторожно тронул ее за плечо, – в поезде спала плохо, вот и развезло сейчас...

– Ничего, мы почти приехали... – Андрей снова улыбнулся, и Оксана подумала, что если он еще и умен, то карьеру сделает быстро. Это же не улыбка, а просто море обаяния! Для его работы очень полезно.

Водитель долго пытался припарковать машину, но потом высадил их прямо у вокзала и уехал, буркнув что-то, весьма отдаленно напоминающее «Счастливого пути!».

Посмотрев на часы, Оксана поняла, что времени до отхода осталось мало.

– Надо торопиться! – подтвердил Андрей.

Они вошли в здание вокзала. Было шумно и тесно, как, впрочем, и всегда. Оксана с тоской проводила глазами небольшой стеклянный куб кафе. Здесь было относительно чисто и дороговато для простой вокзальной публики. Таким образом владельцы кафе отсекали нежелательных клиентов. Кафе годилось на крайний случай, если Оксана не успевала поесть в городе, а так бывало частенько.

Вот и сегодня она не ела с самого утра. Поезд пришел в восемь, у нее было время, чтобы съесть плотный завтрак – овсяная каша с миндалем и изюмом, круассан и большая чашка кофе с молоком и сахаром. Сейчас при мысли о хрустящем круассане желудок скрутил спазм. Да что там, она рада была бы даже черствой булке! Но в кафе они уже не успевают, а булочку с лотка схватить она не может себе позволить при постороннем. Не хватало еще, чтобы в издательстве узнали!

Оксана сжала зубы и решительно зашагала к перрону. Поезд уже подали.

В кармане завибрировал мобильный.

– Санка, ты где? – спросил муж.

– В поезд сажусь, – ответила она, радуясь его голосу, – к утру буду, это точно!

– Ну, я думал, ты на «Сапсане»... – разочарованно протянул он, – а так еще до утра ждать...

– Поезд рано приходит, к восьми дома буду, пересечемся! – сказала Оксана.

И отключилась, неудобно было ворковать по телефону в присутствии незнакомого человека. Максим, конечно, обидится. Он вечно ей выговаривает, что по телефону с мужем нужно говорить ласково. «Что от тебя, убудет, что ли, если назовешь Зайчиком или Котей?» – спрашивает он, смешно оттопыривая губу, как маленький. И Оксана в который раз должна объяснять ему, что на работе она не может себе этого позволить.

Вот и ее вагон. Проводница приветливо поздоровалась. Оксана пропустила вперед маму с дочкой. Девочка была очень хорошенькая, светловолосая, в розовом пальтишке, на руках она держала большого игрушечного медведя в розовом платище.

Андрей проводил Оксану до купе и сказал, что едет через два вагона в обычном купейном.

– До СВ еще не дослужился! – улыбнулся он.

Оксана промолчала, если честно, она тоже не дослужилась, просто билет заказывали для директора, а потом он поговорил с Москвой и решил, что Оксана вполне справится без него. Она и справилась, за это в СВ прокатилась.

– Оксана, – Андрей мялся в купе, – не сочтите меня навязчивым... но я бы хотел поговорить с вами до того, как завтра покажу в издательстве свои проекты. У вас глаз наметанный, вы бы только посмотрели... И я вас приглашаю поужинать...

– Ну...

– Ну, хоть чаю выпьем... – он заглянул ей в глаза.

Есть хотелось до умопомрачения, она прикорнула в машине и теперь не заснет, будет ворочаться и слушать урчание собственного желудка. С другой стороны, Андрей оказал ей любезность, довез до вокзала, а она продрыхла всю дорогу. В общем, Оксана решила, что отказать сейчас будет невежливо. В конце концов, она сама может заплатить за себя. Условились встретиться через сорок минут в вагоне-ресторане.

– Я не прощаюсь! – снова Андрей улыбнулся и едва не столкнулся в дверях со второй пассажиркой.

Он пробормотал извинения и скрылся.

– Молодой человек разбрасывает улыбки направо и налево! – засмеялась женщина. – Ох, простите, это ваш знакомый...

– Неблизкий, – улыбнулась Оксана, – мы коллеги.

– Будем устраиваться! – сказала женщина, оглядывая купе. – Места много, в вагоне тихо...

Люблю СВ!

Женщина выглядела очень прилично – ухоженная, немного за сорок, дорогое бежевое пальто, коричневая сумка известной фирмы, как наметанным глазом определила Оксана. Бизнесвумен? Да нет, эти обычно замотанные, маникюр некогда сделать, Оксана по себе знает. А по соседке видно, что она недавно из парикмахерской. Под пальто костюм соответствующий, сидит отлично, в ушах серьги бриллиантовые. Кольцо опять же... Но все со вкусом, ничего лишнего. Скорей всего, жена крупного чиновника, такие только в СВ ездят.

– Познакомимся? – улыбнулась соседка. – А то пока до дому доберемся, целая ночь пройдет, надо же как-то друг к другу обращаться.

– С удовольствием! – обрадовалась Оксана.

Соседку звали Валентиной. Она достала из чемодана дорожный несессер и еще какие-то вещи. Чемодан был дорогой кожи и довольно объемный, из чего Оксана сделала вывод, что ездила женщина не на один день.

В коридоре послышались шаги двух человек. Шаги были тяжелые и уверенные. Дверь в их купе была приоткрыта, и Оксана увидела двух пассажиров. Впереди шел мужчина средних лет, уже начинающий грузнеть. Волосы его поредели на макушке, глаза смотрели прямо перед собой. Вид у мужчины был начальственный. Следом выступал невысокий крепыш, черный костюм едва не лопался на неправдоподобно широких плечах. Движения его были скупы и вроде бы неторопливы. Про этого тоже было все понятно: охранник. Проходя мимо, охранник окинул обительниц купе быстрым рысьим взглядом.

Двое заняли соседнее купе.

– Колоритная парочка... – поежилась Оксана.

– Вы не узнали? – удивилась Валентина. – Это же Туманов...

Про Туманова Оксана слышала. Назначенный недавно вице-губернатором Санкт-Петербурга Арсений Туманов, это имя отложилось в голове.

– Его по телевизору часто показывают, – усмехнулась Валентина, – персона известная...

Поезд тронулся. Вот и перрон остался позади, а следом проплыли пакгаузы, привокзальные здания, какие-то заборы, и вот уже поезд набирает ход, и мимо проносятся только огни.

– Вы побудете пока здесь? – Валентина стояла в дверях с полотенцем через плечо.

– Конечно! – Оксана вздохнула, вспомнив, что обещала встретиться с Андреем в вагоне-ресторане.

Поезд тряхнуло на стыке рельсов, и ей показалось, что в купе погас свет. Сердце снова подкатило к горлу. Стало душно, Оксану прошиб холодный пот. Да что же это такое? Она опустила на диванчик, потому что ноги ее не держали.

Дурнота прошла так же быстро, как в прошлый раз, сердце успокоилось. Что с ней такое? Для обычного женского недомогания еще рано. Переутомилась, ела плохо? Вот это точно. Надо хорошо питаться, высыпаться и больше бывать на свежем воздухе, тогда все пройдет.

С этими благими мыслями Оксана убрала дорожную сумку под полку. Сумка показалась ей тяжелой – вот, совсем нет сил. Да откуда им быть, если с утра не евши? Она достала из сумочки косметичку. В купе было зеркало, там отразилась бледная девица с залезанными волосами. Оксана вытащила заколки, и благодарные волосы рассыпались по плечам. Однако все же какие-то они тусклые, нет обычного золотистого блеска, за который Максим прозвал ее Златовлаской. И глаза глядят устало, совсем не сияют. А, глупости, просто в купе свет плохой, при таком свете все лица кажутся зелеными, как у покойников...

Оксана расчесала волосы и слегка подкрасила губы, взялась за флакончик духов, но не решилась им воспользоваться. У нее не свидание, а деловая встреча. А то еще подумает этот Андрей что-нибудь не то, увидев ее во всей красе.

Оксане повезло – она похорошела уже после школы, а в детстве была гадким утенком, так что бывшие одноклассники, увидев ее на встрече через год, буквально попадали со стульев. И было от чего: вместо худющей голенастой рыжей девчонки с конопатым носом перед ними появилась золотоволосая красавица с гордой осанкой. Исчезли веснушки, нос перестал казаться курносым, кожа стала гладкая, брови, вместо которых раньше были две рыжеватые запяты, теперь изгибались тонкой дугой. Глаза остались прежними – золотисто-карие, сияющие, как звезды. Если бы она была хорошенькой с самого детства, судьба ее сложилась бы по-другому. Сначала улыбки взрослых, даже незнакомых людей, потом восхищение мальчишек, зависть девчонок, легкая мания величия – я прекрасна, я лучше всех, мне ничего не нужно добиваться, все и так будет... В итоге раннее замужество, потом разочарование, характер портится, и по прошествии лет, когда красота ускользнет, осознаешь, что немолода, а за душой ничего, кроме нескольких разводов.

С Оксаной все было по-другому. Когда мама увидела, что стало с ее дочкой, она не уставала ей повторять, что ей просто повезло, что нет в этом никакой ее заслуги и что красота – это испытание. Оксана не очень слушала маму, но все же удалось избежать некоторых ошибок.

А когда окончила институт, то поняла, что красота ее работе только мешает. И начала безжалостно закалывать волосы в пучок, почти не пользовалась косметикой, нарочно выбирала бледную помаду и нарочито строгие костюмы. Хотела еще заказать очки с простыми стеклами – для солидности, но решила, что это будет перебор. И украшения она на службу не носила, только простые сережки, чтобы уши не заросли, да еще медальон.

Небольшой золотой овал на тонкой цепочке старинного плетения, с одной стороны на нем был выгравирован символ в виде необычного креста, другая сторона была гладкой. Медальон был

старый, бабушка говорила, что он достался ей от ее матери, потому что передается по женской линии. Какова история украшения, Оксана не знала, известно было только, что медальон берегли, не продали и не проели в голодные годы.

– Ну вот, я готова лечь! – Валентина стояла в дверях, лицо ее без макияжа выглядело моложе и как-то беззащитнее.

– А я... – Оксана развела руками, – должна еще встретиться с... это по работе, нужно кое-что обсудить.

– Ну, раз надо, так надо, – кинула Валентина, и Оксана точно знала, что она не подумала ничего такого.

«Не ходить! – мелькнуло в голове. – Вот не ходить – и все! Попросить у проводника чаю, поболтать с соседкой и лечь спать! Неудобно... надо было сразу отказаться. А так он будет ждать... Черт, как не хочется!»

– Я недолго... – против воли в голосе прозвучали виноватые нотки.

– Не беспокойтесь, я почитаю пока, вас дождусь... – сказала Валентина.

– Я не возьму пальто...

Оксана прихватила сумочку и с порога вернулась за телефоном, что лежал на столике. Вот растяпа, мало ли муж позвонит!

Она долго шла по вагонам, навстречу изредка попадались люди – все мужчины. Один в железнодорожной форме даже сурово поинтересовался, куда это она направляется.

– А что, вагон-ресторан закрыт? – с надеждой спросила Оксана.

– Да нет, почему же, – он понимающе подмигнул, – иди-иди, там народ есть...

Оксане стало противно – ясно, за кого этот тип ее принял. Идет молодая женщина одна в ресторан ночью... Черт дернул ее согласиться на встречу!

И правда, в вагоне-ресторане, несмотря на позднее время, кипела жизнь. Точнее, докипала. В дальнем углу сидела компания мужчин, всего четверо – все мрачные, немногословные, похожие друг на друга. Чуть поодаль сидели еще трое помоложе.

Оксана огляделась. Андрея в обозримом пространстве не наблюдалось. Она взглянула на часы – пришла на три минуты раньше, ох уж эта привычка не опаздывать. А он небось думал, что она придет минут на двадцать позже, вот и не торопится.

Пока она раздумывала, не уйти ли прямо сейчас, подошел официант и воззрился вопросительно.

– Я бы хотела поужинать, – сказала Оксана строго и в глаза ему посмотрела твердо.

– Вы одна? – Этот-то сразу понял, что она действительно пришла поужинать.

– Я жду знакомого.

Он крутанулся на одной ноге и убежал за меню.

Скатерти на столах были несвежие, пахло в ресторане не слишком аппетитно, но все же это был запах еды, от которого у Оксаны снова скрутило желудок.

Официант принес два меню. Оксана раскрыла свое, чтобы не сидеть просто так. Список блюд ее не порадовал. Мясного на ночь она решила не есть, вот если рыбу... но возле рыбных блюд стояли какие-то карандашные пометки. Закуски... она же не выпивать сюда пришла, а поесть. Официант к ней не торопился – видно, ждал, когда придет ее спутник. А вот, кстати... Оксана взглянула на часы, спутник-то опаздывает. Уже прошло десять минут. Ее охватила злость. Ну что за тип, сам так просил ее прийти... Ладно, не уходить же под насмешливым взглядом официанта.

Она помахала рукой.

– Вот это что за иероглифы? – она показала строчки в меню.

– Лосося нету, а треску готовить долго, – ответил официант, глядя в потолок, – она еще мороженая.

– Так... а курица?

– Не советую, – официант доверительно наклонился, – жирный очень петух... а говядина...

– А говядина вышла на пенсию по возрасту, прежде чем на бойню попасть? – прищурилась Оксана.

– Примерно так, – прохиндей блеснул глазами.

– Ну... вот творожники со сметаной.

– Творожники только на завтрак идут! – снова он возвел глаза к потолку. – И блинчики тоже.

– Ну, хоть чаю можно в этом гадючнике получить? – Оксана невольно повысила голос.

– Чай – это пожалуйста... – смиловился официант, – какой желаете – черный, зеленый, травяной...

– Черный, сахару побольше и булочку...

– Будет сухое пирожное... – сказал официант, очевидно, прочитав это на потолке.

– Валяйте! – Оксана была так зла, что компания за столом в углу могла бы прикуривать от нее сигареты.

Этот негодяй Логинов передумал! Заманил ее в этот вертеп, а сам решил спокойно улечься спать! Ну, это ему даром не пройдет, уж она позаботится, чтобы все его начинания провалились. Отправится в Москву ни с чем. Да еще и Лиде Яковлевой она позвонит и наговорит про него разного. Пускай его уволят!

Сухое пирожное оказалось обычным коржиком, какие давали давным-давно в школьном буфете, Оксана и тогда уже их терпеть не могла. Чай был из пакетика, тот так и плавал в стакане раздувшимся пузырем. Ресторан называется!

Однако чай был горячим и сладким, Оксана пила его не спеша, маленькими глотками, и желудок потихоньку отпускало. Что ж, сейчас она допьет чай и пойдет в свой вагон. Неудобно перед попутчицей – та не спит, ждет ее, чтобы дверь закрыть.

Оксана порылась в кошельке и поискала взглядом официанта, но тот, как назло, куда-то запропастился.

Вдруг поезд резко тряхнуло, где-то вдалеке раздался грохот. Со столиков падали тарелки, бокалы. Оксане пришлось вцепиться в край стола, чтобы не упасть, ее чашка опрокинулась, остатки чая разлились по скатерти. Кто-то вскочил, кто-то закричал. Движение поезда замедлилось, потом, с жутким скрежетом тормозов, он остановился.

* * *

– Что случилось? – спросила Оксана появившегося официанта, но тот только сделал большие глаза и замахал руками, еще больше увеличив нарастающую панику.

– Смотрите, пожар! – вскрикнул мужчина за соседним столиком, отдернув занавеску.

На его лице мелькнул красноватый отсвет.

Оксана последовала его примеру – отогнула край занавески и прильнула к окну.

Там, за окном, густая ночная темнота была подсвечена и раскрашена мрачными багровыми сполохами. В этих отсветах проступали кусты вдоль насыпи и убегающий вдаль ночной лес.

Оксана еще плотнее прижалась к стеклу, заглядывая вдоль поезда, туда, где был источник этих отсветов.

Поезд слегка развернулся на плавном повороте, ей были видны уютно светящиеся окна вагонов... но дальше, за несколько вагонов от ресторана, эта светящаяся цепочка была разорвана, там полыхало неистовое багровое пламя, озаряя какие-то чудовищные, хаотически перемешанные обломки горящего, искореженного вагона.

В проходе между столиками появился тот официант, который обслуживал Оксану. Лицо у него было помятое и какое-то опрокинутое. Его останавливали, возбужденно допытывались, что случилось.

– Ничего, ничего... – мямлил он, глядя куда-то в сторону, – вы не тревожьтесь, закусывайте, начальство разберется... только рассчитайтесь на всякий случай, а то как бы чего...

– То есть как это – ничего?! – авторитетным басом прервал его крупный мужчина в темно-сером костюме. – Мы же видим – в поезде пожар, машинист совершил аварийную остановку!

Сообщите подробности! В каком вагоне пожар, какие последствия, на сколько времени задержится поезд... я, между прочим, не рядовой человек, имею право знать...

– А я, значит, лох? – выверился мрачный тип из другого угла ресторана. – Я тоже имею право! Мы все имеем право! А то, видишь ли, рассчитаться мы должны, а знать нам ничего не положено!..

– Не мучьте меня! – взмолился официант. – Я человек маленький, мне лишнего болтать не велено... – Он безнадежно махнул рукой и ретировался в подсобку.

– СВ! – послышался визгливый женский голос. – Это СВ горит!

Оксана вскочила, подброшенная беспокойством, бросила на стол деньги и направилась к выходу.

Однако в дверях вагона-ресторана ее остановил мужчина средних лет с неприветливым скользким взглядом.

– Вы куда это? – осведомился он, пристально оглядев Оксану.

– Не беспокойтесь, деньги я положила на стол! – ответила она неприязненно. – Хотя ужином это назвать нельзя...

– Я не сомневаюсь, что положили! – заверил ее скользкий тип. – У нас поезд приличный, у нас много-прочего не бывает. Только вы пока лучше посидите, отдохните.

– С чего это? – завелась Оксана. – С чего мне отдыхать? Я в СВ еду!

– Уже не едете! – рявкнул тип. – Горит СВ! Так что сиди здесь и не мешайся под ногами! Он поднял руку, и Оксане показалось, что этот тип сейчас ее ударит. Она попятилась и буквально упала на стул.

Поезд окончательно остановился. В окно были видны люди, прыгающие из дверей прямо на насыпь. Вот беззвучно полопались стекла и повалил изнутри густой дым. Оксана вздрогнула, представив, что там сейчас творится – черно от дыма, жар, копоть, люди мечутся в панике... Скользкого неприятного типа кто-то позвал, и он на минуту отошел от дверей, Оксана тихонько проскользнула мимо. Никто ее не удерживал.

Она пробежала несколько вагонов, проталкиваясь между взволнованными полуодетыми пассажирами, никто ничего не знал, все были в панике. Так она достигла последнего вагона перед СВ, это был обычный купейный. Заплаканная проводница в криво застегнутой тужурке заступила Оксане дорогу.

– Стойте, нельзя туда!

Оксана и сама поняла, что нельзя.

Поезд стоял. В вагоне были открыты купе, из них выглядывали растерянные заспанные люди. Пахло дымом и еще чем-то противным, химическим.

– Сволочи, обили вагон пластмассой, она как порох вспыхивает, – с ненавистью гудел крупный мужчина в одних брюках со свисающими подтяжками, – сгорим тут все, как крысы...

– Не болтай лишнего, – откликнулся пожилой железнодорожник, протискиваясь мимо. На лице его была густая копоть, рукав тужурки разорван. – Ежели бы там пластмасса была, уже весь поезд запылал бы. А так один вагон всего выгорел, да и то не весь. Еще хорошо, что народу немного в СВ-то...

– Им все хорошо! – не унимался тип в подтяжках. – С чего пожар-то случился?

– А я знаю? – огрызнулся проводник. – Надо думать, курил кто в постели, да и заснул...

– Ага, а рвануло почему? – с подозрением спросил мужчина. – Ты идиотов-то из нас не делай, мы все слышали. Террористы это, вот что я вам скажу! Там, в СВ этом, большие шишки ездят!

– Болтаешь больно много, – осуждающе сказал проводник, – хуже бабы...

– Коля, да иди же ты оденься! – позвал из купе нервный женский голос. – Да и вещи надо собрать!

На пороге появилась растрепанная женщина в расстегнутой кофточке и утянула мужа назад.

– Вот тебе и СВ, – протянул кто-то. И закончил традиционно: – Богатые тоже плачут...

Оксана устремилась к проводнику и тронула его за рукав.

– Что там случилось? Есть жертвы? Я не просто так спрашиваю, – заторопилась она, видя, что он нахмурился и пошлет ее сейчас подальше, – я там ехала, в пятом купе...

– А-а... – В его глазах проступило узнавание, и она вспомнила, что встретила этого человека, когда шла в вагон-ресторан. Он еще подмигнул ей. Господи, как давно это было!

– В пятом купе, говоришь? – проводник помрачнел еще больше. – Повезло тебе, девушка. Пятое купе дотла выгорело. И соседние два тоже. Никто оттуда не спасся. Так что как приедешь в Питер, самую большую свечку Богу поставь, спас он тебя, вот что...

Он отвернулся и пошел по коридору в соседний вагон, Оксана же осталась стоять словно парализованная... Она прислонилась к стене, ее толкали проходившие мимо, но в голове металась лишь одна мысль: если бы она не пошла в вагон-ресторан, сейчас ее не было бы на свете. Бедная Валентина, такая приятная женщина! Какая ужасная смерть!

Снова из соседнего сгоревшего вагона потянуло химической гарью и еще чем-то отвратительным. Оксана с ужасом сообразила, что так пахнет горелая человеческая плоть. Ее затошнило. Дверь вагона была открыта – какие-то люди сновали туда-сюда. С улицы тянуло свежестью, и Оксана шагнула туда, прямо в открытую дверь.

Она непременно упала бы прямо на насыпь, если бы ее не подхватили сильные руки.

– Осторожнее! – крикнул кто-то. – Так и ноги поломаете!

Какой-то мужчина помог ей утвердиться на ногах, она равнодушно отмахнулась и побрела в сторону, где ее вытошнило прямо на покрытую копотью землю.

Стало немного легче. Прошла головная боль, исчез тугой комок, стоявший в горле.

Оксана огляделась по сторонам.

Поезд стоял. Вокруг не было ни огонька, ни намек на человеческое жильё, только чахлые кусты с остатками листьев жались к насыпи да вдали виднелся лес, к которому уходила линия электропередачи. Огня не было видно, только едко пахло дымом и летали вокруг хлопья сажи, как хлопья черного снега. Уцелевшие пассажиры СВ сгрудились чуть в стороне. Кто-то сидел на чемодане, кто-то – на бревне, одна женщина громко стонала, прижимая к груди распухшую левую руку, ее муж топтался рядом и монотонно, на одной ноте, повторял:

– Люся... Люся... ну, Люся...

Солидный мужчина прижимал платок к щеке, тщетно стараясь остановить кровь из глубокой царапины, его светлый плащ был вымазан глиной. Скромно одетый старик жутко кашлял, очевидно, надышался ядовитым дымом. Оксана смотрела издали, ей казалось, что все, что она видит, ненастоящее. Такого не могло случиться! То есть могло, но только не с ней!

Напрасно искала она среди пассажиров женщину в бежевом пальто – довольную жизнью, уверенную в себе... Не было и того начальственного мужчины... как его... Туманов, Арсений Туманов. И его охранника тоже не было. Как сказал тот пожилой проводник? Пятое купе выгорело полностью, и два соседних...

Послышался детский плач, девочка в розовом грязном пальтишке рыдала навзрыд:

– Мишка, мой мишка!

– Маша! – склонялась к ней мать. – Ну перестань! Тут такое творится. Ну, купим нового мишку, как приедем!

– Я хочу этого! – Девочка вырвалась и побежала с плачем вдоль поезда. Ее мать бессильно опустила руки.

Оксану забила крупная дрожь, ноги подкосились как ватные, и она опустилась бы прямо на грязную землю, если бы не тот мужчина, что один раз уже не дал ей упасть. Он схватил Оксану за плечи и встряхнул, как тряпичную куклу.

– Ну-ну, не надо падать в обморок, это не ко времени.

Оксана подняла голову и посмотрела на него. У нее ничего не получилось, перед глазами стояла густая серая пелена. Сильные руки потащили ее к остальным погорельцам.

По дороге Оксана пришла в себя и вяло попыталась освободиться. Мужчина в длинном светлом плаще вытащил из кармана плоскую металлическую фляжку и пытался смочить окровавленный платок. Оксанин спутник довольно бесцеремонно выхватил у него из рук фляжку и протянул девушке.

– Выпейте!

Она помотала головой, но он почти силой влил в нее несколько глотков. Огненная жидкость обожгла пищевод, однако серая пелена перед глазами исчезла.

– Ну? – спросили Оксану. – На ногах держитесь?

– Держусь, можете меня отпустить, – сухо ответила она.

Окружающие предметы приобрели четкость, однако дрожь не прошла. Тогда тот человек предложил ей свою куртку.

– Не надо, – решительно отказалась она, – здесь холодно.

– Вы правы. – Он метнулся куда-то вбок и принес простую дорожную сумку, откуда достал серую «полярку» с капюшоном.

– Она чистая, – улынулся он, – берите.

– Вы и вещи сумели вынести? – удивилась Оксана.

– Да, мое купе было с краю... – он выразительно помолчал, – а вы как выбрались?

– Я могу получить назад свою фляжку? – удивительно вежливо для такого случая поинтересовался мужчина в светлом плаще.

Оксанин собеседник отвлекся, избавив ее таким образом от ответа.

Появился начальник поезда – коренастый мужчина с мрачно сдвинутыми бровями.

– Все на месте? – обратился он к парню в полицейской форме, отиравшемуся возле пассажиров.

– Все, кроме тех шестерых! – отрапортовал тот и кивнул в сторону сгоревшего вагона.

– Должно быть двенадцать, а тут сколько? – еще больше нахмурился начальник.

– Да расплзаются они... – вздохнул парень, – женщину беременную вон в четвертый вагон позвали, девчонка тоже куда-то делась...

И правда, только что были мама с дочкой – и вот уже нету, проводница соседнего вагона поманила их и посадила на свободное место.

– Ты куда смотрел? Мне же полный отчет нужен! – разъярился начальник.

– Может, хватит уже людей на холоде держать? – спросил солидным басом один из пассажиров.

К нему жалась высокая блондинка. Девушка была интересная, только сейчас не в лучшей форме – волосы растрепаны, макияж размазан. Про этих двоих все было ясно.

Начальник поезда, который раньше не обращал внимания на пострадавших пассажиров, теперь круто развернулся и в упор посмотрел на говорившего. Очевидно, его вид вызвал у начальника если не уважение, то некоторые опасения. В самом деле, непростые люди ездят в СВ, могут и неприятности устроить. А у него, начальника, и так теперь будет неприятностей выше крыши.

– Врача нашли? – встрял тут Оксанин спутник. – Женщине совсем плохо.

Пострадавшая женщина стала мертвенно-зеленого цвета, она мерно раскачивалась и уже не стонала, а подвывала. Муж ее все так же бестолково топтался рядом и повторял:

– Люся... Люся... Ну, Люся...

– Объявили по громкой связи, – буркнул начальник, – идет кто-то...

И в самом деле, прибежал откуда-то шустрый невысокий мужичок с узкими, чуть раскосыми глазами, устремился к стонущей женщине, но та прижала руку к груди и замотала головой.

– Люся, – снова завел свое муж, – ну, Люся...

– Ну-ну... – успокаивающе сказал врач, взял женщину за подбородок и посмотрел в глаза. Под его взглядом она отпустила руку, и та безвольно упала.

– Посмотрим... – сказал врач.

– Это перелом? – ожил муж. – Открытый или закрытый?

– Угу... – пробормотал врач, – в сторонку отойдите, и так темно... Подержи-ка ее! – обратился он к спутнику Оксаны, совершенно верно посчитав мужа неспособным выполнить такое простое действие, затем примерился и сильно дернул.

Женщина взвыла по-звериному, муж ее вскинулся было на помощь, но так и остался стоять.

– Ничего-ничего... – сказал доктор, – это вывих был, теперь все будет в порядке...

Женщина подняла голову и обвела всех изумленными глазами.

– Не болит... – сказала она.

– Люся! – подскочил муж. – Ну, Люся...

– Ой, да отстань ты! – счастливо засмеялась она. – Все Люся да Люся...

– Аптечку неси, кулема! – рявкнул доктор расхристанной простоволосой проводнице.

Начальник в стороне разговаривал по рации. Потом крикнул повелительно, и тут же подошел к нему тот самый молодой железнодорожник, которого Оксана посчитала проводником, а оказался он бригадиром.

– Ну что, Васильич? – требовательно спросил начальник. – Чего делать-то будем? МЧС я вызвал, да когда они еще подъедут...

– Можно бы и ехать потихоньку... – осторожно ответил Васильич. – Чего тут попусту стоять.

Скоро тридцать четвертый скорый подойдет, а путь занят. До Твери дотянем, вроде бы в ходовой части повреждений нету, ребята проверили... Если без разгону... А там уж разбираться станем...

– Ох, лихо! – вздохнул начальник. – Сообщу куда следует, может, разрешат продолжить движение... Вы чего это здесь? – он подозрительно уставился на Оксану.

Она отошла к остальным.

Доктор обработал рану мужчине в светлом плаще, потом заклеил ее пластырем и оглядел пассажиров.

– Ну? Кто следующий?

Интересная блондинка вдруг покачулась и зарыдала. Солидный ее спутник в испуге уставился на доктора. Тот подошел и, не примериваясь, шлепнул блондинку по щеке.

– Рехнулась? – спросила она вполне человеческим голосом. – Синяки же будут!

– Отец, – обратился доктор к кашляющему старику, – только валерьянки могу дать, ничего у них тут больше нету.

Тот, не отвечая, отмахнулся – отдышусь, мол, ничего не надо.

– Долго нас тут будут морозить? – блондинка набросилась на парня в полицейской форме. – Высадили в поле...

– И то верно... – зашумели остальные, – хоть вещи взять...

– Граждане, соблюдайте спокойствие! – сказал начальник. – Сейчас расселим всех по остальным вагонам. В четвертом есть свободное купе, еще отдельные места кое-где. За вещами пока нельзя. СВ будет опечатан, там ничего нельзя трогать. В Твери будет остановка, там компетентные органы разберутся.

Оксана не помнила, как доехали до Твери. Она оказалась в купе со стариком, что едва успокоился от кашля, и с тем самым мужчиной, что дал ей «полярку».

В Твери они так и держались вместе. Сгоревший вагон отцепили, поезд пошел дальше, пассажиров СВ собрали в здании вокзала.

– Продержат теперь... – вздыхал старик, которого звали Андрей Михайлович, – а у меня лекция, люди понапрасну придут...

Прибыли люди в погонах, долго совещались между собой, потом начали опрашивать пассажиров. Оксана рассказала все как есть, предъявила билет и паспорт.

– Пятое, говорите, купе? – Ей показалось, что все удивились и смотрят на нее в испуге.

– Ну да, я выходила в вагон-ресторан...

– Когда это было? – мужчина с погонями майора полиции пристально поглядел ей в глаза.

– Ну... почти сразу... мы договорились встретиться через сорок минут... Валентина, соседка моя, она сказала, что спать не будет... как же она не смогла выскочить...

– Вы были знакомы?

– Нет, в поезде познакомились...

Майор задал еще много вопросов – видела ли она пассажиров соседних купе, кого встретила, идя в вагон-ресторан, и так далее. Оксана на все вопросы отвечала честно и подробно, что видела Туманова с охранником и еще столкнулась при входе с женщиной и ребенком, вон они сидят.

Девочка умаялась и спала у матери на руках, изредка всхлипывая во сне, очевидно, сокрушалась по своему медведю.

Допросы продолжались долго, люди и так-то были не в лучшей форме, а теперь и вовсе расклеились. Полицейские, однако, не обращали внимания на возмущенные возгласы, только заспанная тетка в несвежем белом фартуке принесла чаю и печенье.

Женщина в положении вела себя спокойно, в разговоры ни с кем не вступала, сидела с закрытыми глазами. Вид у нее был утомленный, так что люди из полиции не слишком усердствовали с вопросами.

Наконец тот самый начальственный мужчина, которого сопровождала блондинка, дозвонился куда-то и удовлетворенно кивнул.

– Дело сдвинулось, – сказал он вполголоса, – подключились серьезные структуры, сейчас этим пентюхам мало не покажется.

Дело, однако, сдвинулось не скоро. Тем не менее пассажиров больше не мучили и посадили в проезжающий поезд. Оксана согласилась на простой плацкартный вагон, ей было все равно.

Несколько пассажиров последовали ее примеру.

В вагоне все спали.

– Нам сюда, – сказал мужской голос, и Оксана с изумлением узнала того самого человека, который опекал ее с самого начала – куртку дал, коньяком напоил. Он так и держался с ней рядом, а теперь залез наверх и затих. Оксана упала на нижнюю полку и провалилась в тяжелый сон.

Разбудило ее осторожное прикосновение.

– Приехали, – сказал ее попутчик, – скоро город. Я на вас очередь в туалет занял. И вот, возьмите... – вместо полотенца он протягивал ей чистый носовой платок.

Спали они без постельного белья, так что полотенца не полагалось. Оксана взяла платок, забыв поблагодарить. Когда она вернулась – причесанная и умытая, попутчик разговаривал по мобильному телефону. Она тоже вспомнила, что нужно позвонить мужу – пускай встретит ее на вокзале, ей же не в чем идти, пальто сгорело. Однако ее телефон молчал – разрядился. Странно, вроде бы заряжала перед отъездом...

– Не разрешите позвонить? – спросила она попутчика, как же его звать... вроде бы он представлялся...

Она набрала городской номер своей квартиры, но никто не брал трубку. Странно, десятый час, муж должен быть дома. Ушел пораньше? Все может быть.

Она начала набирать его мобильный, но поняла, что не помнит номера. Был в голове и испарился! Черт, вот некстати напала на нее такая забывчивость!

– Это от стресса... – улыбнулся попутчик, и она впервые посмотрела на него внимательно. Вроде бы всю ночь они рядом, а она не помнит ни его лица, ни имени. Неудобно...

– Вы правы... – вздохнула Оксана, – голова не на месте.

Поезд прибыл.

– Мне бы такси, – сказала Оксана, с тоской глядя на толпу бойких мужичков с жуликоватыми глазами, встречающих пассажиров неизменными словами:

– Такси недорого, такси недорого...

Это была явная ложь, рассчитанная на приезжих лохов, каковые, впрочем, из Москвы не приезжают. А местные и подавно знают, что эти сдерут семь шкур, а стоит только покинуть здание вокзала и перейти площадь, любой левак довезет в три раза дешевле.

Ее спутник отмахнулся от нагловатых типов и потянул Оксану к выходу.

– Я вызвал такси, – сказал он, осматриваясь, – кажется, вон та машина – серый «опель»...

Машина оказалась та самая, водитель несколько не удивился, что Оксана с поезда и без багажа – значит, уже знает.

Оксана подвинулась на заднем сиденье, давая место своему спутнику (как же все-таки его зовут?), но он захлопнул дверцу и махнул рукой – ежайте, мол. Оксана дала водителю адрес и закрыла глаза, чтобы не приставали с сочувственными разговорами. Пускай водитель думает, что она спит.

Она и вправду впала в забытье. Побежали перед глазами придорожные кусты, скупо освещаемые мечущимся светом из вагонов. Промелькнула одинокая платформа, затем потянулся лес, чуть отступающий от насыпи. Стукнула дверь купе, и раздался женский голос:

– Я уже пришла...

Оксана вздрогнула и осознала себя на заднем сиденье машины.

– Приехали, – сказал водитель, – вон ваш дом.

– Чуть вперед поезжайте... – попросила Оксана, ей не хотелось идти к своему подъезду через весь двор. Там наверняка сейчас полно народу – бабушки вышли на прогулку, мамы с детьми, дворник... Все узнают, что она возвращается утром в ужасном виде. Оксане не хотелось никому ничего объяснять, поэтому она решила пройти через соседний двор под арку, а там сразу ее подъезд.

Она накинула на голову капюшон «полярки» и только сейчас спохватилась, что так и не отдала ее хозяину. Как неудобно получилось...

Без встречи не обошлось. Под самой аркой она столкнулась с соседом. Собственно, она не знала, где он живет, точно только, что в ее доме. Они сталкивались обычно по утрам, когда он прогуливал свою собаку – среднего черного пуделя. И едва кивали друг другу.

Черт, двенадцатый час, а он не на работе! Вот угораздило столкнуться! Оксана низко наклонила голову и сделала вид, что его не заметила. Но проклятый пудель кинулся под ноги и даже тявкнул. Мужчина воззрился на нее в удивлении – узнал, значит.

Было в его взгляде что-то такое... вообще он был Оксане неприятен – бросит взгляд исподтишка и сразу отведет, как будто боится чего-то. Глаза какие-то бесцветные, водянистые, ничего не выражают. Прошепчет едва слышно «здравствуйте» и заторопится мимо пройти, пуделя своего раздраженно дернет за поводок. Хоть бы паялился, как обычный наглец, – с такими все ясно. А этого не поймешь, что за человек. Собаку свою не любит, это точно – никогда с поводка не спустит, а один раз Оксана видела, даже ногой пнул.

Да и черт с ними со всеми!

Сентября четырнадцатого дня лета от Рождества Господнего тысяча пятьсот тридцать второго перед воротами города Нойбаха в Верхних прирейнских землях появилась необычная процессия. Впереди выступали двадцать ландскнехтов в помятых шлемах и кирасах, за ними ехал запряженный двумя косматыми лошадами возок, нагруженный странными и подозрительными предметами, на облучке этого возка рядом с возницей сидел мрачный одноглазый мужчина с огромными волосатыми руками и низким тяжелым лбом. За этим возком следовала крытая повозка, замыкали же процессию еще четыре ландскнехта. Городской привратник выбежал навстречу процессии, на ходу прицепляя перевязь с мечом, и закричал с несомненным испугом:

– Кто такие? По какому делу?

Капитан ландскнехтов зыркнул на стражника с крайним неудовольствием и проговорил с сильным баварским акцентом:

– Его преподобие смиренный брат Бернар Ги, с поручением и разрешением Его Святейшества! Немедля доложи епископу!

– Инквизитор?! – вскрикнул привратник в неподдельном испуге и помчался предупредить начальника караула.

Мрачная процессия миновала ворота, двинулась по узким улицам города к центральной площади, и по пути ее следования захлопывались окна и закрывались двери, как будто по городу пронесся вихрь. Наконец процессия остановилась на мощенной бульжником площади, между собором и домом епископа. Сам епископ, которому уже успели доложить о прибытии инквизитора, стоял на крыльце своего дома, сложив руки на животе, с выражением высокомерия и плохо скрытого испуга. Один из ландскнехтов откинул полог крытой повозки. Оттуда спрыгнула на землю большая черная собака в кожаном ошейнике, подбежала к епископскому крыльцу и подняла лапу на коновязь.

– Устыдись деяния своего, Милорд! – раздался из повозки низкий гнусавый голос, и вслед за собакой на землю спустился сутулый монах в грубом коричневом плаще с капюшоном, горбоносый, с маленькими пронзительными глазками и длинными черными волосами, обрамляющими аккуратно выбритую тонзуру.

– Приветствую тебя, почтенный брат Бернар! – с достоинством проговорил епископ и спустился еще на одну ступеньку. – Что привело тебя в наши глухие края?

– Привет и вам, Ваше Преосвященство! – ответил монах и, подойдя к епископу, смиренно коснулся губами перстня на его руке. – Меня привело к вам поручение Его Святейшества, денно и ночью пекущегося о благочестии своей паствы, и стремление искоренить ересь во всех ее отвратительных проявлениях!

Отступив на шаг, инквизитор повернулся к своей повозке и строго проговорил:

– Брат Мартин, исполни свою обязанность!

Из повозки тотчас же выскользнул худой, долговязый монах с белым, как непропеченное тесто, лицом. В одной его руке был лист пергамента, в другой – молоток. Из рта его торчали несколько гвоздей.

Подойдя к церковным дверям, он быстро и ловко приколотил к ним пергамент, отступил, любуясь своей работой, и прочел неожиданно громким и звучным голосом:

– Мы, имеющие на то милостивое соизволение и поручение Его Святейшества, наместника Христова на земле Павла Третьего и с разрешения Его Высокопреосвященства Архиепископа Пфальцского Антония, смиренный и ничтожный брат святого ордена доминиканцев инквизитор Бернар, побуждаемый жадной поддержать в чистоте святой католическую веру и уберечь наш богобоязненный народ от всяческой еретической заразы и заблуждения, в силу власти, которой мы облечены, приказываем и повелеваем, во имя повиновения святой католической церкви и под страхом отлучения от нее, чтобы всякий, кто знает или слышал о ком-либо, что тот предается колдовству, или волхвованию, или другой вредоносной ереси, что он употребляет тайные и недозволенные средства, дабы вредить людям, животным или посевам, наводя на них грозу или град, либо другими способами, чтобы всякий сей же час донес нам о таком еретике, если же он в течение двенадцати дней не подчинится нашему милостивому приказу, пусть он знает, что сам, как еретик и грешник, подлежит отлучению от Церкви и преданию суду. Дано сентября четырнадцатого дня в городе Нойбахе.

– Всей душой сочувствую твоей заботе о чистоте католической веры, брат Бернар, – проговорил епископ, пожевав губами. – Однако в моем городе, слава Господу нашему, слухом не слышано ни о какой ереси, а тем паче о колдовстве. Паства у меня богобоязненная и послушная, люди простые и добропорядочные...

– Рад слышать эти слова, – ответил инквизитор, но на лице его не было радости. – Однако смею возразить, Ваше Преосвященство. Мы с вами живем в такое трудное время, когда на земле множится число еретиков и вероотступников. Ежели вам неизвестны случаи ереси и ведовства, это может свидетельствовать лишь о том, как ловко скрываются и прячутся эти волки в овечьей шкуре. Не далее как в прошлом году посетил я город Вестербрюк в Баварии. На первый взгляд, там тоже все были богобоязненны и преданы Церкви, однако стоило нам начать следствие, как были выявлены десятки ведьм и знахарей. Под пыткой они сознавались в столь страшных

преступлениях, что не хватает человеческих слов для их описания! Сношения с дьяволом, колдовство и волхование, причинение ущерба людям и посевам – всего не перечислить! В итоге шестьдесят восемь человек были приговорены к сожжению... страшное время, Ваше Преосвященство! Враг человеческий хитер и коварен, он скрывается под сотнями обличий, но мы, доминиканцы, псы Господни, денно и ночью боремся с его происками! Никто не ускользнет от нас!

– Похвально, весьма похвально! – протянул епископ без удовольствия. – Не изволишь ли откушать со мною, брат Бернар?

– Непременно, Ваше Преосвященство! Путь мой был трудным и утомительным, хотя мои силы поддерживала вера. Надеюсь, у вас найдется постная пища...

– Несомненно, брат Бернар, несомненно!

– И пусть ваши люди позаботятся о моих спутниках.

– Долго ли вы намереваетесь пробыть в нашем городе?

– Как пойдут дела, Ваше Преосвященство. Неисчислимы козни дьявола и неисповедимы пути Господни!

Оксана открыла дверь своей квартиры и в изнеможении опустилась на пуфик у дверей.

В квартире было пусто. Она сбросила сапоги и босиком пошла на кухню. Грязная посуда киснет в раковине, на столе крошки, на плите – жирная сковородка. В гостиной ковер лежит криво, на столе пыль, на диване брошена раскрытая книга, на полу – огрызок яблока.

Подступило привычное раздражение. Всего-то не было ее дома одни сутки, а муж умудрился устроить такое безобразие.

Удивительно, что кровать в спальне оказалась застелена и чашка с недопитым чаем не стоит на тумбочке. Зато полшкафа одежды выворочено на стулья. Тут уж ничего странного – муж всегда так собирается на работу. В свое время Оксана пыталась приучить его к порядку, но он называл ее занудой и нарочно разбрасывал вещи. Ну уж сегодня-то она не станет за ним убирать – времени нет.

Она приняла горячий душ, сразу стало легче. Затем наскоро навела макияж, чтобы замазать темные круги под глазами, и решила, что не уйдет из дома, пока не поест по-человечески. Хватит с нее чая, кофе и черствых булочек!

Однако легко сказать, а трудно сделать. В холодильнике обнаружилось одно яйцо, пакет начинающего подкисать молока и две сосиски далеко не первой свежести. Понюхав их, Оксана решила, что в пищу они не годятся.

Булка была черствая, сыра не было вообще. В морозилке одиноко мерз пакет фарша – для данного случая вещь совершенно бесполезная. Оксана рада была бы сейчас обычным пельменям, но их не имелось. Да когда же он умудрился все съесть? Ведь вроде бы перед отъездом она что-то покупала. Хотя нет, Оксана вспомнила, что как раз не успела и просила мужа съездить в супермаркет.

Стало быть, не съездил. И где он болтался, интересно знать?

Но мысль эта тут же выветрилась у нее из головы как несвоевременная. В буфете нашлось немного муки и банка малинового варенья – то ли мама сунула когда-то давно, то ли еще кто принес. Свекровь точно не могла – ее сыночек терпеть не мог малину из-за косточек. Что ж, все к лучшему.

Оксана мигом взболтала яйцо с молоком, добавила муки, и через несколько минут на сковородке жарились оладушки.

После сытного завтрака она осоловела. Мелькнула мысль позвонить на работу и сказаться больной. Дескать, стресс у нее, нервы не в порядке, упадок сил и работать совершенно невозможно. А что? Все это правда.

Но чувство долга взяло верх, и она потащила в издательство, предварительно поставив на зарядку бесполезный мобильник.

* * *

На работе уже все знали. Секретарша Леночка, что заказывала ей билет, сопоставила даты и растрепала всему коллективу, что Оксана Николаевна пропала, потому что ее мобильник не отвечает, а ехала она в том же самом несчастном поезде, где случился пожар.

Поэтому охранник на входе поглядел на Оксану как на восставшую из гроба, а дура Ленка в приемной вскочила со стула и побежала по коридору, стуча каблуками и крича: «Она жива, она жива!»

Даже директор выскочил из кабинета. В общем, Оксане устроили овацию и затребовали подробностей.

Когда она пересказывала все случившееся в третий раз, директор крикнул, чтобы прекратили бесноваться и разошлись по рабочим местам. Оксана зашла к нему и отчиталась о поездке. Они поговорили немного, после чего началась обычная круговерть.

Прибежала заплаканная Аня из отдела пиара, у них назначена на послезавтра презентация книги, а типография задерживает тираж. И что тогда презентовать? Журналисты придут...

При виде ее Оксана вспомнила о вчерашней встрече.

– Слушай, а Логинов пришел? – спросила она.

– Какой Логинов? – отмахнулась Аня. – Ты понимаешь, что послезавтра будет полная катастрофа? Стольких людей собрали с большим трудом, а книги нет!

– Оксана, разберись! – рявкнул неслышно подошедший директор.

Потом прорвался к ней нервный автор, который поссорился с художником насчет обложки. Потом выяснилось, что другой, топовый, автор никак не сможет сдать рукопись к сроку. И Оксана просила, убеждала, входила в положение, грозила штрафными санкциями, мирила спорщиков, умоляла типографских пойти навстречу, и закончилось все это около семи часов вечера, когда директор давно уехал домой, да и все издательство опустело.

Оксана тяжело вздохнула и тоже побрела восвояси. На улице шел дождь, машина ее была в ремонте, так что пришлось тащиться на общественном транспорте.

Дома уютно горел свет, было слегка прибрано и пахло пирогами. Такая метаморфоза объяснялась очень просто: в гости неожиданно-негаданно заявила свекровь. Собственно, ничего удивительного, ей хотелось узнать подробности пожара. Надо отдать ей должное: свекровь никогда не приходила с пустыми руками. То пирог с рыбой притащит, то холодца лоточек, то буженину домашнюю. И все свое, с пылу с жару. Готовила она по старинке – много, жирно и сытно, начинала с нуля, даже фарша никогда не покупала – крутила мясо на обычной мясорубке, электрическая ее не устраивала. И слово «полуфабрикаты» в ее лексиконе было самым ругательным.

Сегодня были пироги с капустой и с яблоками, а еще целая миска круто зажаренных котлет с чесноком и перцем.

Удивляло не это, а то, что свекровь сумела заставить своего сыночка прибраться в квартире. Ведь может же, когда хочет!

– Оксаночка! – свекровь всплеснула руками. – Ну как же так вышло?

Оксана взгляделась в ее лицо. Вроде бы не врет, искренне волнуется за нее. Ну, надо человека порадовать, рассказать все в подробностях. Господи, как они все надоели!

В прихожую выглянул муж.

– Санка, ты как?

– Как видишь, – нахмурилась она, – мог и позвонить, поинтересоваться.

– А у тебя мобильник не отвечает, – тут же начал выговаривать Максим, – а я звонил в издательство, там сказали, что ты занята...

Оксана вспомнила, что и правда прибежала Ленка и что-то говорила, но она тогда только отмахнулась – уйди с глаз моих, некогда...

– И сама бы могла звякнуть, – муж смотрел теперь обиженно, – знаешь, что я волнуюсь.

– У меня телефон сел... – начала было Оксана, но тут же опомнилась. Как он умеет всегда так повернуть разговор, что она чувствует себя виноватой. Даже в данном случае. – А я, между прочим, чуть не сторела, – огрызнулась она, – вот помру, ты тоже будешь ждать моего звонка?

– Ужинать, ужинать! – пропела свекровь. – Пока горячее!

Переодеваясь, Оксана увидела, что мобильник заряжен. Она нажала кнопки пин-кода, но ничего не вышло.

– Ты скоро? – в спальню заглянул муж. – Все стынет...

– Сейчас! – отмахнулась она и снова набрала пин-код. Неверный. Да что еще такое? Сломался телефон, что ли?

За ужином Оксана долго пересказывала все, что случилось ночью, а свекровь ахала и прижимала руки к могучей груди. Но пироги были вкусные.

– Это судьба, – сказала свекровь перед уходом, – слышали? – И посмотрела почему-то на своего сына. – Надо свою жизнь пересмотреть и Богу свечку поставить!

– Угу, – промывчала Оксана, ей безумно хотелось спать.

– Сама поставлю! – пообещала свекровь. – И Николаю-угоднику тоже!

Муж повез свекровь домой, а Оксана из последних сил потащилась в ванную. Когда-то мама приучала свою дочку расчесывать перед сном волосы сто раз. Сто не сто, но сколько-то раз Оксана проводила по волосам каждый вечер. И волосы, обрадованные свободой, струились по плечам тяжелой волной.

* * *

– Милорд, ну потерпи ты немного! – Хозяин прикрепил поводок к ошейнику, застегнул плащ, нахлобучил кепку и крикнул в глубину квартиры: – Мы ненадолго!

– Купи по дороге молока! – отозвалась из кухни жена.

– Ладно!

Черный пудель вылетел из подъезда, натянул поводок, устремившись навстречу волнующим запахам, наполняющим большой проходной двор. Он хотел обследовать каждый камень, каждый угол, каждую тумбу, возле которой останавливались знакомые собаки, но хозяин не торопился спускать его с поводка. И вообще, вместо того чтобы вести пуделя на любимую площадку, он поволок его во второй двор, где не было ничего интересного.

И даже когда из подвального окошка выбрался драный бывалый кот и пудель, радостно взлаяв, бросился в атаку – хозяин укоротил поводок и потащил пса к подъезду в дальнем углу двора. Что за странный человек? Нет чтобы погулять самому и подарить пять минут свободы своему любимцу – он который день подряд тащит его в этот дурацкий подъезд!

Пудель понял, что полноценной прогулки опять не получится, и поспешно сделал свои неотложные дела.

Мужчина остановился перед железной дверью и набрал на домофоне номер самой верхней квартиры.

Там, на седьмом этаже, были мастерские художников, у которых вечно толпился народ. Художники и коллекционеры, натурщицы и журналисты, искусствоведы и случайные посетители мастерских плохо знали друг друга и поэтому открывали дверь кому попало. Вот и сейчас из динамика донесся нетрезвый голос:

– Это ты, Шура? Водки принес?

Мужчина пробормотал в ответ что-то неопределенное, замок щелкнул, и дверь открылась.

Мужчина пропустил пуделя вперед, вошел следом за ним в подъезд и закрыл за собой дверь.

Лестница была крутая, полутемная, но впереди его ждало то, ради чего он готов был подняться не на семь, а на семьдесят этажей.

До четвертого этажа пудель послушно бежал за хозяином, но потом он начал показывать признаки утомления – отставал, норовил задержаться на каждой площадке, натягивал поводок.

– Милорд, ну, еще немного! – подбодрил его хозяин.

Пес взглянул в ответ очень выразительно – когда я хотел погулять, ты мне этого не позволил, почему же теперь я должен идти навстречу твоим желаниям?

Хозяин взглянул на часы.

Времени оставалось совсем немного, так что капризы пуделя были недопустимы.

Тут наверху хлопнула дверь, послышались чьи-то спускающиеся шаги, и мужчина надумал просто и радикально решить оба вопроса: он подхватил пуделя под мышку, поднял воротник плаща, сгорбил и побрел вверх. Когда впереди показался спускающийся человек, он еще глубже надвинул на глаза козырек кепки и отвернулся к стене, чтобы не встретиться глазами с незнакомцем.

Впрочем, на лестнице было почти темно, так что вряд ли тот его запомнит.

Вот и седьмой этаж.

Из-за приоткрытой двери мастерской доносились громкие голоса, взрывы смеха. Мужчина проскользнул мимо, поднялся еще на несколько ступеней и оказался перед небольшой металлической дверью, на которой висел допотопный амбарный замок.

Мужчина был здесь уже не первый раз и знал, что замок исполняет чисто декоративную функцию. Он снял его с дужки и осторожно, стараясь не слишком громко скрипеть, открыл железную дверь.

За этой дверью был чердак, заваленный горами никчемной рухляди.

Старые ломаные оконные рамы, пустые ящики и коробки, матрас с торчащими во все стороны пружинами, детский трехколесный велосипед без одного колеса, станина от старинной швейной машинки, битые стекла, доски и просто мусор – все это заполняло чердак сплошным слоем.

Пудель оживился: здесь можно было поиграть, пока хозяин занимается своими непонятными делами. Он углядел в углу рваный резиновый мячик и потянулся за ним, натянув поводок, но хозяин снова строго прикрикнул на него, и пес удовольствовался красной клизмой.

Мужчина осторожно шагал по разъезжающейся грудке мусора.

Он был здесь уже не первый раз и нашел среди этого хлама относительно безопасный проход, но приходилось спешить: оставалось всего пять минут до начала.

Он перешагнул через ржавую батарею, поскользнулся на стопке школьных тетрадей, с трудом удержал равновесие. Под ногой оказалось что-то отвратительно мягкое, податливое. Скосив глаза, он увидел, что наступил на дохлого голубя.

Преодолев брезгливость, отшвырнул голубя носком ботинка, пробрался к стене, сделал еще несколько шагов и наконец оказался возле разбитого окошка. Из окна тянуло промозглой осенней сыростью, но это не имело никакого значения: он добрался, дошел, он успел вовремя. Наступил тот миг, ради которого он жил, ради которого мчался сюда, задыхаясь, карабкался по крутой лестнице, пробирался через груды мусора, рискуя подвернуть ногу.

Отсюда, из этого окна, было видно другое оконце, в доме напротив, двумя этажами ниже.

Это было маленькое, совсем крошечное оконце ванной комнаты, и в это оконце мужчина с пуделем мог видеть ее.

Он не зря так спешил. По ней можно было проверять часы. Она как раз вошла в ванную, достала из шкафчика расческу и принялась расчесывать свои удивительные волосы, волосы цвета светлого майского меда. Иногда он видел ее тонкий профиль, длинную шею, обвитую золотой цепочкой, но окошко было такое узкое, что пышные волосы все закрывали.

Ему не было видно ничего, ничего, кроме ее волос, но ему и не нужно было другого. В этих волосах, словно жидкое золото, медленно протекающих через густой гребень, был воплощен для него весь смысл жизни, вся ее красота и прелесть. Он готов был часами стоять здесь, на сквозняке, возле грязного разбитого окна, и смотреть, как она расчесывает свои волосы.

Он приходил сюда каждый вечер, приходил в волнении, с бьющимся сердцем, не уверенный – придет ли она сегодня?

Несколько раз бывало, что она не приходила – возможно, уезжала куда-то или просто уходила по делам. Тогда мужчина стоял полчаса в жалкой, слабой надежде и вынужден был уходить, чтобы жена ничего не заподозрила.

Но сегодня, к счастью, она снова появилась.

Она расчесывала волосы, вполне уверенная, что ее никто не видит – да и кто мог видеть ее?

Маленькое окошко ванной комнаты было так расположено, что в него можно было заглянуть только отсюда, из этого разбитого чердачного окна.

Она расчесывала волосы удивительно долго, словно исполняла какой-то древний, священный обряд. Впрочем, так оно и было – ибо какой ритуал может быть древнее и прекраснее...

Он вспомнил, как в академии, на занятиях по немецкому языку, они читали Гейне.

Ich weis nicht, was soll es bedeuten...

Он сам удивился, что в памяти сохранилась немецкая строчка, и начал припоминать перевод.

...Над страшною высотой
Над Рейном навис утес,
Сражает пловцов красотою
Там дева в золоте кос.
Расчесывает гребнем
И дивную песню поет,
И, замороженный пенем,

На камни певец плывет...

[1]

Он чувствовал себя этим пловцом, забывшим обо всем на свете, не замечающим торчащих из воды острых камней, коварных отмелей и бурунов, пловцом, для которого весь мир сошелся в одну точку, в одно крошечное оконце, через которое он может любоваться волосами цвета майского меда...

Он готов был стоять здесь вечно, не сводя с нее глаз, любясь тем, как она расчесывает волосы, но остальные участники ежевечернего ритуала не разделяли его желания.

Сперва пудель начал скулить и дергать поводок.

С пуделем он разобрался просто – пнул его ногой, вложив в этот удар все раздражение, всю свою неутолимую тоску.

Пес обиженно взвизгнул, отскочил к стене и затих, но поэзия мгновения была уже безнадежно испорчена.

Но хуже было другое –

она

закончила расчесывать волосы и ушла от окна.

Он вздохнул.

То главное, что придавало смысл его жизни, то, чем он жил с утра до вечера, закончилось – и нужно было возвращаться к тусклым будням, к унылым повседневным делам. Что там велела купить жена? Кажется, молоко?

Чего только он не отдал бы за то, чтобы обладать ею, этой женщиной с волосами медового цвета! Чего только не отдал бы! Он пошел бы ради нее на любое преступление...

Он нехотя отошел от окна, дернул за поводок.

Пудель обиженно твякнул и поплелся следом, бросив на хозяина неприязненный взгляд. В этом взгляде читалось: если бы я только мог говорить, все рассказал бы хозяйке!

– Если бы! – передразнил его мужчина и для профилактики стегнул поводком.

Пудель взвизгнул – не столько от боли, сколько от несправедливости – и послушно засеменил за хозяином.

Они выбрались с чердака на лестницу.

Мужчина повесил на место замок и пошел прочь, мечтая о завтрашнем дне.

– Ты купил молока? – раздался из кухни голос жены, едва он вошел в квартиру.

– В магазине не было молока! – ответил он, с трудом скрывая раздражение.

Жена ничего не ответила.

Он разделся и пошел в ванную. Нужно было ложиться спать, чтобы встать утром, прожить серый, тусклый, унылый, бесконечный день, скрашиваемый только одной мыслью, только одним ожиданием: вечером он возьмет собаку и снова пойдет на тот захламленный чердак.

Чтобы простоять несколько минут у окна, глядя, как ее золотые волосы текут сквозь гребень.

Господи, как же он хочет эту женщину! Душу бы продал за то, чтобы обладать ею!

Показалось ему или нет, что в лужице воды в раковине мелькнуло чье-то лицо? Скорее не лицо, а маска – злобная, нечеловеческая... Глупости, он совершенно рехнулся! Нужно взять себя в руки! У него такая ответственная работа...

На следующий день было воскресенье, и брат Бернар вместе со всеми своими людьми пришел на мессу. Пока епископ произносил проповедь, посвященную всемирному искоренению ереси и колдовства, инквизитор внимательно разглядывал прихожан, чтобы определить, кто из них недостаточно тверд в вере. Рядом с ним стоял секретарь епископа итальянец Луиджи, шепотом называя имена горожан, привлечших внимание брата Бернара.

– Это Бауэр, бакалейщик, – прошептал Луиджи, увидев, что инквизитор разглядывает лысого толстяка, задремавшего во время проповеди. – А рядом с ним – Михель Линц, аптекарь...

позади аптекаря – булочник Дроссельмайер с женой... весьма благочестивый господин!

– А кто та дама в голубом платье? – спросил брат Бернар, внезапно ощутив головокружение, словно у самых его ног разверзлась бездонная пропасть.

– Это фрау Ситтов, жена богатого торговца... – услужливо сообщил итальянец. – Муж ее сейчас в дальнем плавании. Фрау Ситтов – усердная прихожанка, очень благочестивая, ежедневно ходит в церковь и много жертвует...

– Фрау Ситтов... – инквизитор повторил это имя, словно попробовал его на вкус. Оно показалось ему сладким, как майский мед. И волосы этой женщины были цвета светлого меда, и глаза – необыкновенного медового оттенка.

Брат Бернар вспомнил, как в молодости совершил паломничество к святому Иакову Кампостельскому. Там, в прохладной полутьме собора, он увидел чудесный лик золотоволосого ангела, который на всю жизнь запечатлелся в его сердце. И вот теперь в этом захолустном немецком городке он встретил женщину с лицом того ангела...

Инквизитор вцепился в плечо Луиджи, чтобы удержаться на ногах. Неисчислимы козни дьявола, тысячи путей находит он, чтобы поразить верных слуг Господа!

– Что с вами, досточтимый брат? – испуганно спросил итальянец.

– Ничего... – отозвался Бернар, справившись со своим голосом. – Здесь душно...

– Должно быть, вы слишком изнурили себя постом и молитвой, досточтимый брат!

Воскресным вечером бравые ландскнехты из свиты брата Бернара всей компанией закатились в кабачок «Под золотой лозой», сам же инквизитор, закрыв лицо капюшоном, обошел город со своей черной собакой. Черной тенью проскользнул он мимо собора, мимо таверны, мимо городской аптеки, заглядывал в окна, пытаясь угадать, за каким из них скрываются еретики. Вдруг из темной подворотни выскользнула еще более темная тень, нерешительно приблизилась к инквизитору.

Черная собака зарычала, обнажила желтые клыки.

– Спокойно, Милорд, спокойно! – проговорил брат Бернар, схватив пса за ошейник. – Этот благочестивый человек хочет исполнить свой долг перед Церковью...

Незнакомец что-то зашептал на ухо инквизитору. Тот благожелательно улыбнулся, перекрестил доносчика и пошел дальше. И тут, проходя мимо городского колодца, он увидел стройную женщину со служанкой, которая спешила домой. Голова ее была покрыта темной шалью, скрывающей лицо, но инквизитор не сомневался, что это она, фрау Ситтов.

Он проследил за женой торговца до самого дома, посмотрел из-за угла, как служанка заперла дверь, вернулся в комнату, которую отвел ему епископ, скинул свой монашеский плащ и долго бичевал себя по голым плечам, по спине.

Однако бичевание не помогло: когда брат Бернар улегся на свою узкую кровать, перед его закрытыми глазами стояла женщина в синем платье, женщина с лицом ангела, женщина с глазами удивительного медового цвета...

* * *

В первый день к инквизитору подошел только один человек, во второй – трое, на четвертый день он едва успевал записывать показания доносчиков. Доносили на соседей и на лучших друзей, мужа доносили на жен, братья – на сестер, дети – на матерей.

Брат Бернар сидел в своей комнате, как паук в центре паутины, и записывал, записывал, записывал. Встречаясь за обедом с епископом, он светлел лицом и говорил:

– Вот так, Ваше Преосвященство! Вы считали, что ваша паства сплошь состоит из добрых христиан, из невинных агнцев, а они оказались волками в овечьей шкуре! Мы только начали расследование, а у нас уже десятки подозреваемых!

– Ну, право, я не знаю, можно ли верить всем этим доносам... – Епископ морщился. –

Возможно, кто-то доносит не по христианскому долгу, а со зла, из мести или из корысти.

– На этот счет вы можете не сомневаться, Ваше Преосвященство! – Брат Бернар показывал епископу небольшую книжицу в потрепанном переплете. – У меня есть мое несравненное орудие, «Молот ведьм», блистательный труд двух моих досточтимых коллег, опытнейших братьев инквизиторов Шпренгера и Инститора. Здесь, в этой небольшой книге, подробно разъясняется и то, как следует вести допрос и следствие по делу о ведовстве, и то, как отличить чистосердечный донос от злонамеренного и лживого. Пользуясь этой книгой, я никогда не сойду с верного пути!

Епископу нечего было возразить, и он завершал обед в молчании. А брат Бернар спешил в свою келью, куда помощник одного за другим приводил доносчиков.

Брат Бернар внимательно выслушивал каждого, задавал каверзные вопросы, как советовали авторы «Молота ведьм», дабы выяснить, не вызван ли донос исключительно смертельной враждой доносчика и обвиняемого, основан ли он на собственных наблюдениях или лишь на смутных слухах. Впрочем, как говорили братья инквизиторы в своем бессмертном труде, нет дыма без огня, и упорный слух – достаточное основание для проведения расследования. На этом этапе дознания брат Бернар еще не производил арестов, он лишь собирал материалы, чтобы затем одним махом захватить наиболее подозрительных горожан.

А потом, когда присутственные часы заканчивались, брат Бернар покидал дом епископа и со своей собакой черной тенью блуждал по городу, заглядывая в каждый закоулок, в каждую темную подворотню. Инквизитор говорил себе, что отыскивает еретиков, хочет выследить их тайные сборища, но в действительности ему хотелось еще раз увидеть женщину с медовыми глазами...

Прохожие шарахались от него, как от привидения, испуганно крестились и торопились скрыться в своих домах, запереть двери, отгородиться от черной тени, расплзающейся по городу...

В своих блужданиях инквизитор раз за разом невольно возвращался к дому фрау Ситтов, но ставни его всегда были плотно закрыты, и ему не удавалось увидеть ту, которая внесла смутение в его сердце, так что приходилось ждать следующего воскресенья, чтобы встретить ее в церкви.

Вернувшись в свое одинокое жилище, брат Бернар долгие часы молился и бичевал свои израненные плечи, прося у Господа помощи в борьбе с еретиками и с собственным своим сердцем, охваченным преступной страстью...

Однажды во время своих ночных блужданий по городу инквизитор оказался перед жалкой лачугой, притулившейся к городской стене возле самых ворот. Из единственного окошка хижины выбивался тусклый, мерцающий свет.

Странное чувство охватило его. Брат Бернар толкнул дверь и вошел внутрь, согнувшись. Собака испуганно заскулила, но все же последовала за хозяином, прижимаясь к его ногам. За дверью увидел он тесную и грязную каморку, освещенную тускло тлеющей лучиной и угасающим огнем в очаге, над которым булькало в закопченном котелке какое-то зловонное варево. Над котелком висели пучки трав и какие-то странные предметы, напоминающие то ли сморщенные мышинные тушки, то ли сохнувшие лохмотья. Перед самым очагом сидела на корточках оборванная старуха с седыми космами, свисающими на глаза, и полуоткрытым ртом, посреди которого красовался единственный желтый зуб, как колокольня церкви посреди безлюдной пустоши.

Повернувшись к вошедшему, старуха уставилась на него неожиданно яркими глазами и проговорила:

– Ну, наконец-то ты пришел ко мне, красавчик! Давно я тебя ждала! Посиди со старухой, отведай моего угощения!

– Ты ждала меня? – удивленно переспросил инквизитор. – С какой стати? Да знаешь ли ты, кто я такой?

– Еще бы не знать! – Старуха мерзко захихикала. – Ты – стервятник, могильный червяк, служитель смерти! Мы с тобой одного поля ягоды, красавчик!

– Как ты смеешь говорить мне такое, старая ведьма! – возвысил голос брат Бернар. – Я – служитель матери нашей католической церкви, преданный слуга Его Святейшества папы, верный пес Господа, призванный искать и поражать ересь во всяких ее проявлениях...

– Вот-вот! – перебила его ведьма и снова захихикала. – Я же и говорю – стервятник, прислужник смерти! Но ты зря так кипятишься, красавчик, ведь я знаю, зачем ты ко мне пришел!

– Зачем? – переспросил инквизитор, теряя свою былую уверенность. – Я случайно увидел твою лачугу, случайно толкнул эту дверь, у меня и в мыслях не было...

– Бла-бла-бла! – протянула старуха. – Ты сам-то веришь своим словам, красавчик? Ты пришел ко мне, чтобы попросить у меня помощи! И не стыдись в этом признаться!

– О чем ты говоришь, старая ведьма? Чем ты можешь помочь мне? Ты – старая нищая ворона, случайно задержавшаяся на этом свете, я же – исполнитель воли Его Святейшества...

– Ну вот, опять заладил! – Старуха зевнула. – Тебе еще не надоело повторять одно и то же?

– Ты кощунствуешь, старуха! – инквизитор повысил голос и огляделся по сторонам. – И вообще, здесь явно пахнет ересью и колдовством! Не понимаю, как Его Преосвященство господин епископ до сих пор терпел твоё присутствие в этом городе? Ну, ничего, я с этим быстро покончу! Завтра же я пришло за тобой ландскнехтов!

– Ох, как я напугалась! – Старуха изобразила на лице притворный ужас и снова захихикала. – Не пора ли перейти к делу, красавчик? Ты ведь хотел попросить у меня её...

– Её? – переспросил брат Бернар, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – О чём ты...

– Взгляни-ка, красавчик, в это зеркало! – Старуха вытащила из своих лохмотьев круглое венецианское зеркало в серебряной оправе, на ручке из слоновой кости. Эта дорогая изящная вещь казалась вовсе не уместной в жалкой каморке старой ведьмы. Старуха протерла зеркало грязным рукавом и протянула инквизитору.

Брат Бернар не хотел брать зеркало – но послушно взял его, как будто его рукой водила какая-то чуждая сила, и против воли взглянул в сияющий овал.

И вместо собственного лица он увидел в зеркале женщину с глазами цвета светлого майского меда. Фрау Ситтов неспешно расчесывала свои чудесные медовые волосы, глядя прямо перед собой с выражением равнодушного покоя, глядя словно в самое сердце брата Бернара, в самую его душу.

– Славная бабенка! – проговорила ведьма. – Не смущайся, красавчик, старая Герда тебе поможет!

– Как ты смеешь, ведьма... – начал инквизитор, но старуха нетерпеливо отмахнулась от него, вырвала из его руки зеркало, спрятала снова в своих лохмотьях.

И брат Бернар внезапно упал на колени, протянул руки к нищей знахарке и взмолился:

– Дай мне ещё посмотреть на неё!

– Довольно, красавчик! – строго ответила старуха. – Много ли от этого проку? Я же сказала, что помогу тебе! Бабенка и впрямь хороша! Она будет твоей, не сомневайся!

Она отвернулась от инквизитора, пошарила в груде лохмотьев возле очага и вытащила оттуда глиняный кувшинчик, запечатанный золотистым воском.

– Вот, красавчик, возьми это. Когда будешь один, намажь себя всего, с головы до ног!

Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка! – старуха мерзко захихикала. – Только помни – когда будешь совсем, совсем один!

– С какой стати... – попробовал возразить брат Бернар, но старуха отмахнулась от него небрежным королевским жестом:

– Можешь не благодарить меня! Я же говорю – мы с тобой одного поля ягоды, красавчик, а между своими – какие счёты! Ну, разве что ты подаришь старухе монетку, одну монетку... –

Старуха прищурилась, пристально взглянув на инквизитора, и повторила: – Только помни, когда будешь совсем один!.. И ещё – он исполнит только одно твоё желание, только одно, так что не ошибись, подумай хорошенько, прежде чем просить...

– Он? – в ужасе переспросил инквизитор. – Кто – он?

Но старуха ничего ему не ответила, и вдруг сильный порыв холодного ветра ворвался в её лачугу, подхватил брата Бернара и вынес его на ночную улицу, как осенний листок или негодную тряпицу.

Инквизитор едва удержался на ногах, но та же неведомая сила гнала его вперед, прочь от ведьминого жилища. Он бежал, не в силах остановиться, бежал, натываясь на ночных гуляк и припозднившихся прохожих, пока не добежал до епископского дворца. Черный пес едва поспевал за хозяином.

На крыльце двое ландскнехтов играли в кости. Удивленно взглянув на брата Бернара, они посторонились, пропуская его в двери.

Оксану разбудил телефонный звонок. Она спросонья взглянула на будильник – без пяти девять. Ой, проспала!

Рядом безмятежно посапывал муж.

– Слушай, тебе на работу не надо? – Она не слишком вежливо пихнула его в плечо.

– А? – Он с трудом открыл глаза. – А будильник звонил?

Тут до неё дошло, что звонит не будильник, а телефон, и все же надо подойти.

– Да! – крикнула она. – Слушаю!

В ответ женский ледяной голос проговорил, что Карасевой О. Н. надлежит сегодня в двенадцать ноль-ноль явиться по адресу такому-то для дачи свидетельских показаний. Повестка доставлена, лежит в ее почтовом ящике.

– Быстро как успели!.. – только и сказала Оксана.

– А что ты думаешь? – муж стоял рядом. – Это же не шутка – такой случай. Да еще и Туманов погиб!

– Туманов? Ах да, конечно, Туманов... – рассеянно пробормотала Оксана и проскочила в ванную раньше мужа. За это он съел остатки пирога с капустой, ей ничего не оставил. Он всегда так, как маленький...

Перед уходом онахватила телефон, он по-прежнему был как мертвый. Оксана постояла, мучительно вспоминая пин-код. Все точно, она не могла перепутать. Тщательно нажимая кнопки, ввела цифры. Опять облом! Код неверный! Все, телефон заблокировался. Нет, все же он сломался. Нужно идти в сервис.

* * *

Прапорщик за деревянным барьером смотрел футбол по телевизору. Оторвавшись от экрана, недовольно взглянул на Оксану, спросил:

– К кому?

– К майору Супникову! – Оксана положила перед прапорщиком повестку. Он с сомнением на лице разглядел бумажку, внимательно прочел, поднял глаза.

– Не к Супникову, а к Ступникову! Это двадцать восьмой кабинет, второй этаж!

– Там неразборчиво... – пробормотала Оксана, но прапорщик на нее уже не смотрел – перед воротами назревала критическая ситуация.

Оксана поднялась на второй этаж, нашла нужную дверь, постучала. Из-за двери донесся какой-то нечленораздельный выкрик, который она решила считать приглашением.

Двадцать восьмой кабинет оказался маленькой захлавленной комнатой, в которой имелись два заваленных бумагами письменных стола, несколько несгораемых шкафов, несколько хлипких стульев и табуреток, большое разлапистое растение в деревянной кадке и множество более мелких и незначительных предметов, включая самого хозяина кабинета.

За одним из письменных столов сидел долговязый мужчина лет сорока с красными оттопыренными ушами и непослушно торчащими во все стороны волосами цвета «перец с солью».

– Фамилия! – прогремел мужчина, пристально разглядывая Оксану.

– Моя? – переспросила она в растерянности.

– Нет, Пушкина! – Мужчина безуспешно пригладил волосы ладонью. – Конечно, ваша! Свою фамилию я пока что помню!

– Моя фамилия Карасева, – сообщила наконец Оксана. – Меня вызвали к майору Суп... извините, Ступникову. Это вы?

– Допустим! – Майор привстал, показал ей на свободный стул и что-то размашисто черкнул в раскрытом блокноте. – Присаживайтесь, гражданка Карасева! И расскажите мне подробно обо всем, что вы делали во время... происшествия.

– Я вообще-то все уже рассказала там, на месте... – протянула Оксана неуверенно.

– Там – это одно дело, а здесь – другое. Вы могли что-то вспомнить, как говорится, утро вечера мудренее. Короче, расскажите все еще раз! Происшествие, сами понимаете, трагическое, с человеческими жертвами, и мы должны во всем разобраться.

– Ну, значит, я пришла в свое купе, устроилась... познакомилась с соседкой...

Она вспомнила Валентину и почувствовала укол сострадания. Был человек – и нет его...

– Так, значит, познакомилась, – напомнил ей майор о своем существовании. – Что дальше?

– А дальше... дальше я пошла в вагон-ресторан. У меня была там назначена встреча...

– Фамилия! – прервал ее майор.

– Чья? – испуганно переспросила Оксана.

– Ну, не моя же!

– Карасева... – Оксана захлопала глазами.

– Ну до чего же эти штатские бестолковые! – проговорил майор, обращаясь к полуоткрытому несгораемому шкафу. – Гражданка, вы мне свою фамилию уже назвали, и я ее в протоколе зафиксировал! Зачем вы мне ее повторно называете?

Оксана почувствовала нарастающее раздражение.

– Ну, вы же требуете, чтобы я вам все заново рассказывала, – ответила она, стараясь сдерживаться. – Может быть, у вас такой порядок – задавать все вопросы по нескольку раз?

– У нас такой порядок, чтобы на вопросы отвечать! – оборвал ее майор. – Я у вас спрашиваю фамилию того человека, с которым вы встречались в вагоне-ресторане...

– Дело в том, что я с ним так и не встретилась, – возразила Оксана. – Я его ждала, а он так и не пришел!

– Фамилия! – рявкнул майор и даже пристукнул кулаком по столу. – Фамилия того человека!

– Логинов, – мрачно ответила Оксана. – Андрей Логинов. Но он так и не пришел...

– Мухин! – Майор снова повернулся к полукруглому шкафу. – Что у нас по Логинову?

– Ничего, – пропыхтели из шкафа, и оттуда выдвинулся обтянутый серыми брюками круглый зад. – Совершенно ничего. Нет у нас никакого Логинова.

– Так что, гражданка Карасева, неудивительно, что вы не дождалась его в вагоне-ресторане, – произнес майор язвительно. – Никакого Андрея Логинова в поезде не было.

– То есть как – не было? – возмутилась Оксана. – Он меня доставил на вокзал, проводил до купе и пошел к себе... он сам ехал в другом вагоне, и мы договорились встретиться через сорок минут в вагоне-ресторане, точнее, он сам на этом очень настаивал... он хотел со мной поговорить о каком-то своем проекте...

Из шкафа снова запыхтели, обладатель круглого зада поднялся и оказался невысоким краснощеким толстячком лет тридцати, с разбухшей папкой в руках.

– Не было среди пассажиров этого поезда никакого Логинова! – сообщил он важно и потряс папкой.

– Что вы такое говорите! – Оксана всем телом повернулась к нему, и стул под ней предательски хрустнул. – Вы наверняка ошибаетесь! Проверьте еще раз, он непременно должен быть! Ведь я его своими глазами видела, я с ним разговаривала...

– Извините, гражданка Карасева, – возразил ей толстяк. – Если я говорю, что в этом поезде не было Логинова – значит, не было. У меня есть личные данные всех пассажиров. Вот Логунов Андрей Михайлович был, а Логинова не было...

– Логунов? – ухватилась за его слова Оксана. – Ну, может быть, он действительно Логунов... может быть, я ошиблась, неправильно расслышала фамилию...

– Логунов Андрей Михайлович, одна тысяча девятьсот двадцать девятого года рождения... – громко прочитал толстяк, вытащив из своей папки какой-то мятый листок. – Вы хотите сказать, что это именно он доставил вас на вокзал?

– Девятьсот двадцать... да ему почти сто лет! – воскликнула Оксана. – Это точно не тот, мой – молодой человек...

– А больше никого вам не могу предложить! – Мухин развел руками. – Больше никого подходящего в поезде не было.

– Да что вы такое говорите! – повторила Оксана. – Не может быть...

Она чувствовала, что полицейские ей не верят и каждое ее слово только усугубляет это недоверие, чувствовала себя как муха, попавшая в липкую паутину и каждым своим движением только сильнее затягивающая ее...

Оксана постаралась не волноваться, взять себя в руки, говорить спокойно и убедительно, как она привыкла говорить на совещаниях у руководства.

– Знаете, – начала она снова, – все это звучит очень странно... более чем странно. Но почему, собственно, вас так интересует этот Логинов или Логунов?

Майор Ступников, который до этого только слушал их препирательства с Мухиным, скептически наклонив голову набок и ритмично постукивая пальцами по крышке стола, внезапно оживился и, перегнувшись через стол, проговорил:

– Потому что только он мог бы подтвердить ваши слова.

– А что в моих словах нуждается в подтверждении? – удивилась Оксана. – Чему вы не верите? Я действительно была в вагоне-ресторане, это могут подтвердить и официанты, и другие пассажиры...

– Как раз в этом мы не сомневаемся, – заверил ее майор. – То, что вы были в ресторане, как говорится, медицинский факт. Но вот почему

вы там были – это вопрос... и вот тут начинаются нестыковки. Вы говорите о каком-то Логинове, которого нет в списке пассажиров...

– Но я не понимаю... что, пойти в вагон-ресторан – это преступление? По-моему, он для того и существует!

– Не понимаете? – Толстяк подскочил к ней, потряс в воздухе папкой. – Да бросьте вы! Все вы понимаете! Вы отправились в вагон-ресторан, и почти сразу после этого в вашем вагоне происходит взрыв, начинается пожар и гибнут люди... если бы вы не ушли, вы бы тоже погибли!

И только теперь до Оксаны дошло, почему эти двое допрашивают ее с таким пристрастием. Если бы парень, который привез ее на вокзал, не назначил ей встречу в вагоне-ресторане, она бы сразу легла спать и была бы во время пожара в своем купе, вместе с Валентиной... и наверняка погибла бы. Она поняла это сразу, в ту страшную ночь, – и подумала, что Логинов совершенно случайно спас ее.

Но в глазах полицейских это не выглядит простым везением, не выглядит игрой случая.

В их глазах это выглядит очень подозрительно.

Она очень своевременно ушла из своего вагона – не потому ли, что знала, что должно произойти?

Она ссылается на человека, который назначил ей встречу, – а этого человека нет в списке пассажиров!

Что это может значить? Либо он – вовсе не тот, за кого себя выдавал, вовсе не Андрей Логинов, либо... либо она его выдумала, чтобы отвести от себя подозрения.

И еще... еще это значит, что в поезде произошел вовсе не несчастный случай.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – спросила Оксана, затравленно озираясь.

– А вам есть в чем признаться? – ответил майор вопросом на вопрос. – Если вы хотите нам что-то сообщить – сейчас самый подходящий момент для этого!

– Мне нечего вам сказать! – Оксана резко отдернулась, стул под ней скрипнул и едва не сломался. Она вскочила и повторила, сжав кулаки: – Я ни в чем не виновата!

– А мы вас пока ни в чем и не обвиняем, – примирительным тоном проговорил майор. – Однако просим никуда не уезжать. У следствия к вам наверняка еще будут вопросы.

Оксана вышла в коридор и натолкнулась там на высокого старика, чье лицо было ей знакомо.

– Здравствуйте, – обрадовался он, – вот и свиделись.

– Андрей Михайлович? – через силу улыбнулась Оксана. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, голубушка, полегчало мне, – кивнул он, – а лежать не люблю, пустое это занятие.

Вот, сюда вызвали как свидетеля. А вы что-то бледненькая, устали?

– Столько всего навалилось. – Оксана отвела глаза.

– Логунов! – это выскочил из кабинета майор Мухин. – Что ж это вы себя ждать заставляете? У нас лишнего времени нету!

– Дожил! – пробормотал Андрей Михайлович. – Иду уж...

* * *

После допроса Оксана чувствовала себя совершенно разбитой и опустошенной. Идти в таком состоянии на работу она не могла и поплелась домой. Черт с ними со всеми, обойдутся один раз без нее!

Подходя к дому, она встретила знакомого мужчину с черным пуделем. Он взглянул на нее как-то странно и быстро прошел мимо, чему Оксана откровенно обрадовалась – ей сейчас ни с кем не хотелось разговаривать, хотелось остаться одной.

Однако в пустой квартире ей стало еще хуже, в ушах у нее стоял грохот взрыва, гудение огня, перед глазами мелькали багровые отсветы ночного пожара.

Чтобы как-то отвлечься от этих мыслей, от этих тягостных воспоминаний, она включила телевизор.

Там как раз шли новости.

Хорошенькая ведущая, вытаращив круглые голубые глаза, вещала с чувством собственной значительности:

– Как нам сообщили в пресс-службе управления внутренних дел, новые данные появились в деле об аварии поезда Москва – Петербург. Как уже сообщалось, при этой аварии погиб вице-губернатор нашего города Арсений Туманов. Новые данные, вскрывшиеся в ходе

расследования, указывают на то, что имела место не случайная авария, а заранее спланированная диверсия или террористический акт, целью которого и был вице-губернатор Туманов. В настоящее время следствие прорабатывает различные варианты, заказчиков и исполнителей теракта ищут в криминальных кругах, а также среди бизнесменов, чьи интересы мог затронуть Арсений Туманов. Мы обещаем держать наших зрителей в курсе расследования...

Ведущая перешла к прогнозу погоды, а Оксана тупо смотрела на экран, пытаясь переварить услышанное.

Она помнила, как по коридору вагона прошел важный, самоуверенный мужчина с охранником, Валентина сказала ей, что это вице-губернатор Туманов.

Значит, взрыв в поезде был устроен, чтобы избавиться от него... а она оказалась в неудачное время в неудачном месте. И то, как сегодня с ней разговаривали двое полицейских, вовсе не случайно.

Они хотят сделать из нее подозреваемую, а потом и обвиняемую... хотят свалить на нее эту диверсию!

Но, с другой стороны, в этом деле и правда много подозрительного.

Андрей Логинов... он назначил ей встречу в вагоне-ресторане, а сам не пришел. А теперь вот выясняется, что такого человека вообще не было среди пассажиров поезда!

Как это может быть?

Да очень просто. Ведь она не проверяла его документы, это ей и в голову не пришло – и с какой стати? Ведь он предложил подвезти ее на вокзал, сослался на Лидию Яковлеву из издательства...

И тут она вспомнила их разговор – и поняла, что ни на кого он не ссылался, это она назвала ему имя Лиды, а он только утвердительно кивнул в ответ... И поймал он ее уже на выходе из издательства, то есть можно предположить, что он просто поджидал ее уже за вертушкой.

Охрана на него внимания не обратила – мало ли кто возле дверей отирается?

Теперь ясно, что и машина была не от издательства – не того полета птица Оксана Карасева, чтобы ее на машине возили...

Снова, как тогда, перед пожаром, в глазах у нее потемнело, и сердце гулко забилося где-то у горла. Оксана прижалась к спинке дивана и застыла.

В квартире стояла унылая тишина. Она набрала телефон мужа. Хоть бы пришел, воды подал, а то так и окочуриться можно. В ответ чужой голос сообщил, что телефон выключен.

Отчего-то этот простой факт возмутил Оксану до глубины души. Когда муж ей нужен, его нет! А ведь это случается так редко...

В самом деле, они как-то редко видятся. А когда встречаются, то почти совсем не разговаривают. Перекинутся общими, ничего не значащими фразами – и все.

Думать об этом было неприятно. Но Оксана отогнала эти мысли как глупые, пустые и несвоевременные. В самом деле: ее допрашивают в полиции, еще эта странная история с Логиновым, или как его там звать на самом деле...

А ведь она не сможет доказать, что он назначил ей встречу. Их вместе никто не видел. То есть проводница видела, когда они у вагона условливались, так она наверняка этого не вспомнит. Но зачем, зачем он все это сделал? Знал, что начнется пожар, и хотел ее спасти? Глупо, они никогда раньше не виделись, с чего он решил ее спасти?

И что же ей теперь делать?

Не ныть и не жалеть себя, тут же ответила она, а лучше заняться хозяйством, раз уж не пошла на работу. Квартира и правда в запустении, и стирки накопилось много.

Оксана мигом собрала все белье и полотенца и по инерции стала искать в прихожей свою дорожную сумку – мало ли что в ней завалялось... Но тут же вспомнила, что сумки нет, она сгорела в поезде. Хорошая была сумка, дорогая, почти новая... И пальто тоже сгорело. Жалко, всего один сезон его носила. Вот кстати еще забота – нужно же что-то купить на осень.

Ее тут же обожгло чувство стыда. Люди погибли, а она пальто жалеет! Вот Валентине уже ничего не надо...

Взгляд упал на серую «полярку», что висела на вешалке. Вот ее нужно отдать владельцу. Но сначала выстирать.

Прежде чем запихнуть куртку в стиральную машину, Оксана обшарила карманы и нашла в одном визитку. Кораблев Олег Вячеславович, и дальше два телефона – домашний и мобильный.

И больше ничего – ни кто такой этот Кораблев, ни должности, ни названия фирмы. Надо думать, это и есть хозяин «полярки». Стало быть, его зовут Олег... Ну да, теперь Оксана вспомнила, когда сидели в Твери на вокзале, они познакомились. Этого звали Олегом, а старика, что кашлял, – Андреем Михайловичем.

Он нарочно положил в карман визитку, поняла она. Ишь какой деликатный! Навязываться не стал и провожать домой не стал, решил, что если она посчитает нужным, то сама позвонит.

Оксана убрала визитку в сумочку и запустила стиральную машину.

К приходу мужа квартира блестела. Однако он этого не заметил.

– Есть что пожевать? – спросил он.

– Сейчас что-нибудь соорудим! – спохватилась Оксана. – Там, кажется, котлеты остались от свекрови...

Муж бодро устремился на кухню, Оксана задержалась, развешивая белье на балконе, а когда оказалась на кухне, то увидела, что муж, стоя у холодильника, доедает холодные котлеты.

– Ты что – рехнулся совсем? – закричала она, потому что накатил неожиданный приступ злости. – Пять минут подождать не можешь?

– Санка, ты чего? – Он удивленно тянул на себя синюю мисочку. – Подумаешь, котлеты...

– Вечно как свинья хватаешь! – не успокаивалась Оксана.

– Вечно у тебя есть нечего! – заорал в ответ муж. – Мать только и спасает, а то бы совсем с голоду помер!

– Я тебе не повариха! – огрызнулась Оксана. – И не домработница!

В глубине души она понимала, что зря завелась и пора бы остановиться.

– В кои-то веки жена дома – так и то пожарить не приготовила! – орал муж. – Работает как вол...

– А я, значит, не работаю, а груши околачиваю! – пошла вразнос Оксана. – Между прочим, если бы я не работала...

– Так и знал, что будешь меня попрекать деньгами! – высокопарно заявил муж.

– А ты не попрекай меня дурацким хозяйством! – В голосе Оксаны зазвучали слезы. – И котлеты все съел... Эгоист паршивый, бревно бесчувственное!

Последние слова она прокричала не своим, а чужим, высоким, истеричным голосом и ушла в спальню. А там упала на кровать и разрыдалась, не успев удивиться, с чего это ее так разобрало. Никогда раньше подобного за ней не водилось, всегда умела держать себя в руках и ненавидела истеричек.

Очевидно, муж тоже очень удивился и призадумался. Так или иначе, он явился в спальню и погладил ее по плечу.

– Санка, ну ты чего? С чего так завелась? Ну не из-за котлет же, в самом деле...

Он попытался приподнять ее и заглянуть в глаза, но она вцепилась в подушку и глухо стонала.

Когда же он оторвал ее от подушки, применив силу, она зажмурилась и мотала головой. Муж оставил ее на минутку, чтобы принести ковшик воды. Благородно не стал поливать ее, а просто брызнул тихонько.

Проверенный способ помог, Оксана перестала трястись и рыдать, уткнулась мужу в плечо и довольно внятно рассказала ему все, что случилось с ней за последние два дня.

– Ну-ну... – он похлопывал ее по плечу, – успокойся, ты же ни в чем не виновата. Это они сейчас там забегали, потому что Туманов погиб. Губернатор на них давит. Поэтому они за первого попавшегося человека и хватаются. Пройдет какое-то время, и все забудется... Пойдем чайку выпьем, котлеты доедим...

– Далась тебе эти котлеты... – вздохнула, успокаиваясь, Оксана.

– Не хочешь котлет, тогда поцелуй меня. – Он уткнулся в теплую ложбинку у нее на шее и легонько куснул мочку уха.

Подушка полетела на пол, но они этого не заметили.

* * *

– Милорд, нам сюда! – крикнул хозяин, и пудель привычно вздохнул, он уже перестал удивляться и смирился со своей участью.

Они проскочили знакомый двор, на этот раз не пришлось звонить – дверь подъезда была распахнута настежь. У художников снова была вечеринка, из квартиры слышалась музыка, на площадке курила парочка – низенький мужичок в широченных, как у клоуна, штанах и высоченная девица не первой и даже не второй молодости в ультракороткой юбке и малиновых

лосинах. Лицо у девицы было длинное, а волосы завязаны сбоку в хвост, так что вспомнился детский стишок: «Приходи к нам, тетя Лошадь, нашу детку покачать...»

Придерживая пуделя, он с трудом перебрался через мусорные завалы и застыл у окна. Ее не было. Не было, хотя время уже пришло. Он так старался не опоздать, но жена поручила какое-то дурацкое хозяйственное дело, потом позвонили по телефону, и пришлось поддерживать пустой, никчемный разговор.

И вот ее нет. Он прислонился лбом к грязному стеклу и застыл в отчаянии. Пудель почувствовал слабину, без труда вырвал из его рук поводок и отбежал в сторону. Его хозяин этого даже не заметил.

И вдруг он увидел ее. Она появилась перед окошком, и он сразу понял, что она только что занималась любовью. Волосы ее вились вокруг лица золотым ореолом, глаза сияли, как звезды. Она смеялась и вертелась перед зеркалом, переговариваясь с кем-то через дверь. Кто там был? Да, конечно, муж, этот мелкий, незначительный, не стоящий ее человечиска. Что она в нем нашла? Зачем она вышла за него замуж?

Она наклонилась к зеркалу, рассматривая свое отражение, потом сама себе состроила глазки и снова радостно рассмеялась, повела плечами, потом слегка нахмурилась, заметив, надо полагать, крошечную морщинку или прыщик. Но нет, все оказалось в порядке, и она улыбнулась самой себе в зеркале. Затем достала расческу, и он застыл, наблюдая привычный ритуал.

Сегодня волосы ее не хотели протекать через гребень тяжелой волной, они путались и роились непослушными завитками. Она снова повернула голову к двери, очевидно, там стоял муж и звал ее. Она улыбнулась, бросила расческу и исчезла, забыв погасить свет.

Он долго стоял, пытаясь унять дрожь во всем теле. Что он может сделать? Убить ее мужа? Но поможет ли это? Разве он будет тогда обладать ею?

«Господи! – прошептал он помертвевшими губами. – Сделай что-нибудь, я больше не могу это терпеть!»

Бум! – в дальнем углу послышался шум: это пудель уронил сломанный стул. Вот и он сам появился из-за кучи мусора.

– Милорд, иди сюда! – позвал хозяин.

Пудель и не думал слушаться. Он стоял не шевелясь, казался черным сгустком мрака на фоне темной стены, и глаза его отливали зловещим красным светом.

– Ко мне! – повторил хозяин.

Пудель переступил лапами, оскалился и тихонько зарычал.

– Ты идешь, дьяволово отродье? – крикнул мужчина.

И вдруг стихли все звуки, не трещали старые балки, не возились под крышей голуби. На чердаке наступила густая, гулкая тишина, эта тишина обволокла мужчину, как липкая, тяжелая субстанция. Он откашлялся, чтобы услышать хоть какой-то звук, но собственный кашель донесся издалека, словно сквозь слой ваты.

И вдруг возле чердачной стены, рядом с пуделем, раздался отчетливый шорох, и с пола поднялось что-то большое и бесформенное. В первый момент мужчине показалось, что сам пол чердака вспучился темным бесформенным пузырем, какие иногда в безлунную ночь поднимаются со дна болота. Но в следующую секунду он понял, что с пола поднялось какое-то живое существо, покрытое, как слоем снега, старыми газетами, листами картона и тряпками. Обрывки с шорохом осыпались с темной фигуры, как поздней осенью опадают с дерева потемневшие листья под сильным порывом ветра, и испуганный мужчина разглядел под ними человека.

По-видимому, это был бомж, облюбовавший теплый чердак и устроивший там свое логово. На вид ему было лет шестьдесят, он был одет в длинное темное пальто, сильно потрепанное, но когда-то хорошо сшитое и еще сохранившее остатки элегантности. На голове бомжа была мягкая черная шляпа, в руке – тяжелая трость с костяным набалдашником в форме собачьей головы. Трость была треснувшая, исцарапанная, явно подобранная на помойке, но все вместе производило впечатление какого-то мрачного величия.

Но самым удивительным было лицо бомжа. Небритое, одутловатое, покрытое застарелыми царапинами и ссадинами, оно тем не менее излучало силу и значительность, и на нем отдельной, самостоятельной жизнью жили глаза – тускло сияющие, полные странных розовых и

сиреневых переливов. Глаза эти смотрели одновременно повсюду, казалось, они видят все, что происходит на земле, заглядывают в каждую душу, в каждое сердце.

Испуганный мужчина почувствовал, что взгляд этого удивительного бомжа проник и в его сердце, и в его душу, видит каждую его сокровенную тайну.

– Здорово! – проговорил удивительный бомж странным, хриплым голосом, исходящим ниоткуда и со всех сторон одновременно. – Вот мы с тобой и повстречались...

– Кто ты? – пробормотал мужчина, отступая к выходу с чердака. – Ты здесь живешь? Я не хотел...

– Хотел, хотел! – ответил бомж с кривой, издевательской усмешкой. – Очень хотел! Ну не стесняйся, каждый от меня чего-то хочет, и некоторым я помогаю.

– Кто ты? – повторил мужчина в страхе, догадываясь, каким будет ответ, и боясь его.

Но странный бомж не удостоил его ответом. Вместо этого он хрипло захохотал. Этот смех показался похожим на воронье карканье – на хрипкое воронье карканье, разносящееся в сумерках над безлюдной пустошью.

Отсмеявшись, он высморкался в клетчатый платок и проговорил недовольным голосом:

– Проси!

– Просить? – переспросил мужчина в растерянности. – Что я должен просить?

– Ну, уж это тебе виднее! Проси того, чего хочешь на самом деле.

И помни – другого случая у тебя не будет. Ты можешь попросить у меня чего угодно – но только одно желание...

И тут мужчина побледнел, сердце его забило мучительно и часто, рот наполнился горькой слюной. Он шагнул навстречу бомжу и пролепетал едва слышно:

– Ее... ту женщину... я хочу обладать ею... хочу, чтобы она оказалась в полной моей власти!

Странный бомж снова захохотал своим хриплым, каркающим смехом – и эхо этого смеха зазвучало во всех углах чердака, как будто десятки странных, невидимых, фантастических созданий подхватили смех своего повелителя.

Наконец смех стих, бомж прокашлялся и проговорил:

– Будь по-твоему! Твое желание исполнится! Женщина, о которой ты говорил, будет в твоей власти... в твоей полной власти!

С этими словами бомж шагнул вперед, угрожающе взмахнув своей тростью. Мужчина понялся, поскользнулся и едва не упал. Чтобы устоять, он схватился за подоконник – и резкая боль пронзила его руку.

Из подоконника торчал осколок стекла, и мужчина порезался об него. Капля темной крови упала на пол, точнее – на какой-то листок бумаги, валявшийся на грязном полу чердака. Внезапно из темноты выбежал Милорд. Подбежав к хозяину, черный пудель схватил с пола испачканный кровью листок, отбежал к бомжу, встал на задние лапы, как дрессированная цирковая собака, и протянул ему листок.

– Ну, вот мы и подписали договор! – удовлетворенно проговорил бомж, складывая листок вчетверо и убирая в карман своего пальто. – Подписали кровью, как положено... вот и славно!

– Договор? – пролепетал мужчина в растерянности. – Какой договор?

– Обыкновенный! – поморщился бомж. – Что, не знаешь, какие бывают договоры? Я, с одной стороны, и ты – с другой, составили этот договор, предметом которого является... – Он потрепал пуделя по загривку и закончил недовольным голосом: – Предметом которого является исполнение одного желания, в соответствии с пунктом три точка четыре. Исполнение одного сокровенного желания...

Договорив, бомж зевнул, опустился на пол и зарылся в старые газеты и прочий мусор, ровным слоем покрывавший пол чердака.

А мужчина бросился наутек, прочь из этого странного и страшного места.

Уединившись в своей комнате, брат Бернар опустился на колени перед иконой и принялся горячо, истово молиться, прося у Создателя силы для борьбы с ересью и с собственными греховными помыслами.

Однако он то и дело сбивался, путал слова молитвы, перед глазами его возникало мрачное жилище ведьмы.

Чувствуя, что его молитва не достигнет Творца, инквизитор сорвал рясу и потянулся за плеткой, чтобы физической болью победить боль душевную, преодолеть свою грешную человеческую слабость и вернуть себе полноту и искренность веры.

И вдруг из складок его сутаны выкатился глиняный кувшинчик, запечатанный воском.

Инквизитор смотрел на этот кувшинчик в ужасе, как будто сам дьявол появился вдруг в его скромном жилище.

Внезапно в его голове зазвучал вкрадчивый голос старой ведьмы:

«Когда будешь один, намажешь себя всего, с головы до ног! Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка!.. Только помни – когда будешь совсем, совсем один!»

– Я один, совсем один!.. – забормотал брат Бернар и схватил кувшинчик. – Я должен узнать, что это такое... чтобы бороться с ересью, нужно познать ее...

Он сломал восковую печать, выгащил пробку.

Тесная комната наполнилась странным запахом – запахом тления и смерти, запахом ночного болота, запахом разложения. Инквизитор, наклонив кувшинчик, вылил на ладонь немного зеленоватой маслянистой жидкости и размазал ее по своим обнаженным плечам, покрытым незажившими рубцами от ежедневных бичеваний. Иссеченную плеткой кожу защищало, ее словно закололи тысячи ледяных иголок – и тут же душу инквизитора охватил странный восторг, будто он сейчас, через считанные минуты, предстанет перед престолом Царя Небесного. Он скинул с себя всю одежду и торопливо, жадно зачерпывая масло из глиняного кувшинчика, нанес его на свое тело. В ушах его все звучал ведьмин голос: «Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка!» – и он послушно исполнял ее наставление. Пока он занимался этим странным и кошунственным делом, свеча на его аналое догорела, и в комнате воцарилась тьма, лишь слабый свет луны сочился сквозь узкое стрельчатое окошко, словно ночное светило подглядывало за инквизитором.

Вскоре масло кончилось.

Инквизитор стоял посреди комнаты, в тусклом луче лунного света, и ждал, что же произойдет. Секунды шли, складываясь в минуты, но ничего не происходило, только кожа Бернара горела все сильнее и сильнее, как у еретика на костре, да сердце его колотилось в груди, как несчастный узник колотит в дверь своей камеры.

И вдруг, когда он уже почти успокоился и решил, что более ничего не произойдет, лунный свет охватил его подобно холодному пламени. В этом пламени брат Бернар вспыхнул и свернулся, как обгорелый листок в пламени костра, превратился в горстку пепла, но уже в следующее мгновение восстал из пепла, как птица феникс, но оказался не в своей комнате, а на крыше епископского дворца.

Рядом с ним стоял косматый черный козел, оседланный и взнузданный, как верховая лошадь. Козел задрал бороду, заблеял и ткнулся в ноги инквизитора, словно приглашая его сесть в седло. Брат Бернар и сам не понял, как оказался в седле, и тут же козел оттолкнулся от крыши всеми четырьмя копытами и взмыл в ночное небо.

Впереди и сверху ослепительно сиял серебряный диск полной луны, внизу пронеслись черепичные крыши Нойбаха, исчезли позади, сменившись верхушками дубов и сосен. Земля со страшной скоростью проносилась под инквизитором, ветер трепал шерсть козла, закидывал назад его длинную бороду. Брат Бернар изо всех сил вцепился в поводья, страхась упасть с огромной высоты. Его охватил животный страх, он попытался молиться – но слова всех молитв вылетели у него из головы, словно выметенные ветром, изо рта вылетали только какие-то бессвязные, бессмысленные обрывки. Козел повернул к нему голову и расхохотался грубым, издевательским хохотом.

Они летели все выше и выше. Внизу мелькали леса и реки, луга и озера. Постепенно пейзаж становился все более мрачным и угрюмым, на смену сосновым и буковым лесам пришли горные отроги, скалистые ущелья. Впереди показалась обширная горная долина с озером посередине. Постепенно адский скакун начал снижаться, брат Бернар различал уже внизу отдельные деревья, отдельные камни. Там, на берегах озера, толпились какие-то странные существа, и козел явно нес к ним инквизитора. Наконец он коснулся копытами земли, взбрыкнул, сбросив своего седока, и исчез.

Брат Бернар поднялся, потирая ушибленный бок, и огляделся.

Вокруг него было множество... кого? Людей? Да, были здесь и люди – обнаженные мужчины и женщины, молодые и старые, красивые и безобразные – с дряблыми и морщинистыми телами, носящими на себе следы болезней и пороков.

Но были здесь и иные существа – двуногие волки в бархатных сюртуках или парчовых кафтанах, с пылающими, словно раскаленные угли, глазами, с оскаленными пастьми, полными острых желтоватых зубов; огромные жабы, покрытые зеленоватой смердящей слизью; двуногие черные коты ростом с человека; удивительные птицы с зубастыми клювами, с черными крыльями, подобными поникшим в штиль парусам корабля; гигантские пауки с внимательными человеческими глазами и какие-то вовсе немислимые создания вроде комка сырого теста с одной птичьей ногой и единственным выпученным глазом.

Все эти твари неторопливо прохаживались по берегу озера, переговариваясь важно и значительно, как знатные вельможи на королевском приеме. Похоже, они не обратили особого внимания на появление брата Бернара, что и радовало его, и несколько смущало, вызывая сомнения в собственной значительности.

Один из двуногих волков достал из жилетного кармана часы, взглянул на них и проговорил, обращаясь к своему собеседнику, похожему на зубастую цаплю:

– Еще четверть часа, мой друг! Четверть часа до начала!

Инквизитор снова попытался молиться, но вместо молитвы выходило у него что-то бессвязное и кощунственное.

Вдруг через толпу адских созданий к нему протолкался некто высокий, отдаленно напоминающий человека. Однако во внешности его была какая-то пугающая странность, и когда брат Бернар внимательно пригляделся, он понял, что у незнакомца нет головы, глаза же и рот находятся у него на животе.

Подойдя к инквизитору, безголовый монстр с нечеловеческой силой схватил его за плечо и проговорил хриплым, каркающим голосом, исходящим из живота:

– Он желает видеть тебя!

Инквизитор пытался что-то спросить или возразить, но монстр не слушал никаких возражений, он уже тащил его через толпу своих собратьев куда-то в дальний конец поляны.

Там, в том конце поляны, толпа чудовищ редела: должно быть, сюда допускались только особо приближенные.

Наконец брат Бернар увидел под ветвями огромного дуба трон, грубо высеченный из целой скалы, и восседающее на нем существо.

То был не человек и не зверь. То был огромный глаз, увенчанный серебряной короной, тускло сияющий, полный розоватых и сиреневых переливов. Глаз этот смотрел одновременно повсюду, заглядывая в каждую душу, в каждое сердце. Инквизитор почувствовал, что взгляд этого немислимого существа проник в него и копается в его душе, как безжалостный хирург во внутренних раненого ландскнехта.

– Здравствуй, брат Бернар! – проговорил глаз голосом, исходящим ниоткуда и со всех сторон разом. – Ты все же решился навестить меня. Похвально.

– Я не хотел... – бессильно вымолвил инквизитор. – Я не...

– Хотел, хотел! – прервал его собеседник. – Впрочем, это неважно. Раз уж ты явился ко мне – проси чего хочешь. Но только помни – одно, всего одно желание!

Инквизитор побледнел, сжал кулаки, попытался, но не смог устоять против искушения.

Дрожащим, срывающимся голосом он проговорил:

– Фрау Ситтов... Я хочу обладать ею!

И словно эхо многоголосое отозвалось на его голос – загремел со всех сторон оглушительный хохот. Хохотали голые ведьмы, хохотали волки-оборотни, хохотал даже безголовый проводник инквизитора.

Вдруг этот хохот оборвался разом, как будто некто погасил его, как фонарщик на рассвете гасит потускневший масляный фонарь.

– Ты будешь ею обладать! – прогремел голос, исходящий разом со всех сторон. – Она будет твоей! Будет в полной твоей власти!

Брат Бернар попытался еще что-то сказать, но знакомый безголовый монстр зашикал на него, потащил в сторону от трона и, отведя подальше, строго проговорил:

– Больше ни слова! Для первого раза вы и так были удостоены большой чести.

Тут где-то в высоте мощно и грозно ударили литавры, и следом за ними зазвучала музыка. Музыка эта была варварской и дикой, в ней сливались в грубую и отталкивающую гармонию заунывные звуки волынки и хриплые всхлипы пастушьего рожка, рыдания церковной фисгармонии и фальшивое веселье трактирной скрипки, пиликанье флейты и гулкие удары барабана. В этой варварской музыке брату Бернару отчетливо слышалось кощунственное издевательство над всем святым и прекрасным, что есть в мире, над жизнью и ее бессмертным Творцом, но все тело его под действием этой музыки само запросилось в пляс. Ноги его сами по себе выделяли немислимые кренделя, отбивали чечетку и подпрыгивали на аршин от земли, руки то махали, как крылья ветряной мельницы, то оглушительно хлопали ладонями в такт барабанному бою.

Инквизитор огляделся по сторонам и увидел, что все существа, наполняющие поляну, отдались такому же, как он, безумному танцу. Прямо напротив него отплясывала омерзительная нагая старуха с речной лилией в спутанных седых волосах. Перехватив взгляд брата Бернара, старуха ухмыльнулась жабьим беззубым ртом и прошепелявила:

– Славно танцуешь, красавчик! Не уходи далеко, после пира мы с тобой спляшем еще один танец, повеселее этого!

Инквизитор передернулся от отвращения и попытался, танцуя, удалиться от мерзкого создания. Впрочем, все остальные были еще страшнее. Он видел двуногого волка, танцующего с огромной жабой, и двухсаженного паука, вращающего в танце громадную пиявку, и зубастую птицу, отплясывающую на голове.

Вдруг музыка стихла. Брат Бернар почувствовал краткое облегчение, к нему вернулась возможность управлять собственными членами. Тут же вокруг началась странная суета, все куда-то торопились.

– Что ты стоишь? – окликнул инквизитора двуногий волк, пробежавший мимо. – Скоро за столами не будет свободных мест, ты останешься голодным!

Брат Бернар почувствовал вдруг поистине волчий голод. Его подхватила толпа, и через минуту он оказался за одним из накрытых алыми скатертями столов, расставленных на берегу озера.

Слева от него на скамье сидел огромный черный кот в шлеме ландскнехта, справа – членистоногое создание величиной с большую собаку, с прекрасными глазами юной девушки. Вокруг столов сновали странные существа – без рук и без ног, состоящие из зубастой пасти с глазами и стрекозиных крыльев, в своих пастьях разносили они блюда и миски с угощением.

– Угощайся, красавчик! – промурлыкал кот и придвинул инквизитору миску с каким-то кушаньем.

Брат Бернар потянулся было к этой миске, но в ужасе отдернул руку: миска была полна шевелящихся скорпионов.

– Не любишь остренькое? – сочувственно осведомился кот. – Или у тебя больной желудок? Тогда закуси вот этим, это самая легкая еда, годится для больных и стариков!

Инквизитор взглянул на предложенное блюдо: это была посуда, доверху наполненная глазами. Глаза эти смотрели из миски то с грустью, то с насмешкой, то с истинным страданием. Брат Бернар хотел было произнести слова молитвы, но голос вновь не слушался его.

– Я смотрю, братец, у тебя вовсе нет аппетита! – неодобрительно промурлыкал кот. – Скверно! Видать, ты плохо танцевал на сегодняшнем балу! Этим ты оказываешь неуважение нашему гостеприимному хозяину, а он ведь так старался, так готовился к этому пиру! Он нанял десятки лучших поваров, разорил не одно кладбище, опустошил множество мертвецких, лишь бы угодить своим гостям!

Брат Бернар взял кусок хлеба, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания и заглушить нешуточный голод. Хлеб оказался горьким, в нем то и дело попадались мелкие камешки и какие-то косточки, о происхождении коих инквизитор старался не задумываться.

Безрукие официанты бойко сновали между пирующими, шурша стрекозиными крыльями, сменяя пустеющие блюда, подливая в кубки вино. Брат Бернар машинально взял в руки кубок, поднес его к губам и сделал глоток. Вино было странным – густым, теплым и чуть солоноватым. Ужасная догадка мелькнула в голове инквизитора, и он торопливо отставил кубок. Членистоногая соседка взглянула на него своими прекрасными глазами и томно протянула:

– Ты совсем не пьешь, красавчик! Позволь, я допью из твоего бокала – это сближает, и к тому же я обожаю кровь младенцев! У нее такой чудесный букет!

Брат Бернар дрожал крупной дрожью, оглядывая своих соседей и следя за их ужасной трапезой. Кот, кажется, насытился и принялся умывать морду. Вдруг в высоте снова ударили литавры, и столы чудесным образом исчезли. Гости повскакали со своих мест, захлопали в ладоши (у кого они были) и кинулись друг к другу, чтобы продолжить праздник, предавшись отвратительной оргии. Двунogie волки соединились с дряхлыми ведьмами, пауки – с жабами, зубастые птицы – с летучими мышами и огромными скорпионами. Инквизитор увидел, как сквозь стонущую, копошащуюся толпу к нему пробирается, плотоядно ухмыляясь, знакомая уже беззубая старуха с речной лилией в косматых волосах, – и бросился наутек.

Убегая, он наткнулся на безголового монстра.

Тот двумя железными пальцами ухватил инквизитора за плечо и недовольно проговорил:

– Ты не умеешь вести себя в приличном обществе, новичок! Тебя встретили как порядочного человека, а ты ведешь себя как неотесанный мужлан, как деревенщина!

– Довольно, довольно! – закричал брат Бернар в неприятии ужаса. – Я более не в силах...

Монстр брезгливо разжал свои пальцы, и несчастного инквизитора подхватил ледяной вихрь, закружил, как осенний листок, понес куда-то во тьму...

И брат Бернар очнулся на каменном полу своей комнаты в епископском дворце.

Все тело его болело, как после побоев, глаза жгло, как будто в них насыпали песок, рот пересох.

Инквизитор с трудом поднялся на ноги, дотопал до постели, нашарил на прикроватном столике кувшин с водой, жадно напился, рухнул на постель и провалился в густой, тяжелый, черный сон без сновидений.

На следующий день Оксана позвонила в мастерскую автосервиса, где давно уже стояла ее машина. Там ее ничем не порадовали – не готово еще, чего-то там нет, и вообще мастер уехал к сестре на свадьбу аж в Казань, так что если и будет машина, то только на следующей неделе.

Оксана выругалась про себя и побежала на работу. Но перед этим решила занести мобильник в сервис. Пока она пользовалась тем, что взяла в издательстве, – все-таки какая-то связь. Но основная телефонная книжка вся в ее личном мобильнике, он ей очень нужен.

В сервисе молодой человек взял из ее рук мобильник, сверился с паспортом и нахмурился.

– Слушайте, что вы принесли? Это же не ваш телефон!

– Как – не мой? – возмутилась Оксана. – А чей же?

– Не совпадает с вашими паспортными данными! Вы сами его купили?

– Ну да, а кто же еще...

И тут Оксану озарило. Ее глазам представилось купе в том самом злосчастном СВ, как она кивает на прощанье улыбающейся Валентине и берет со столика мобильник. Но ведь она точно помнит, что не клала телефон на столик. Ну да, когда она входила на перрон, позвонил муж.

Они поговорили, после чего она убрала мобильник в карман пальто, там он и сгорел при пожаре. А этот телефон принадлежит Валентине, по иронии судьбы, у них оказались одинаковые мобильники, вот Оксана и перепутала.

– Ой, – она сделала вид, что смутилась, – ой, мальчики, это же я Валькин мобильник по ошибке прихватила! У нас одинаковые... Понимаете, она замуж выходит. Ну и позвала нас вчера вроде как на девичник. Помню, что шампанское пили, потом коньяк, потом коктейли разные... А потом смотрю – телефон не работает...

Парень из сервиса посмотрел в компьютер, и из его глаз исчезло подозрение, очевидно, прочитал имя владелицы телефона – Валентина.

– Ей самой надо прийти, – сказал он, отдавая Оксане паспорт.

– Сейчас поеду прямо к ней, небось дрыхнет еще... – сказала Оксана на бегу.

Вот так вот. Ее телефон пропал. Неприятность большая, но по сравнению с Валентиной...

* * *

День на работе потек своим чередом с бесконечными переживаниями и нервотрепкой. Она нарочно пошла обедать позже всех, чтобы никто не приставал со служебными разговорами, а то и язву нажить можно.

Она задержалась у перехода, дожидаясь зеленого сигнала. Напротив приветливо мигала вывеска кафе. Вдруг возле Оксаны остановилась невзрачная машина, дверцы открылись, и из машины выскочили два молодых человека с какими-то одинаковыми выражениями лиц. Вроде бы все у них было в порядке, все на месте – нос, губы, щеки, только глаза какие-то оловянные.

– Карасева? – спросил один, сверившись с какой-то бумажкой. – Оксана Николаевна?

– Да, это я... – испуганно призналась Оксана и попятилась. – А вы кто такие?

– Полиция! – ответил тот же мужчина, а второй подхватил ее сзади за локти и подтолкнул к машине. – Вам придется проехать с нами. С вами хочет поговорить майор Ступников.

– Но я же с ним уже... он же со мной говорил... вчера... – Оксана пыталась возражать и сопротивляться, но ее уже втолкнули на заднее сиденье, и машина помчалась вперед. По дороге с ней не разговаривали, на ее вопросы не отвечали. Оксана недоуменно разглядывала своих молчаливых спутников, но те смотрели строго перед собой своими оловянными глазами, так что на их лицах ничего не удавалось прочесть. Зато у нее получилось немного успокоиться и взять себя в руки.

Через десять минут ее ввели в знакомый подъезд, провели мимо дежурного прапорщика к двери двадцать восьмого кабинета и толкнули внутрь.

Майор Ступников сидел в прежней позе за своим столом. Его волосы казались растрепанными больше прежнего, да и беспорядок в кабинете стал еще более вопиющим. Второй полицейский, краснощекий толстяк, стоял перед окном, поливая алоэ в горшке из маленькой пластмассовой леечки оранжевого цвета.

– Задержанная доставлена! – отчеканил молодой человек, который привез Оксану, и беззвучно удалился.

Ступников ее молча разглядывал.

– Это что – обязательно было так обставлять? – спросила Оксана, когда молчание стало невыносимым. – Я бы пришла к вам сама, если уж это так необходимо! Хотя не вижу в этом такой надобности. Прошлый раз я вам рассказала все, что знала...

– Нет, Оксана Николаевна! – зловеще заговорил наконец майор. – Вы рассказали нам далеко не все!

– Что за тон? – возмутилась Оксана. – В чем вы меня обвиняете?

– Покажи ей, Мухин! – майор повернулся к своему краснощекому напарнику. Тот с важным и значительным видом поставил свою леечку, вытер руки платком, подошел к своему столу и достал из ящика какой-то обгорелый лоскуток. Передав этот лоскуток майору, он сел за свой стол и выжидательно уставился на Оксану.

– Гражданка Карасева, вам это знакомо? – строго проговорил Ступников, разгладив лоскуток и показав его Оксане.

– Что это? – Оксана наклонилась над столом, разглядывая обгорелую тряпочку. Края ее почернели, но в центре можно было угадать прежний серо-коричневый цвет, и даже удалось разглядеть наклонную латинскую букву «L».

– Так как – узнаете? – повторил майор. – Или нужно освежить вашу память?

– Не знаю... кажется, это обрывок сумки... – предположила Оксана. – Возможно, это была сумка фирмы «Louis Vuitton»...

– Ну вот, она вспомнила! – подал голос толстяк Мухин. – Даже без нашей помощи вспомнила!

– Верно, это обрывок дорожной сумки «Louis Vuitton», – одобрительно проговорил майор, как будто похвалил отличницу за правильный ответ. – У вас ведь была именно такая сумка, Оксана Николаевна?

Оксана замешкалась, и Мухин, вскочив из-за стола, выпалил:

– Бесплезно отрицать! Проводник сообщил нам, что у вас была именно такая сумка.

– Да я и не отрицаю. – Оксана пожала плечами. – У меня была похожая сумка, возможно, это клочок от нее... а почему это так важно?

– Почему это так важно? – повторил майор, выразительно переглянувшись со своим напарником и продолжил мягким, доверительным голосом: – Оксана Николаевна, вы нам по-прежнему не хотите сделать никакого признания? Честное слово, этим вы сэкономили бы время и себе, и нам! Не хотите?

– Мне не в чем признаваться! – отрезала Оксана. – Не понимаю, чего вы от меня хотите!

– Не понимаете... – протянул майор. – Да все вы понимаете!

Он побарабанил пальцами по столу и проговорил совсем другим тоном – сухим и неприязненным:

– Все это время работали наши эксперты. Они разобрали остатки обгоревшего вагона, в особенности тех трех купе, которые особенно сильно пострадали. Они буквально по кусочкам собрали багаж пассажиров, которые ехали в этих трех купе. И большую часть сумок и чемоданов удалось восстановить. То есть понятно, все вещи разорваны взрывом, обгорели, сильно повреждены, но их удалось реконструировать. Все, за одним исключением.

Майор замолчал, выжидающе глядя на Оксану. И она наконец не выдержала и спросила:
– За каким же именно исключением?
– За исключением вашего багажа! – ответил вместо шефа Мухин. – От вашего багажа осталось всего два маленьких клочка ткани – этот и... и еще один.
– И что же это значит? – растерянно спросила Оксана, пытаясь понять, к чему ведут полицейские.
– Это значит, гражданка Карасева, – жестко проговорил майор, – это значит, что ваш багаж находился в самом эпицентре взрыва. А проще говоря – именно в вашем багаже находилось взрывное устройство.
– Чушь какая-то... – пробормотала Оксана. – Я что, по-вашему, похожа на террористку?
– А что – вы думаете, все террористки ходят, до глаз закутавшись в черный платок? – включился в разговор краснощекий Мухин. – Если бы все было так просто! Нет, Оксана Николаевна, они замечательно умеют маскироваться!
– Кроме того, – майор неодобрительно покосился на своего помощника, – кто вам сказал, что в этом поезде совершен именно террористический акт? Мы, конечно, рассматриваем разные варианты, но на данный момент наиболее вероятным представляется заказное убийство, так что мы ищем не террориста, а убийцу-контрактника...
– А на убийцу я, значит, похожа... – протянула Оксана, но на этот раз на ее слова не прореагировали.
– И хочу обратить ваше внимание еще на один очень важный момент, – снова заговорил Мухин. На этот раз майор Ступников его не прервал, видимо, у них было заранее условлено, кто и в какой момент будет произносить очередную реплику.

– Мы сказали, – продолжил Мухин, – что от вашего багажа остались два клочка ткани. Этот и еще один...

Мухин произнес эти слова зловещим тоном и замолчал. Видимо, он ждал, что Оксана зарыдает, забьется в конвульсиях и во всем признается под давлением неопровержимых улик. Она, однако, только недоуменно пожала плечами:
– Ну, два клочка или один – какая разница?
– А такая, Оксана Николаевна, – подхватил Ступников, – такая разница, что на втором клочке ткани наши эксперты обнаружили частицы пластита. Знаете, что это такое?
– Взрывчатка, – уверенно ответила Оксана.
– Она знает, – обрадовался Мухин, переглянувшись с шефом, – еще бы ей не знать!
– Еще бы мне не знать, – согласилась на этот раз Оксана. – Еще бы не знать, если эту взрывчатку упоминают в каждом боевике или триллере! Да если вы спросите любого современного ребенка в детском саду, он вам и то сразу же скажет, что такое пластик! Полицейские снова переглянулись, на этот раз разочарованно.
– Тем не менее пластик, найденный в вашей сумке, – это улика, и очень серьезная улика, Оксана Николаевна! – произнес майор после затянувшейся паузы. – В сочетании с тем, что вы очень своевременно ушли из вагона, якобы на встречу с каким-то мифическим Логиновым, это может послужить веским доказательством вашей вины!
– Логинов – не мифический... – возразила Оксана, но тон ее был неуверенный.
– Но его не оказалось в списке пассажиров! – перебил ее Мухин. – Как вы это можете объяснить?
– Не знаю... однако сами посудите – если бы я была причастна к этому взрыву, я придумала бы более убедительное объяснение.
– А может, вы именно на это и рассчитывали... – начал майор, но в это время на его столе зазвонил телефон.
Он поднес трубку к уху и произнес недовольным тоном:
– В чем дело? У меня допрос...
Тут же выражение недовольства на его лице сменилось выражением испуганной преданности. Он вскочил, вытянув свободную руку по шву, и пролепетал:
– Да, Валентин Романович... так точно, товарищ генерал... слушаюсь... немедленно... так точно!..

Майор аккуратно положил трубку на рычаг и проговорил, косясь на телефон:

– Сверху звонили. У нас это дело отбирают. Дальше его будет вести другая организация.

Смежники... И ее отбирают... – он бросил взгляд на Оксану.

– Как отбирают? Почему отбирают? – забормотал Мухин. – Мы ее почти что раскололи...

– Ты что, Мухин, не понял?! – прикрикнул майор на подчиненного. – Сверху звонили! Генерал звонил!

Ответить Мухин не успел.

Дверь кабинета открылась, и в него вошел молодой человек с невыразительным, незапоминающимся лицом, в хорошо отутюженном костюме неопределенного цвета.

– Вам звонили, – проговорил он тусклым, блеклым голосом, не утруждая себя приветствием, а может, у них так полагалось. – Где подозреваемая?

– Вот она, – в один голос ответили полицейские, показав на Оксану.

Пришелец окинул ее равнодушным взглядом, взял за локоть и вывел из кабинета. Оксана пошла за ним, как сомнамбула, машинально переставляя ноги.

На улице их ждала черная машина, за рулем которой сидел еще один мужчина в костюме, удивительно похожий на первого.

Оксану усадили на заднее сиденье, и машина рванула с места.

На этот раз Оксана даже не пыталась разговаривать – она знала, что не получит ответа. Да, собственно, ей и не хотелось разговаривать.

Что она могла спросить? Куда везут? Да какая разница, все равно очень скоро она это узнает.

Но что с ней происходит? Было такое впечатление, что она, как муха, запуталась в вязкой липкой паутине и не может из нее выскочить.

В ее сумке нашли взрывчатку! Этого не может быть, эти два майора нарочно ее подставляют!

Нет, тут же поняла она, у них не хватило бы ни ума, ни фантазии. Стало быть, все так и есть, пластик был в ее сумке. Но она точно знает, что не клала его туда, она же не ненормальная, в конце концов! Тогда кто его туда положил?

Оксана усилием воли заставила себя успокоиться и рассуждать здраво.

Дорожная сумка у нее не очень большая, она ехала всего на один день, так что взяла только вещи, необходимые в поезде, да еще белье, пару запасных колготок, зубную щетку, крем для лица...

Что еще? Кое-какие нужные бумаги, рукопись нового автора – чтобы просмотреть, если будет время. В общем, вещей немного. Сумку она оставила в шкафу у девочек из отдела пиара, когда забежала к Лиде Яковлевой отдать посылочку от ее мамы. В принципе, кто-то мог в сумку залезть. Но дело в том, что перед уходом из издательства она положила в сумку папку с бумагами и точно знает, что в сумке не было ничего постороннего. Сколько там было этого пластика, надо думать, не миллиграммы, раз три купе разнесло... Она бы заметила пакет.

Да что тут думать, ясно же, что пластик ей в сумку подбросил этот самый Андрей Логинов, или как там его зовут на самом деле... Подстроил встречу, заболтал разговорами, и, пока она, как полная дура, спала в машине, он и сунул ей взрывчатку. Сумка стояла рядом с нею на заднем сиденье.

Но зачем? – мысленно простонала Оксана. То есть сказал же тот Мухин или Ступников, в общем, один из них, что это было заказное убийство. Туманов кому-то помешал. А для чего тогда этот Андрей (черт бы его побрал!) назначил ей встречу в вагоне-ресторане? Да чтобы свалить все на нее! Менты так и подумали, их реакцию просчитать нетрудно! Нужен виновник – так вот же он, то есть она, готовенькая, на блюдечке с голубой каемочкой...

Ее горькие мысли были прерваны, потому что машина остановилась возле известного всему городу мрачного темно-серого здания. Оксану высадили, провели в подъезд и долго вели по бесконечным коридорам.

Наконец ее втолкнули в просторный кабинет, и сопровождающий своим бесцветным голосом проговорил:

– Подозреваемая доставлена.

– Свободен! – отозвался человек, стоявший возле окна спиной к двери, и спутник Оксаны исчез.

Она огляделась.

Этот кабинет был гораздо просторнее кабинета майора Ступникова, но главное – в нем царил полный порядок.

Большой письменный стол был почти пуст – на нем стояла только лампа под зеленым абажуром, лежала тонкая пластиковая папка и стоял открытый ноутбук. Пол кабинета был застелен зеленым ковром, на стене висел портрет худощавого человека с бородкой клинышком. Как уже сказано, хозяин кабинета стоял у окна спиной к двери, поэтому Оксана не видела его лица.

– Может быть, хоть вы мне объясните... – начала она и замолчала, не закончив свою фразу, потому что фигура мужчины, его редящие волосы серо-мышинного цвета показались ей смутно знакомыми.

– Что именно? – осведомился он, повернувшись к ней.

И ее подозрение превратилось в уверенность.

Лоб с залысинами, бесцветные водянистые глаза. Она знала этого человека, они жили по соседству и время от времени случайно сталкивались. Он выгуливал черного пуделя.

– Это вы... – проговорила Оксана с облегчением.

До этой минуты она чувствовала, что столкнулась с бездушной машиной, с системой, которая перемелет ее в муку, в пыль. На то она и машина, чтобы не замечать отдельного человека.

Но теперь у машины оказалось человеческое лицо – пусть не слишком приятное, но все же человеческое. У него есть собака, он выгуливает ее дважды в день, покупает продукты или газеты. Значит, он человек, а не винтик бездушной машины, значит, ничто человеческое ему не чуждо, с ним можно разговаривать, ему можно что-то объяснить... Они здороваются при встрече, они почти знакомы...

– Это вы... – повторила Оксана. – Слава богу...

– Да, это я, Оксана Николаевна! – отозвался мужчина, и его голос показался ей странным.

Собственно, голоса его она раньше толком не слышала, он едва кивал ей при встрече и отводил глаза. Или говорил «здравствуйте» так тихо, почти шептал.

Сначала Оксана вообще не обращала внимания на этого человека, отличала его только из-за собаки. Потом запомнила, ведь они регулярно сталкивались во дворе... Он ей поможет, не может не помочь...

– Вы знаете, что со мной произошло, – заговорила она быстро, торопливо. – Я ехала в поезде из Москвы и оказалась там во время взрыва... и теперь люди из полиции решили сделать из меня козла отпущения... то есть козу... – Она запуталась, смутилась и покраснела. – Ну, вы понимаете, что я хочу сказать!..

– Да, я понимаю! – подтвердил хозяин пуделя. – Продолжайте, я вас слушаю! И присаживайтесь, пожалуйста, – он кивнул на стул с другой стороны стола, сам же уселся в кресло.

– В общем, только на том основании, что во время... инцидента я ушла в вагон-ресторан, они решили обвинить меня в этом... происшествии. Я пыталась им что-то объяснить, но они меня даже не слушали! Они нашли, на кого все свалить, и решили, что дело можно закрыть... но теперь, я уверена, вы разберетесь!

Она замолчала, почувствовав, что слова ее совсем не те и тон не тот, что она говорит суетливо, сбиваясь и путаясь, что так нельзя вести себя на допросе, что никто ей не поверит. Нужно взять себя в руки, меньше говорить и отвечать на его вопросы уверенно и четко. Но он пока что не задает никаких вопросов. Он смотрит на нее, не отводя глаз, и в глазах этих что-то такое...

По-прежнему водянистые, они иногда темнели, как вода в глубоком колодце. Таком колодце, где и дна никогда не достать. Если только не сбросят туда злые люди...

Усилив воли Оксана отогнала от себя видение – она падает в глубокий черный колодец, и стены его потихоньку сужаются, так что непонятно, достигнет ли она дна с ледяной маслянистой, дурно пахнущей водой или застрянет на полдороге. И неизвестно, что хуже... Она поерзала на стуле и села прямо, опираясь на спинку.

– Скверная история! – проговорил мужчина, не сводя с Оксаны пристального, изучающего взгляда. – Действительно скверная. Вы ушли в вагон-ресторан... допустим, в этом нет ничего противозаконного, хотя момент был очень неудачный...

Он полистал тонкую пластиковую папку.

– Вот именно, – неуверенно подхватила Оксана, которой не понравился его взгляд. – Вот именно, ничего противозаконного... я просто хотела поесть...

– Просто поесть? – повторил он недоверчиво. – Но вы же утверждали, что у вас была назначена встреча с каким-то Логиновым?

– Ах, ну да, он хотел со мной поговорить о своей работе...

– С каким-то Логиновым, которого не было в списке пассажиров? Которого на самом деле не существовало?

– Ну, он так представился... – Оксана почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. – Уверяю вас, я ничего не выдумываю...

На этот раз голос ее прозвучал жалко, она ничего не могла с этим поделать.

– Но Логинов – это так, это мелочь, незначительная деталь! – продолжал мужчина, неспешно наклоняясь к ней, как паук приближается к мухе, попавшей в его паутину, – медленно, неторопливо, зная, что она никуда не денется.

– Логинов – это деталь, хотя и важная... но вот ваша сумка... точнее, ее отсутствие... да еще следы пластика на уцелевшем фрагменте... Скверная история!

Теперь глаза его были совсем близко, и в глазах этих, куда Оксана уставилась против воли, было явное и нескрываемое торжество. Да что там торжество, там был самый настоящий восторг.

Восторг победителя.

Оксана испугалась и подумала, что лучше бы она имела дело с двумя майорами – Ступниковым и Мухиным, с теми хоть было все ясно. А от этого непонятно чего ждать.

Он все смотрел и смотрел, так что Оксана вскочила со стула и отступила, она не могла больше выносить этот взгляд.

Он тоже неторопливо вышел из-за стола и подошел к Оксане вплотную, взяв ее за руку.

Его руки оказались холодными и влажными, как оттаявшая рыба. И глаза... странное выражение этих бесцветных глаз по-прежнему действовало на нервы.

– Скверная история! – Мужчина покосился куда-то в угол кабинета, с явным разочарованием выпустил руку Оксаны и отступил от нее на шаг. – Но вы правы, Оксана Николаевна, я во всем разберусь. Это мой долг, больше того – это моя обязанность!

Он отступил еще на шаг, посмотрел на нее в упор, и на лице его на неуловимую долю секунды промелькнула странная плотоядная улыбка.

– Но только, Оксана Николаевна, от вас тоже очень многое может зависеть! Очень многое! Если вы пойдете навстречу следствию – следствие тоже пойдет... навстречу!..

Его губы шевельнулись, вытянулись в трубочку и опять обмякли, как два розовых слизняка.

– Вы меня понимаете? – проговорил он вкрадчиво.

– Нет, я не понимаю... – ответила она вполне искренне.

Она его действительно не понимала, не понимала всех этих недомолвок, всех этих странных, то ускользающих, то торжествующих взглядов и еще более странных телодвижений.

Впрочем, смутная догадка начала уже брезжить в глубине ее сознания – но эта догадка была настолько дикой, настолько неожиданной, что она не могла принять ее всерьез...

– Не понимаете? – переспросил он странным, высоким голосом. – Или не хотите понимать? Я вам еще раз повторяю – вы должны пойти мне навстречу, и тогда я смогу вам помочь! Если же вы не хотите со мной искренне сотрудничать – это только доказывает вашу вину! Со всеми вытекающими отсюда последствиями!

Оксана удивленно взглянула на него – и смутная догадка начала превращаться в уверенность.

Так вот что значили все его странные ухмылки, все его долгие взгляды! Она-то, дура, не поняла его намеков, его взглядов! Ее смутило то, что во взгляде его не было обычной похоти, а только торжество паука, который поймал наконец муху в свои сети и твердо уверен, что она никуда больше не денется.

А оказалось, что ничто человеческое ему не чуждо! Да лучше бы он был винтиком, деталью бездушной машины!

– Так что, Оксана Николаевна, мы с вами как будто поняли друг друга? – повторил он, не сводя с нее пристального взгляда. – Вижу, вижу, что поняли! Так что теперь все зависит исключительно от вас, от вашей доброй воли!

Он снова подошел к ней, схватил ее руку. В глазах его горел лихорадочный огонь, уже несколько не удивлявший Оксану.

Она поняла, что все эти слова он говорит просто так, чтобы не молчать, на самом деле он прекрасно знает, что у нее нет выбора, что она в полной его власти.

Она резко отняла у него руку.

Он шумно вздохнул, словно проснулся, суетливо потер руки, вернулся к столу, взял там листок бумаги, что-то на нем быстро написал и снова подошел к Оксане:

– Я понимаю, что здесь не очень подходящее место для... сотрудничества со следствием. Но это не беда, у нас есть специальные квартиры... вот адрес одной из них! – Он протянул ей листок, при этом снова опасливо покосился в угол комнаты, и Оксана поняла, что там установлена видеокамера.

– Запомните этот адрес! – проговорил он настойчиво.

Она послушно взглянула на листок, прочитала: «Греческий проспект, дом семь, квартира четырнадцать».

– Запомнили?

Оксана растерянно кивнула, и мужчина, щелкнув зажигалкой, поджег листок, бросил его в пепельницу, а когда бумага догорела, аккуратно размял пепел.

– Вы придете туда сегодня же, в восемь часов вечера, и там мы с вами... обо всем договоримся. Только я хочу, чтобы вы не строили лишних иллюзий. Если вы не придете – я буду считать, что вы не хотите сотрудничать со следствием. Со всеми, как говорится, вытекающими! В этом случае я распоряжусь, чтобы вас арестовали, поместили в камеру и начали готовить к следственным действиям. Думаю, вы поняли, что в моих силах убедительно доказать вашу вину...

– А если я приду?

– Если вы придете – это будет прямым доказательством вашей доброй воли! Мы с вами поработаем и выясним, кто на самом деле заинтересован в том, чтобы следствие зашло в тупик, кто хочет подставить вас в качестве главной подозреваемой...

– И в этом случае вы меня не арестуете? – прямо спросила Оксана.

– А зачем? – мужчина развел руками. – Арест – это крайняя мера, она применяется в том случае, если следователь считает, что подозреваемый имеет намерение скрыться или иным способом воспрепятствовать следствию. Если же вы готовы искренне сотрудничать...

– Да, но как я могу убедиться, что вы меня не обманете?

– Что? – мужчина посмотрел на Оксану недоуменно.

Но она твердо встретила его взгляд. Теперь, когда она уразумела наконец, чего он от нее хочет, страх уступил место презрению.

– Ну, допустим, я приду на эту вашу конспиративную квартиру со всеми, как вы выразились, вытекающими – а вы меня все равно арестуете и оставите на роли главной подозреваемой? Где у меня гарантии, что этого не случится?

– Как вы можете так думать?! – Он выпятил грудь, прошелся перед ней самодовольным индюком. – Я не такой человек, чтобы нарушать свое слово! Не такой человек!

– Знаете, мне попадались разные люди... – возразила Оксана. – Некоторые выглядели вполне прилично, а на поверку оказывались непорядочными...

– Но я не такой! – повторил он. – Я – человек слова! Кроме того, я вас сейчас отпущу, а это, мне кажется, само по себе подтверждает мои добрые намерения. Ведь из полиции вас выпускать вовсе не собирались, больше того, чтобы заставить вас во всем признаться, вас хотели запереть в камеру с уголовницами... уверяю вас, это удовольствие ниже среднего! Так что, Оксана Николаевна, вы должны признать, что со мной иметь дело гораздо приятнее, и сделать из этого соответствующие выводы!

Оксана вскинула голову и встретила с ним глазами.

«Сволочь, – говорил ее взгляд, – не верю тебе ни на грош. Ты – мерзавец и собаку свою бьешь». «А куда ты денешься? – отвечивал он также глазами. – Прибежишь как миленькая, выбора у тебя нет».

Он вернулся к столу, достал из ящика какой-то бланк, расписался на нем и протянул Оксане: – Вот ваш пропуск, Оксана Николаевна! Вы свободны... но не забывайте, что теперь все зависит от вас!

Оксана молча взяла пропуск и повернулась к двери.

Затем снова обернулась и проговорила с усилием:

– И вот еще что... я не знаю, как вас зовут.

– Да, действительно... – Мужчина смущенно улыбнулся. – Я вам не представился... меня зовут Игорь Иванович.

Он нажал кнопку на столе, дверь открылась, и на пороге безмолвно возник тот незаметный парень, который перед тем привел сюда Оксану. Или его брат-близнец.
– Проводи Оксану Николаевну к выходу! – приказал хозяин кабинета.

Проснулся брат Бернар оттого, что его тряс собственный секретарь.

– Достопочтенный брат, уже поздно! Вас ожидают новые доносчики!

Инквизитор сел на кровати, тупо оглядывая свою комнату и в ужасе вспоминая события минувшей ночи.

Что это было – кошмарный сон, или он и впрямь побывал на ночном шабаше, отплясывал с ведьмами, колдунами и оборотнями и был удостоен аудиенции самого Князя тьмы?

Брат Бернар отослал секретаря, умылся. При этом придирчиво осмотрел свое тело – не осталось ли на нем каких-то следов ночного путешествия?

И впрямь, расчесывая волосы, он увидел на гребне несколько жестких черных волосков, точно таких, какие были у козла, доставившего его ночью на шабаш.

Так что – все это было правдой? Выходит, его душа навеки погублена и после смерти его ждет всепожирающее адское пламя? После того как он посвятил всю свою жизнь служению Церкви, непримиримой борьбе с ересью?

Он вспомнил старую ведьму, которая дала ему кувшинчик с волшебной мазью, и с ненавистью подумал, что это она, мерзкая еретичка, виновна в его падении и должна понести за это заслуженное наказание. Это она, она подтолкнула его к недозволенному Церковью поступку, это по ее вине он перенесся на шабаш...

И тут инквизитор снова вспомнил Всевидящий Глаз, восседающий на каменном троне, вспомнил громовой голос, воскликнувший в ответ на его просьбу:

– Она будет твоей! Она будет в полной твоей власти!

Прежде чем принять новых доносчиков, брат Бернар вызвал к себе капитана ландскнехтов и приказал сей же час отправиться к городским воротам, схватить старуху, обитающую в лачуге, притулившейся к стене слева от ворот, и немедленно доставить ее к нему на допрос.

– И не вступать с ней в разговоры! – предупредил инквизитор капитана. – Подлая ведьма хитра и изворотлива!

Капитан отправился исполнять приказ, но вернулся менее чем через час, весьма озадаченный.

Брат Бернар, который в это время записывал показания булочника Дроссельмайера против соседа-аптекаря, оторвался от допроса и строго взглянул на ландскнехта:

– Где же ведьма?

– Прошу меня простить, досточтимый брат инквизитор, – почтительно ответил воин, – но ее нет!

– Что, хитрая ведьма успела сбежать? – раздраженно спросил инквизитор. – Вы ее упустили?

– Осмелюсь доложить, мы ее не упустили... в указанном вами месте нет никакого жилья, нет никакой лачуги, соответственно, нам некого было хватать...

– Что ты несешь? – переспросил инквизитор. – Видно, ты не понял моих указаний... ее лачуга расположена возле самой стены, слева от городских ворот!

– Там нет никакой лачуги, – упрямо ответил капитан.

– Я вижу, тебе нельзя поручить даже самое простое дело! – Рассерженный инквизитор оставил доносчика на своего секретаря, накинул плащ поверх сутаны, кликнул собаку и покинул дом, приказав ландскнехтам следовать за собой.

Быстрым шагом дошел он до городских ворот, повернул налево, туда, где накануне наткнулся на ведьмину хижину, – но там не было и следа человеческого жилья. Словно ищейка, брат Бернар метался вправо и влево, взглядывая в стену, в следы на земле – но ведьмино жилище отсутствовало. На его месте лежал только большой, заросший мхом камень.

Черный пес инквизитора уселся возле этого камня, запрокинул голову и жутко, протяжно завыл. Перепуганные ландскнехты попятились, крестясь и бормоча слова молитвы.

Брат Бернар опустился на колени перед камнем, взглядывая в него и различил кривые полустертые буквы: «Гертруда».

– Здесь похоронена знахарка! – раздался рядом с ним звонкий детский голосок.

– Какая знахарка? – инквизитор поднял глаза и увидел рядом чумазую босую девочку лет пяти. – Какая знахарка, милое дитя? – повторил он вопрос, стараясь не напугать ребенка.

– Старая тетенька, которая лечила людей травами... – ответила девочка, испуганно косясь на Милорда. – Дяденька, а твоя собачка не кусается?

– Она кусает только еретиков! – успокоил ее монах. – А как она выглядела, эта старая тетенька?

– Я не знаю, – честно ответила девочка. – Я ее никогда не видела, она умерла до того, как я родилась. Мне рассказывала про нее моя мама, эта знахарка жила здесь, когда мама была такая маленькая, как я сейчас... Дяденька, подари мне монетку!

– Держи, милое дитя! – Инквизитор протянул девочке пфенниг, она попробовала его на зубок, спрятала в рукав и с важным видом удалилась, сунув грязный палец в рот.

Оксана не помнила, как прошла по бесконечным коридорам управления, как миновала вахту. Она пришла в себя уже на улице, когда подняла руку, чтобы остановить машину. Рядом с ней тут же остановился выдавший вида «фольксваген», но Оксана вспомнила, как герой какого-то боевика наставлял свою подругу, что нельзя садиться в первую подъехавшую машину. Прежде это казалось ей полной ерундой, в любом случае не относящейся лично к ней, но после всех последних событий она пересмотрела свои взгляды и решила, что береженого Бог бережет.

– Проезжай! – сказала она водителю «фольксвагена» и на всякий случай отошла в сторону. Тот пожал плечами, а Оксана пошла вдоль по улице, обдумывая свое положение.

Положение это было безрадостным.

Сначала ее задерживает полиция, ее прямо обвиняют в причастности к взрыву в поезде, называют не то террористкой, не то наемной убийцей.

Потом ее забирает у полиции еще более серьезная организация – и тут она сталкивается с соседом по дому, который ее нагло домогается и недвусмысленно дает понять, что только от него зависит ее судьба, что он может ее казнить или помиловать. И что помилует он ее только в том случае, если она придет на свидание с ним в какую-то конспиративную квартиру.

Она вспомнила его водянистые глазки, его холодные влажные руки – и вздрогнула от омерзения.

Только не это...

Но он прямо сказал ей, что если она не придет на свидание – он ее арестует и сделает все возможное, чтобы посадить по обвинению в организации взрыва в поезде...

Что же делать?

И так, и так плохо...

Оксана снова подняла руку – и рядом с ней тотчас же остановилась большая черная машина. Задняя дверца открылась, Оксана села – и с удивлением увидела, что рядом с ней уже сидит мрачный тип в коротком черном пальто.

Оксана вздрогнула.

Переднее сиденье рядом с водителем тоже было занято – там сидел коренастый парень с бычьей шеей и бритым затылком. Он повернулся к Оксане и дурашливым голосом проговорил:

– Ку-ку!

Оксана попыталась выскочить из машины, но мрачный мужчина положил тяжелую руку ей на плечо и негромко процедил:

– Сидеть!

Сказано это было таким тоном, что Оксанина душа провалилась в пятки, в глазах потемнело, и она поняла, что неприятности для нее только начинаются.

«Ничего себе влипла! – подумала она. – И вроде, как умная Маша, пропустила первую машину, но это ничуть мне не помогло... вот и верь после этого героям кинобоевиков!»

– Что вам от меня нужно? – пробормотала она, когда справилась со своим голосом.

Сосед ничего ей не ответил. Он повернулся к водителю и скомандовал:

– Пошел!

Машина сорвалась с места.

Оксана прикрыла глаза, вжалась в спинку сиденья и попросила неведомую высшую силу, чтобы все происходящее с ней оказалось сном и она проснулась у себя дома.

Но нет – открыв глаза, она увидела перед собой бритый затылок типичного братка.

Что же это такое? Когда же это кончится? Сперва полиция, потом спецслужба, а теперь вот эти...

Новые похитители явно не относились к правоохранительным органам, уж больно криминальный у них вид.

Но им-то что от нее нужно?

Оксана повернулась к своему мрачному соседу и проговорила самым жалобным голосом, на какой была способна:

– Дяденька, вы меня, наверное, с кем-то перепутали! Отпустите меня, дяденька!

Он снова не удостоил ее ответом, и ни один мускул на его лице не дрогнул.

Машина свернула на Суворовский проспект, затем на одну из Советских улиц и въехала в арку двора.

Здесь она затормозила перед крыльцом, и Оксану вывели наружу.

Она растерянно огляделась. Двор, куда ее доставили, был аккуратно вымощен гранитной плиткой, в центре его стояла кованая скамейка, на которой сосредоточенно курили двое парней в одинаковых темных костюмах, тут и там виднелись медленно поворачивающиеся камеры видеонаблюдения.

Металлические ворота, через которые они только что въехали, закрылись, отгородив их от внешнего мира.

Мрачный тип схватил Оксану за локоть и втащил на крыльцо. Оксана едва держалась на ногах и, если бы мужчина не поддерживал ее, свалилась бы, как тряпичная кукла.

Дверь перед ней распахнулась, и ее втокнули в просторный, ярко освещенный холл.

Прямо напротив входа стоял худощавый брюнет с черной щетиной на щеках. Доставивший Оксану мрачный тип обратился к нему:

– Вот она. Доставлена, как приказано, в целостности и сохранности.

Брюнет окинул Оксану равнодушным взглядом, кивнул и коротко бросил:

– Свободен!

Затем он взял Оксану за локоть и повел куда-то по коридору.

Вскоре они остановились перед лифтом.

Брюнет нажал на кнопку, дверцы лифта плавно раздвинулись, они вошли в него, и кабина заскользила – не вверх, как ожидала Оксана, а вниз, под землю.

Двери лифта снова открылись, и Оксана с провожатым оказалась в таком же коридоре, как первый. Они шли по нему минут пять и наконец вошли в почти пустую квадратную комнату. Из мебели здесь был только привинченный к полу стул, на который небритый брюнет и усадил Оксану, после чего удалился.

Оставшись одна, Оксана огляделась по сторонам.

Впрочем, разглядывать здесь было нечего: кроме стула, в комнате не было никакой мебели, только ровные стены, выкрашенные депрессивной бледно-зеленой краской, да несколько ярких люминесцентных светильников на потолке. Впрочем, была еще одна деталь: в углу, на высоте человеческого роста, в стене была небольшая решетка, видимо, закрывающая вентиляционное отверстие.

Оксана встала со стула (ноги ей, к счастью, не связали), подошла к этой решетке и заглянула в нее.

За решеткой было темно, и отверстие слишком маленькое – в него не пролез бы не только взрослый человек, но даже ребенок.

Зато из этого отверстия доносились голоса. Видимо, какой-то случайный фокус системы вентиляции.

– Шеф, ее доставили! – проговорил грубый, хриплый голос.

– Ну, пойдём посмотрим на нее... – отозвался мягкий баритон, каким, должно быть, разговаривал со своим хозяином Кот в сапогах.

Голоса за решеткой затихли, и Оксана кинулась на свое место.

Она едва успела сесть на стул. Буквально в следующую секунду дверь комнаты распахнулась, и в нее вошли два человека: уже знакомый ей небритый брюнет и полноватый мужчина лет сорока в солидных золоченых очках.

– Это она? – осведомился этот последний, разглядывая Оксану как редкое насекомое.

Он оказался обладателем того самого кошачьего баритона. И сам он был похож на кота – на большого, самодовольного сиамского кота в золоченых очках.

– Так точно, – по-армейски четко ответил брюнет.

– Где деньги? – спросил похожий на кота тип, подойдя вплотную к Оксане.

– Деньги? – переспросила она удивленно. – Какие деньги?

– Не валяй дурака! – крикнул брюнет, зайдя с другой стороны, и угрожающе взмахнул рукой. –

Отвечай, где деньги?

– Не гони лошадей, Константин! – поморщился мужчина в очках. – Лучше принеси нам стулья. Разговор предстоит долгий.

Брюнет послушно удалился.

Мужчина в очках наклонился к Оксане и мягко, доверительно проговорил:

– Ты же видишь, что это за человек? Я тебе советую – лучше сразу скажи, где деньги, пока не поздно! Пока он не увлекся процессом... он ведь как акула – если почувствует запах крови, становится сам не свой... я сам его иногда боюсь!

– О каких деньгах вы говорите? – растерянно спросила Оксана. – Я ничего не понимаю...

– Зря ты так... – Мужчина вздохнул и развел руками. – Я тебе хотел помочь, но ты не понимаешь хорошего отношения... это нехорошо!

Дверь снова открылась, вернулся брюнет с двумя стульями.

Оба мужчины сели напротив Оксаны. Очкастый глубоко вздохнул и снова спросил:

– Где деньги?

– Пожалуйста, объясните, о чем вы! – взмолилась Оксана. – Сначала меня допрашивали в полиции, потом в какой-то спецслужбе... Но они хотя бы объясняли, что им нужно, их интересовали подробности взрыва в поезде... ни о каких деньгах они не говорили...

Мужчины переглянулись.

– Спецслужба, говоришь... – протянул очкастый. – Это нехорошо...

– Шеф, я ей быстро язык развяжу! – Константин вскочил со стула, сунул руку в карман пиджака.

– Константин, я же тебя просил – не гони лошадей! – остановил его очкастый. – Ты слышал, что она сказала? Ее пасет спецслужба. Если она исчезнет – они будут землю рыть носом. Так что придется работать аккуратно...

– Я и аккуратно могу! – оживился Константин. – Обещаю, никаких следов не будет...

– Ну да, как тот раз, с этим курьером из Новочеркасска. Тогда ты тоже обещал, что следов не будет!

– Ну сколько можно мне об этом напоминать! – обиделся Константин. – Ну тогда я увлекся...

Мужчина в позолоченных очках задумчиво потер переносицу, скользнул по лицу Оксаны равнодушным взглядом и мотнул головой:

– Константин, выйдем! Нужно поговорить!

Небритый брюнет злобно зыркнул на Оксану и вслед за шефом вышел из комнаты.

Едва дверь за ними закрылась, Оксана вскочила со стула, подкралась к вентиляционной решетке, встала на цыпочки и прислушалась.

Из-за решетки доносились приглушенные, но вполне различимые голоса, в которых она узнала голоса только что допрашивавших ее мужчин.

– Шеф, позвольте мне ее как следует прижать! – донесся из-за решетки хриплый голос Константина. – Я вам точно говорю – она через пять минут расколется!

– Костя, ты иногда головой думаешь или только кулаками? – оборвал его мягкий баритон очкастого. – Ты хоть слушал, что она говорила? Она под колпаком у Конторы. Я тебя знаю, после твоих методов допроса ее придется закатать в бетон. А если она исчезнет – Контора будет рыть землю носом и выйдет на нас. Ты представляешь, как это понравится Михаилу Степановичу?

– А тогда какого черта мы ее вообще взяли?

– Костя! – очкастый тяжело вздохнул. – Учись думать! Что нам сейчас нужнее всего?

– Вернуть пропавшие деньги...

– Верно, деньги пропали, и деньги большие. Михаил Степанович очень недоволен. Но нам нужно не только найти и вернуть эти деньги, нам нужно узнать, кто за всем этим стоит...

– Да она и стоит! – выпалил Константин. – Если она единственная выжила, значит, она и украла деньги...

– Костя! – взмолился шеф. – Думай же ты головой! Кто она вообще такая? Как она могла одна повернуть такую операцию?

На этот раз Константин промолчал, и его шеф продолжил:

– Костя, давай рассуждать логично, хоть ты к этому и не привык. Наши люди перевозили из Москвы, от Костыля, большие деньги. Деньги черные, предназначенные сам знаешь для чего.

Об этом никто не знал, кроме нас, Костыля и, разумеется, Михаила Степановича. Тем не менее кто-то устроил взрыв в вагоне, курьер и охранник погибли, а деньги пропали...

Константин снова перебил шефа:

– Из всех пассажиров трех купе выжила только она, значит, она и украла эти деньги...

– Костя! – взмолился шеф. – Ну подумай же хоть немного! Конечно, она в этом деле замешана, но одна она не смогла бы ничего сделать. Ну куда бы она чемоданчик с деньгами дела? Ведь она на виду была... А я узнавал, у нее все вещи сгорели. Как ушла с маленькой сумочкой – так и была с ней. И что это значит?

– И что? – тупо переспросил Костя.

– А то, – веско сказал шеф, – что в поезде у нее должен быть сообщник. И нам нужно его найти. Если мы найдем этого сообщника – мы найдем и деньги, а главное...

Оксана вслушивалась в разговор, стараясь не пропустить ни слова, – и удивлялась все больше и больше.

Выходит, в том же поезде, где ехала она, даже в том же самом вагоне, ехал не только вице-губернатор Туманов, но еще и какой-то курьер криминальных структур, перевозивший большие деньги... как все перепуталось!

– Шеф, я ее расколю, узнаю, кто этот сообщник...

– Ничего ты не узнаешь! Дослушай меня! Я тебе еще раз повторяю: про деньги знали Костыль, Михаил Степанович и мы с тобой...

– И еще курьер с охранником...

– Они вне подозрений, потому что оба погибли, трупы их опознаны. Смерть – это самое надежное доказательство их невиновности. А вот денег даже следов там не нашли. Значит, кого подозревает Михаил Степанович?

– Кого?

– Ты меня иногда просто поражаешь своей недогадливостью! Нас с тобой, Костя, нас с тобой!

– Нас?! – удивленно переспросил Константин.

– Именно нас! Ведь мы с тобой знали про эти деньги, мы готовили перевозку. А деньги такие большие, что кто угодно мог на них соблазниться. Так что нам, Костя, гораздо важнее доказать ему свою невиновность, чем найти эти деньги! И если мы сейчас отработаем эту девицу, если мы закатаем ее в бетон – его подозрения усилятся! Михаил Степанович подумает, что мы с тобой прячем концы в воду!

– Так что же нам теперь делать?

– Отпустить ее, Костя!

– Отпустить?

– Именно!

– Да как ее можно отпускать? – взвыл Константин. – Она – единственный наш след...

– Вот поставь, Костя, себя на ее место. Представь, что тебя взяли, предположим, люди Вареного, а потом отпустили. Что ты сделаешь?

– Постараюсь связаться со своими... с вами, шеф...

– Ну вот видишь! Я не сомневаюсь, если она в деле – после того, как мы ее отпустим, она постарается связаться со своим сообщником, чтобы все ему рассказать и получить новые инструкции. Тут-то мы его и возьмем...

– А если она сорвется с крючка? – с сомнением проговорил Константин.

– Не сорвется! Мы за ней пошлем надежных людей, а для верности поставим на ней электронную метку, чтобы она не могла ускользнуть от слежки.

– Ну, если электронную...

– Больше того, по ее поведению мы поймем, действительно ли она в деле или попала в него чисто случайно. Если она ни при чем – отправится домой, если в деле – постарается отделаться от хвоста и выйдет на связь со своим напарником.

– Ну, если так, тогда конечно... – неуверенно протянул Константин.

– А сейчас вернемся и доиграем сцену до конца, чтобы как следует ее напугать. По этой части ты мастер и можешь развернуться по полной... только без контакта!

Разговор явно закончился, и Оксана метнулась обратно к своему стулу.

Едва она приняла прежнюю позу, то есть скорчилась на стуле с самым унылым видом, как дверь открылась и в комнату вошли те же двое. Константин нес в правой руке плоский металлический чемоданчик.

– Ну что, – проговорил шеф, потирая руки. – Подумали над своим положением? Поняли, что никто вас отсюда не вытащит и единственный ваш шанс – рассказать нам все? Рассказать о том,

кто поручил вам эту операцию, от кого вы узнали о деньгах, кто, кроме вас, был в поезде, и главное – где вы спрятали деньги?

– Отвечай шефу! – рявкнул Константин, наклонившись над Оксаной и сделав зверскую рожу. Оксана вжала голову в плечи, зажмурилась.

– Где деньги? – повторил Константин и схватил ее за волосы. – Я тебя изуродую! Я тебе нос отрежу, сука! Говори!

– Я не знаю, о чем вы... – искренне ответила Оксана.

– Ах, не знаешь? – Константин отступил на шаг, открыл чемоданчик, и Оксана увидела сверкающие хромом хирургические инструменты. Хотя она и подслушала разговор своих мучителей и знала, что шеф разрешил Константину только напугать ее, – при виде этих инструментов у нее засосало под ложечкой и потемнело в глазах от страха.

– Ну что, не передумала? – Константин пристально взглянул на нее. – Не вспомнила, где деньги?

– Мне нечего вспоминать! Я не знаю ни о каких деньгах!

– Ну, пеняй на себя!

Он достал из чемоданчика большой шприц, примерился и воткнул иглу в запястье Оксаны. Она вскрикнула от неожиданности – ведь шеф разрешил Константину только припугнуть ее, не переходя к физическим методам воздействия!

Но в ту же секунду у нее закружилась голова, комната поплыла перед глазами, свет померк, и Оксана потеряла сознание.

Брат Бернар возвратился в епископский дворец. Но прежде чем отправиться в комнату для допросов, где его дождался очередной доносчик, он вошел в свою келью, упал ничком на каменный пол и долго, истово молился.

Он просил Создателя указать ему свет в том страшном тупике, в который попал. Неужели этой ночью он свиделся с самим дьяволом, просил у него исполнения заветного желания? Неужели участвовал в отвратительном шабаше, разделял кощунственную трапезу с ведьмами, колдунами и прочей нечистью?

Или это был только кошмарный сон, внушенный ему Врагом рода человеческого, дабы лишить его твердости и неподкупности при осуществлении обязанностей инквизитора?

Но нет, все детали, все подробности шабаша совпадали с тем, что описано в великой книге братьев Шпренгера и Инститора «Молот ведьм», совпадали с тем, в чем признавались на дыбе и колесе разоблаченные ведьмы и еретики...

Значит, отныне он сам – еретик и чернокнижник, недостойный не только монашеского сана и благородного звания инквизитора, но не смеющий даже находиться под священными сводами церкви, не смеющий принимать Святое причастие...

Но тут же мысли инквизитора приобрели иное направление.

Чтобы искупить свой страшный грех, он должен с удвоенной, утроенной энергией бороться с ересью, преследовать еретиков, в каком бы обличье они ни скрывались, – и тогда Создатель простит его прегрешения и снова примет с распростертыми объятиями в лоно Церкви...

А до тех пор он должен таить свой грех, скрывать его ото всех, даже от братьев по ордену, особенно же – от других инквизиторов, потому что они привлекут его к суду, тем самым лишив возможности бороться с ересью.

Придя к такой утешительной мысли, брат Бернар подверг себя суровому бичеванию, затем облачился в чистую сутану и проследовал в комнату для допросов.

Там в это время его помощник беседовал с фрау Визель, вдовой лесоторговца.

– Послушайте эту женщину, брат Бернар! – помощник инквизитора почтительно встал, приветствуя своего патрона. – Мне кажется, речь идет о серьезной ереси!

– Еще какой серьезной, достопочтенный брат инквизитор! – воскликнула вдова, прижав руки к взволнованно вздымающейся груди. – Говорю вам, она настоящая ведьма! Я своими глазами видела, как она в пятницу на рассвете ходила по лугу, собирая росу! Для чего ей могла понадобиться пятничная роса, как не для колдовства? Сами посудите – как бы она могла сохранить девичий цвет лица аж до тридцати лет, если бы сам дьявол не помогал ей! – упомянув дьявола, доносчица истово перекрестилась.

– О ком ты говоришь, дочь моя? – осведомился инквизитор, желая поскорее вникнуть в суть дела.

– Конечно, о ней, о своей соседке Маргарите! – заторопилась вдова. – Говорю вам – она настоящая ведьма! Иначе как могла бы она соблазнить этого святого человека, своего мужа? Ведь в ней нет ничего хорошего! Тоша как жердь, волосы бесцветные, глаза как у коровы... не иначе, она вызнала у самого дьявола секрет приворотного зелья, которым и опоила господина Генриха! Ведь он мужчина хоть куда, он мог жениться на ком угодно, на первых красавицах города... сказать по чести, я и сама бы вышла за него, кабы родители не сосватали меня за старика лесоторговца, а уж я не ей чета...

Вдова привстала, дабы инквизитор мог по достоинству оценить ее статную фигуру, крутые бедра и высокую грудь, поиграла темными глазами.

– Уймись, дочь моя! – строго произнес инквизитор. – Ты стоишь перед лицом служителей Церкви! Мы здесь находимся для того, чтобы искоренять ересь, а не выслушивать скабрзности!

– Так вот я и говорю о настоящей ереси! – спохватилась вдова. – Она – истинная еретичка! Она приворожила господина Генриха своими худосочными прелестями до такой степени, что он и не смотрит на других женщин...

– Это говорит лишь о его высокой морали, которую Церковь весьма одобряет! – прервал ее брат Бернар.

– О морали, как же! – скривилась вдова. – Мне их служанка, хромя Клара, сама говорила, что, взбивая подушки, как-то раз нашла в напернике пучок какой-то травы. Не иначе, Маргарита нащептала чего-то на эту траву, чтобы крепче приворожить к себе господина Генриха! Уж если это не колдовство, почтенный брат, то я и не знаю, что называется колдовством...

– Говоришь, дочь моя, служанка Клара говорила это тебе лично? – насторожился инквизитор.

– Клянись ранами Христовыми! – выпалила вдова и быстро перекрестилась. – Она говорила мне это возле колодца, в присутствии других женщин!

– Записал ли ты эти слова, брат Мартин? – осведомился инквизитор у своего помощника.

– Дословно! – подтвердил тот.

– Что ж, это, несомненно, подпадает под определение ведовства... – Инквизитор перелистал «Молот ведьм», нашел соответствующее место и отчеркнул его пером. – Несомненно, подпадает. Скажи, брат Мартин, я пропустил начало допроса и не знаю, о ком из жителей города идет речь...

– О жене богатого торговца фрау Маргарите Ситтов! – услужливо сообщил брат Мартин, сверившись со своими записями. – Благочестивая фрау Визель живет по соседству с подозреваемой, видит ее ежедневно, поэтому она имеет возможность наблюдать за ее нечестивым поведением...

– Фрау Ситтов? – переспросил инквизитор, и комната поплыла перед его глазами. Он хотел что-то возразить, хотел гневно отместить любые обвинения в адрес женщины с медовыми глазами, хотел воскликнуть, что она чиста, как снег, и непорочна, как агнец Божий, но вовремя удержался, сообразив, что такие необдуманные слова могут поставить его самого в крайне уязвимое положение.

– Каковы будут ваши распоряжения, брат Бернар? – осведомился его помощник. Инквизитор едва слышал его.

Сердце его билось, как скворец в клетке, разрываемое противоречивыми чувствами. Она невинна... конечно, она невинна, не может быть ведьмой женщина с такими глазами! Нет, она виновна, она и его сумела околдовать, приворожить своим темным колдовством! Ведь он и впрямь околдован ею, он не может думать ни о чем другом, ни о чем и ни о ком, кроме нее... Едва он закрывает глаза, как видит эту женщину, ее медовые волосы, ее глаза, осыпающие все вокруг золотыми искрами... Она заворожила его, и дело тут не обошлось без Врага рода человеческого...

И тут инквизитор вспомнил минувшую ночь, страшное сборище на берегу горного озера, вспомнил чудовищное существо, восседающее на каменном троне, вспомнил громовой, всепроникающий голос, которым это существо обратилось к нему и обещало исполнить его самое сокровенное желание.

– Она будет твоей! – прогремел в его голове тот страшный голос. – Она будет в полной твоей власти!

«Вот оно! – подумал брат Бернар. – Он уже исполняет свое обещание! Ведь обвинение в колдовстве, выдвинутое против фрау Ситтов, полностью передает ее в руки инквизиции, то есть

в мои руки! Она будет безраздельно принадлежать мне! Ее медовые волосы, ее прекрасные глаза... в моей воле будет поступить с ней как мне заблагорассудится! Может ли быть власть более сладкая, более волнующая, чем власть над жизнью и смертью обожаемого существа?» Инквизитор поднял глаза на своего помощника и сурово проговорил:

– Немедленно пошли капитана ландскнехтов! Пусть арестует фрау Маргариту Ситтов по обвинению в колдовстве!

Оксана пришла в себя от холода, пошевелилась и открыла глаза.

Она сидела на садовой скамейке в сквере перед Казанским собором. Рядом с ней симпатичная старушка кормила голубей, на соседней скамье целовалась парочка готов.

Чувствовала себя Оксана отвратительно – во рту было сухо, как в архиве перед праздником, глаза резало от света, голова раскалывалась от боли. Еще почему-то болела левая рука, но на общем фоне это была мелочь.

Оксана невольно застонала и попыталась встать. Старушка опасно покосилась на нее и пересела на другую скамью, голуби дружной стайкой переместились вслед за ней, зато готы перестали целоваться, взглянули сочувственно, и парень осведомился:

– Что, колбасит?

– Не то слово, – честно призналась Оксана и со второго раза смогла встать. – Водички нету?

– Держи! – гот протянул ей пластиковую бутылку.

Оксана припала к ней, сделала несколько жадных глотков, и ей стало чуть легче.

Она даже смогла собрать в кучку разбегающиеся мысли и вспомнить то, что предшествовало этому ужасному пробуждению.

Ее похитили какие-то криминальные личности, допрашивали в подвале. Ей удалось подслушать их разговор, из которого она узнала, что в том же злополучном поезде, в котором она ехала из Москвы, криминальная структура перевозила большие деньги, и эти деньги пропали...

Похитители решили отпустить ее и проследить, куда она первым делом отправится и с кем попытается связаться. С этой целью они намеревались пустить за ней хвоста.

Оксана огляделась по сторонам.

Все скамейки в сквере были заняты общительными старушками, молодежью, молодыми мамашами с колясками и прочей обыкновенной публикой. Только один человек явно не вписывался в эту оптимистическую картину. Это был мужчина лет тридцати в черном плаще с поднятым воротником и надвинутой на глаза кепке. В руках у него была газета, но он эту газету не читал, а только прикрывал ею нижнюю часть лица, то и дело бросая по сторонам настороженные взгляды. Оксане с ее скамейки не была видна эта газета, но она бы ничуть не удивилась, если бы та была позавчерашней, а то и прошлогодней.

Наверняка это его приставили к ней для слежки!

Оксана снова опустилась на скамейку и задумалась, как ей следует себя вести.

Больше всего ей хотелось отправиться домой, принять горячий душ и переодеться – но как раз этого делать не следовало: она приведет за собой слежку...

Хотя что, они не знают, где она живет?

После некоторых мучительных и бесплодных размышлений она все же решила домой не ходить, потому что этот Константин непредсказуем, вдруг у него в голове что-то там закоротит, и он решит все же Оксану пытать? А они свидетелей не оставляют, так что и мужа могут убить. Что называется, за компанию. Но что же делать?

Она бросила вороватый взгляд на подозрительного мужчину с газетой и увидела, что к нему приближается по дорожке такая же подозрительная женщина.

Высокая блондинка в дорогом кашемировом пальто с поднятым воротником, закрывающим часть лица, в больших черных очках и с наброшенным на волосы шелковым шарфом явно хотела скрыть свою внешность.

При виде этой блондинки мужчина вскочил, сделал шаг ей навстречу и тут же опасно огляделся по сторонам. Блондинка поравнялась с ним, они взяли за руки и быстрым шагом удалились в дальний конец сквера, туда, где стояли припаркованные машины.

«Любовники! – подумала Оксана, успокаиваясь. – Я уже каждого куста пугаю! Может, и нет за мной никакой слежки, может, я все это навоображала!»

Она жадно допила воду, выбросила в урну пустую бутылку и зашагала в сторону метро.

Правда, какое-то неприятное чувство не покидало ее, и, подходя к выходу из сквера, она быстро оглянулась.

Одна из молодых мамаш подхватила коляску и двинулась в том же направлении, что и Оксана. «Ну и что? – подумала она, невольно прибавляя шаг. – Погуляла в сквере и теперь возвращается домой... а у меня уже развивается самая настоящая паранойя».

Тем не менее, перейдя через Невский проспект, Оксана не вошла в метро, а пошла дальше, в сторону Московского вокзала.

Шла она медленно, делая вид, что беззаботно прогуливается.

У нее было такое ощущение, будто кто-то пристально смотрит ей в спину.

Пройдя метров двадцать, она остановилась возле витрины косметического магазина, делая вид, что рассматривает мыло ручной работы. В действительности она разглядывала отражения прохожих.

Этот трюк она тоже видела в бесчисленных кинобоевиках.

И почти сразу Оксана заметила среди спешащих по делам и неторопливо прогуливающихся прохожих молодую женщину с коляской – ту самую, которая следом за ней покинула сквер.

«Ну и что? – снова попыталась Оксана успокоить себя. – Мало ли, ей просто по пути со мной».

Впрочем, она и сама не верила в такое простое объяснение: какой нормальной матери придет в голову гулять с грудным ребенком по Невскому проспекту, среди многотысячной толпы, дыша выхлопом сотен автомобилей и автобусов?

Около остановки стоял троллейбус. Последние пассажиры входили в него, еще секунда – и двери закроются...

Вспомнив очередной боевик, Оксана метнулась к троллейбусу и в самую последнюю долю секунды успела проскользнуть в закрывающиеся двери.

Протиснувшись между пассажирами, она выглянула через заднее стекло и увидела на остановке растерянно глядящую женщину с коляской. Проводив глазами удаляющийся троллейбус, «мамаша» достала из сумочки мобильный телефон.

«Ага, рапортует начальству, что упустила меня! – злорадно подумала Оксана. – Тоже мне, профессионалы!»

Правда, Оксана не заметила на лице «мамаши» серьезного расстройства, не говоря уже о панике.

Она проехала на троллейбусе несколько остановок и вышла на Большой Морской.

Прямо рядом с остановкой увидела кафе.

Ей страшно захотелось выпить большую чашку горячего крепкого кофе и съесть что-нибудь вкусное и калорийное, чтобы снять стресс и хоть немного поднять настроение. Она вспомнила, что шла обедать, когда ее прихватили люди из полиции. С тех пор произошло с ней столько всего, что, кажется, несостоявшийся обед был сто лет назад и вообще в другой жизни. И работа в издательстве, и муж, и квартира – все казалось теперь каким-то нереальным, далеким. Зато самым настоящим было чувство голода. Надо поесть, чтобы набраться сил.

Оксана вошла в кафе, подошла к стойке, заказала чашку кофе с молоком и большой сэндвич и в ожидании заказа села за свободный столик возле самого окна.

Отсюда ей было хорошо видно улицу перед входом в кафе.

Прохожие шли мимо по своим делам, и никому до нее не было дела, никто не останавливался, не высматривал ее.

Кажется, она действительно отделалась от слежки...

Официантка принесла ей заказ.

Оксана не спеша пила кофе, маленькими кусочками отщипывала сэндвич и постепенно успокаивалась.

Головная боль прошла, мысли прояснились, только почему-то все еще болела левая рука.

Оксана посмотрела на запястье.

Там, почти под самым ремешком часов, виднелась небольшая припухлость с точкой посередине. Словно комариный укус...

Но какие сейчас в городе комары?

И тут она вспомнила, как Константин, состроив зверскую рожу, поднес шприц к ее левой руке.

Ах, ну да, это след того укола... он ввел ей какое-то снотворное, она потеряла сознание и очнулась только в сквере...

Оксана машинально потрогала припухлость на запястье – и почувствовала под кожей что-то твердое.

И тут она вспомнила, чем закончился разговор похитителей, который она подслушала через вентиляционную решетку.

«Чтобы она не ускользнула от слежки, мы поставим на ней электронную метку», – сказал Константину его шеф в золоченых очках.

Вот что это такое! Вот что у нее под кожей!

Они поставили на ней метку, какие ставят на птицах или на диких животных, чтобы следить за их передвижениями.

Поэтому ту женщину с коляской не слишком расстроило, что Оксана сумела сбежать от нее.

Она знала, что ее снова найдут в любой момент. Найдут по сигналу, который посылает этот крошечный, вживленный под кожу микрочип.

Настроение опять испортилось, кофе стал безвкусным, сэндвич отдавал картоном.

Оксана снова выглянула в окно.

Вдоль витрины кафе прогуливался мужчина в черном плаще с поднятым воротником и надвинутой на глаза кепке. Тот самый мужчина, который еще в сквере показался Оксане подозрительным...

Женщины с ним не было – значит, та сценка была разыграна, чтобы успокоить Оксану, отвести ей глаза...

Она бросила на тарелку недоеденный сэндвич, вскочила из-за стола и вышла из кафе.

Мужчина в черном плаще скользнул по ней равнодушным взглядом, потом посмотрел на часы. Оксана перешла улицу, села в подошедший автобус и поехала в обратную сторону. Теперь она не надеялась оторваться от преследователей, она убегала без плана, без всякого смысла, как убегает от охотников затравленное животное.

Выглянув в окно автобуса, она увидела, как мужчина в черном плаще подошел к припаркованной машине и сел за руль. Больше ничего она не заметила, потому что автобус свернул за угол.

Оксана снова проехала по Невскому проспекту, на этот раз в обратном направлении. Автобус миновал Московский вокзал, свернул на Суворовский проспект. Ехать дальше не имело смысла, и Оксана вышла на следующей остановке. Она шла вперед, задумавшись над своим ужасным положением, и пришла в себя, только когда налетела на долговязого парня с несколькими коробками пищи.

Тот сумел удержать свои коробки и обиженно проговорил:

– Девушка, вы смотрите, куда идете!

Оксана извинилась, огляделась по сторонам.

На глаза ей попала табличка с названием улицы.

Она оказалась на Греческом проспекте...

Где ей только что попадалось это название?

Ах, ну да – тот человек из секретной конторы, сосед по дому, который допрашивал ее в своем кабинете, прежде чем отпустить ее, написал на листке адрес. Надпись возникла перед ее глазами – Греческий проспект, дом семь, квартира четырнадцать...

Тот человек – Оксана вспомнила, что его зовут Игорь Иванович, – недвусмысленно дал ей понять, что ее судьба в его руках, и если она не хочет попасть в тюрьму по обвинению в организации теракта – ей придется уступить его наглým домогательствам и прийти к нему на свидание по этому адресу.

На душе у Оксаны стало совсем скверно.

Ее обложили со всех сторон – и полиция, и какая-то криминальная группировка, и еще этот маньяк из секретной конторы... И не к кому обратиться за помощью, не от кого ждать защиты! Позвонить мужу? И что сказать?

Она представила, как будет долго и нервно рассказывать ему по телефону, что с ней случилось, а он сначала будет удивляться и переспрашивать, потом станет отмахиваться и твердить, чтобы она успокоилась и что ничего страшного не случилось, что она просто не так все поняла и что все рано или поздно забудется и устаканится. А потом скажет, что он на работе и что они поговорят обо всем дома.

Ага, дома. До дома еще добраться нужно.

В общем, ясно поняла Оксана, муж ей ничем не поможет. Ну что, пойдет он этому типу из Конторы морду бить, что ли? Она давно уже привыкла не рассказывать мужу о том, что к ней

пристают мужики, его реакция вполне типична – сама виновата, не давала бы повода, никто бы к тебе не лез.

А про бандитов муж вообще не поверит, скажет, что она от страха все выдумала.

Оксана огляделась по сторонам.

Никого подозрительного поблизости не было видно, но это ровным счетом ничего не значит.

Бандиты следят за ней при помощи микрочипа, а тот маньяк из секретной службы поджидает в своей квартире, как паук в центре паутины...

И вдруг у нее мелькнула дикая идея.

А что, если...

Да нет, это слишком рискованно!

Ну и что, что рискованно? Другого выхода у нее все равно нет!

Она взглянула на часы. Было без двадцати восемь, а тот человек, Игорь Иванович, назначил ей встречу на восемь.

Приходить раньше времени не стоит – он еще подумает, что она спешила увидеть его...

Взглянув на часы, Оксана снова увидела припухлость на запястье и на этот раз подумала о вживленном туда микрочипе не с ужасом, а с надеждой. Теперь все зависело от того, насколько надежно он работает и насколько внимательно следят за его сигналом люди из криминальной группировки.

Она несколько раз прошлась вперед и обратно, осмотрела окна дома номер семь и снова взглянула на часы.

Время тянулось томительно медленно, было еще только без восьми минут восемь. Оксана подошла к газетному киоску на углу, изучила заголовки газет. Каждый второй был посвящен взрыву в поезде Москва – Петербург, каждая газета выдвигала свою версию событий, одну нелепее другой.

Наконец Оксана не выдержала, перешла улицу и остановилась возле подъезда. На двери был установлен домофон. Немного поколебавшись, она набрала на пульте номер четырнадцать. Из домофона доносились монотонные гудки, но никто не открывал.

«Вот и хорошо, – подумала Оксана с облегчением. – Можно уйти, ничего не нужно делать...»

Она уже отступила на шаг от двери, но в эту самую секунду раздался щелчок замка, вслед за которым знакомый голос проговорил:

– Заходите.

Оксана вошла в подъезд и прислонилась к перилам. Силы внезапно оставили ее. Не делает ли она глупость, что сама идет волку в пасть? И неизвестно, что хуже – снова попасть к бандитам или иметь дело с этим ненормальным представителем серьезной организации.

Смех сказать, кому доверили безопасность государства. Да он только о бабах и думает...

От этой мысли Оксана приободрилась и решила, что один на один она с Игорем Ивановичем уж как-нибудь справится.

Квартира четырнадцать находилась на третьем этаже. Оксана нарочно поднималась медленно, чтобы прийти в себя и собраться с силами. Дверь квартиры была самая простая, железная, и номер на ней был намалеван от руки белой краской.

Ее уже ждали, дверь тотчас открылась.

На первый взгляд, этот тип ничуть не изменился – те же залысины, те же водянистые глаза и слишком мягкие губы. На второй же, более пристальный взгляд, он стал еще противнее. Оксана едва сдержала дрожь отвращения, слишком ярко представив себе, как он станет тянуться этими губами к ее лицу и этими вялыми влажными руками будет трогать ее тело. Нет уж, такому не бывать!

Он молча пропустил ее в квартиру и завозился с замками. Оксана пока огляделась.

Прихожая была полутемная – под потолком качалась одинокая лампочка без абажура, но даже при таком свете были заметны грязные обои и катышки пыли на полу.

– Добрый вечер, – сказала она, чтобы не молчать.

Он не ответил, уставился куда-то вбок и только мотнул головой – проходите. Оксана повесила куртку на вешалку – просто четыре дешевых крючка, прибитых к обычной доске, – и прошла в комнату.

Хоть она и не ожидала ничего хорошего, обстановка комнаты превзошла все ее ожидания. Была тут мебель – стенка советского времени, лет пятьдесят назад полированный стол, такого же возраста стулья с жесткими спинками и диван с дешевой полинявшей обивкой. Стол был в

застарелых пятнах от чашек. На окнах провисали портьеры. Ткань на них была вся в затыжках, как будто над ними много лет трудилась бригада домашних котов. Пахло пылью и застарелым сигаретным дымом.

В общем, эта комната никак не могла сойти за уютное любовное гнездышко.

Нет, этот тип точно ненормальный! Собирается принимать женщину в таком сарае? Хотя бы проветрил...

Впрочем, ей нет до этого дела. Хотя ну должны же у него быть какие-то соображения. По его же собственному выражению, он требует от Оксаны сотрудничества. И конкретно где он собирается с ней «сотрудничать»? На этом вот продавленном вонючем диване? Или на столе? От злости ей стало смешно.

Ни на минуту не забывая следить за своим лицом, Оксана села на диван. Нужно потянуть время. Завести пустой, ни к чему не обязывающий разговор, выпить попросить, что ли...

– Вы... Игорь Иванович, вы... я не спросила, в каком вы чине...

– Это секретная информация, – отрывисто ответил он, – я не могу вам ответить.

Оксана наклонила голову, кусая губы, – подумаешь, секреты! Он делает вид, что он на службе...

– Эта квартира... вы уверены, что тут нет камер и микрофонов?

– Уверен, – буркнул он и отошел к окну.

Он прислонился к подоконнику и посмотрел на Оксану пристально. Она не отвела глаз, здесь, в этой квартире, она совершенно его не боялась. Снова в его глазах она увидела торжество и удовлетворение. Странно, вроде бы еще рано ему быть довольным, вроде бы еще ничего не получил... Нет, все-таки он псих.

А он вдруг заговорил:

– Вы понимаете, что только от меня зависит ваша жизнь? Если я решу, что вы виновны во взрыве в поезде, вам грозит огромный срок.

– Я понимаю. – Оксана опустила глаза и незаметно посмотрела на часы.

Прошло всего пятнадцать минут с ее прихода.

– Но я могу сделать так, что вас отпустят! – Голос его задрожал. – И органы не будут иметь к вам никаких претензий!

– Я знаю, – кивнула Оксана.

– То есть вы сейчас – в полной моей власти, вы должны доказать мне, что вы это понимаете!

– Но я ведь пришла к вам сюда, – напомнила Оксана, – стало быть, я понимаю...

Как-то ей не понравилось его поведение. Было совершенно непонятно, чего он хочет. Несет какую-то чушь, а сам к ней даже не приближается, как будто хочет оттянуть этот момент. Ну, ей тоже того и надо, но похоже, что этот тип просто упивается своей властью над ней. Хочет продлить это как можно дольше. Может, он импотент? Проверять такой факт она не собирается. Оксана пожеглась под его пристальным взглядом, а он оживился и сделал два шага к дивану и все смотрел и смотрел на нее долгим, отчаянным взглядом.

Она в его власти, думал он, исполнилось самое заветное его желание. И сейчас ему лучше всего, потому что потом, когда все случится, он не сможет ее отпустить. Он врал ей, что ее судьба зависит от него, на самом деле он – только винтик в этой организации, именуемой Конторой, разумеется, он ничего не решает.

Он обязан дать делу ход, тем более что больше нет никаких подозреваемых. Виновна ли она?

Или просто оказалась крайней, как сейчас говорят, попала под раздачу? Ему не было до этого никакого дела. Какая, в конце концов, разница? Он желал эту женщину. И он ее получил. А дальше... так даже лучше. Хотя бы прекратятся эти унижительные походы на чердак, за которые его презирает даже собственная собака!

Оксана обхватила плечи руками. В комнате было сыро, пахло затхлостью.

– Нельзя мне хотя бы чаю... – протянула она, ожидая отказа, но этот тип встрепенулся и потащился на кухню.

В его отсутствие она осмотрела комнату. В стенке какая-то посуда, в шкафу – два халата, белый и синий, сатиновый, в ящиках – пачка бумаги и детский пенал с карандашами и ручками. Она едва успела сесть, когда он вошел с чайником. Чайник был старый, обычный, с закопченным боком. Это хорошо, подумала Оксана, в крайнем случае можно его этим чайником шандарахнуть по голове. И будь что будет, но спать она с этим психом не собирается.

Игорь Иванович достал из буфета две чашки, одна была с отбитой ручкой, другая – пожелтевшего фаянса, обеим место только на помойке. Оксану передернуло, но он подумал, что это от холода, или просто не обратил внимания. Чай был, разумеется, из пакетиков, еще были вытащены из буфета доисторические пряники. Он высыпал их из пакета прямо на стол. Точно, поняла Оксана, пряники ровесники занавескам, а тем лет тридцать будет.

– Я руки хочу помыть! – Оксана вскочила с места. – Я сама найду!

Ванной в этой квартире не было вовсе, зато в туалете притулилась в углу заржавелая раковина образца примерно девятьсот тринадцатого года. Не конспиративная квартира, а форменный свинарник!

Оксана с опаской пустила воду и высунулась в коридор. Этот тип не пошел за ней, значит, не боится, что она удерет. Очень в себе уверен, точнее, уверен, что загнал ее в угол и не оставил выбора.

Оксана на цыпочках подбежала к входной двери и осмотрела замки. Очень ей не понравился старинный засов, что задвигался изнутри. Замки-то эти бандиты откроют без труда, а вот засов...

Жила у них в доме одна старушка, Анна Ипатьевна. Из дому она не выходила по причине преклонного возраста и вместо замков имела на двери огромный железный крюк, оставшийся в квартире даже не с прошлого, а с позапрошлого века. Она утверждала, что крюк лучше любого замка – его снаружи никак не откинешь.

Дело кончилось печально. Анна Ипатьевна умерла во сне. Старухе повезло, но не ее наследникам, потому что попасть в квартиру они долго не могли. Четыре специалиста по замкам потерпели фиаско, и вот когда всерьез подумывали, не взорвать ли дверь динамитом, сообразили обратиться к альпинистам.

Вспомнив эту историю, Оксана тихонько отодвинула засов. Что ж, она облегчила бандитам задачу как могла, теперь все зависит от них. Глядя в маленькое зеркальце, что стояло на запыленной полочке над раковиной, она подкрасила губы и хотела было распустить волосы, но поостереглась – не принял бы этот псих такой ее поступок как руководство к действию. По привычке она поправила цепочку, медальон снова перевернулся гладкой стороной. Оксана застегнула пуговку на блузке и вышла в коридор.

Он все-таки заволновался и выглянул из комнаты. Оксана сложила губы в улыбку. Получилось ненатурально, но для этого мерзавца и так сойдет.

– Остывает, – кивнул он на чашки.

Оксана вовсе не собиралась пить это пойло, кто его знает, может, он растворил в чае какую-нибудь таблетку. Однако сделала вид, что обрадовалась, потерла руки и схватила чашку. Он тоже взял свою – ту, без ручки, и Оксана подавила сильнейшее желание стукнуть по дну чашки, чтобы ошпарить этого типа кипятком. Он как будто что-то почувствовал, потому что отставил чашку, придвинулся к Оксане и положил руку ей на колено. Она напряглась, прикидывая расстояние до чайника. Получалось далековато, просто руку не протянешь.

И в этот самый момент из прихожей донеслись те звуки, которых Оксана все это время напряженно ждала и в то же время боялась: щелчок замка, негромкий скрип входной двери и приглушенные шаги. Она поняла, что люди из криминальной структуры выследили ее по сигналу микрочипа и наконец явились сюда, чтобы захватить ее предполагаемого соучастника. Долгонько собирались! Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда!

Оксана закашлялась, чтобы Игорь Иванович не услышал эти звуки раньше времени, но он все же насторожился и шагнул к двери, сунув руку за пазуху, где у него была кобура с пистолетом. Но он опоздал: дверь комнаты с грохотом распахнулась, в нее ворвался знакомый Оксане небритый брюнет, тот самый Константин, который допрашивал ее в подвале. Одним прыжком преодолев полкомнаты, он сбил Игоря Ивановича с ног и завернул его руку за спину.

Следом за Константином в комнату вбежали еще двое парней с оружием в руках. Один из них схватил Оксану за локти, другой встал возле двери.

С неизъяснимым злорадством Оксана наблюдала, как этот тип, который вызывал у нее теперь только отвращение, пытался вырваться. Когда он понял, что из этого ничего не выйдет, то прохрипел:

– Вы кто такие? Откуда вы взяли на мою голову?

– Лично я – Дед Мороз, – насмешливо ответил ему Константин. – Новый год, правда, еще не скоро, но я тебе заранее принес подарок. Думаю, они тебе понравятся.

Он щелкнул пальцами, и один из его подручных принес из прихожей знакомый Оксане металлический чемоданчик. Константин встал, открыл чемоданчик и показал хозяину квартиры сверкающие хромом хирургические инструменты:

– Знаешь, что это такое?

– Да ты совсем сдурел, что ли? – хрипел Игорь Иванович. – Да ты знаешь, кто я такой?

– Знаю, что ты чужие деньги оприходовал! – перебил его Константин. – И это было твоей большой ошибкой...

– Какие деньги? – заверещал Игорь резаным поросенком, снова пытаясь высвободиться. – Понятия не имею, о чем ты говоришь!

– Лучше признайся, Игорек! – воскликнула Оксана, подпустив в голос вполне натуральный ужас. – Они все равно все знают! Это очень страшные люди...

– Что ты несешь? – растерянно отозвался ее прежний мучитель. – Не слушайте ее, она врет! Она сама не знает, что говорит!

– Вот как? – Константин долгим взглядом окинул Оксану, потом повернулся к Игорю: – А я склонен ей верить больше, чем тебе! Знаешь, что мы сейчас сделаем? Мы разделим вас, голубочки, и посмотрим, кто из вас быстрее расколется. Устроим между вами соревнование. Кто раньше и лучше запоет, у того будет больше шансов остаться в живых!

Ох, каким взглядом ответил ему Игорь Иванович! Угроза постепенно уступала в нем место страху. Ага, это тебе не за могущественную Контору прятаться! До него наконец дошло, что здесь ему никто не поможет. Эти отморозки понятия не имеют, в какую квартиру они попали. А может быть, как раз имеют? И его кто-то сдал? И все это делается с ведома начальства?

Он растерялся.

Константин повернулся к одному из своих подручных, снова щелкнул пальцами и показал на Оксану:

– Отведи ее в другую комнату. Сейчас я разберусь с этим красавчиком и зайду поговорить с ней...

Бандит схватил Оксану за плечо, вывел в коридор и толкнул в дальнюю комнату.

Эта комната была обставлена так же просто, как первая, – диван в потертой бежевой обивке, низкий комод с поцарапанной столешницей и небольшой застекленный книжный шкаф, только вместо книг стояли там старые канцелярские папки с завязочками. Стекло на одной из полок было выбито, на другой – треснуто и заклеено синей изолентой, и на папках видны были лиловые выцветшие штампы – не то «Спецсанупр», не то «Начспецком», а то и вовсе что-то нечитаемое.

Оксана опустила на диван и затихла. Ее охранник остановился у двери, сложив руки на груди. Из соседней комнаты донесся приглушенный крик – видимо, Константин приступил к допросу. Оксана вздрогнула и покосилась на своего стража. Тот и бровью не повел. Не смотрел злобно, не усмехался мерзко, не грозил увечьем и смертью – просто спокойно смотрел перед собой. Дисциплинированный, значит, приказа ждет.

Оксана вжалась в спинку дивана и задумалась о своем положении.

Пока с каждым часом оно становилось все хуже и хуже.

Правда, как она и рассчитывала, бандиты спасли ее от маньяка из Конторы, но сами они были, пожалуй, еще опаснее. Во всяком случае, от первой встречи с Константином у нее остались самые неприятные воспоминания. Сейчас он занят Игорем Ивановичем, но скоро перейдет к ней. И тогда ее вряд ли кто-нибудь спасет...

Внезапно Оксана почувствовала странное жжение, как будто на груди под блузкой у нее лежал горячий уголь. Покосившись на охранника, она прикоснулась к груди и нащупала свой медальон.

Он действительно был горячим.

Что бы это значило?

Из соседней комнаты донесся голос Константина, который позвал ее охранника. Тот покосился на Оксану, вышел в коридор и запер за собой дверь на задвижку.

Оксана проводила его взглядом и вытащила медальон из-за пазухи. Он становился все горячее и горячее. Она взяла его в руки и повернула. Теперь необычного вида узор в виде креста оказался снаружи.

Из-за стены снова донесся хриплый, приглушенный крик – Константин продолжал свое излюбленное занятие.

Оксана вздрогнула и при этом случайно дернула медальон. Тонкая золотая цепочка неожиданно оборвалась, медальон упал на пол и закатился под книжный шкаф.

Положение у нее было безвыходным, в будущем ее не ждало ничего хорошего, но неожиданно потеря медальона расстроила больше, чем предстоящий допрос с пристрастием. Этот медальон достался ей от матери и был ей очень дорог, но не только это взволновало ее сейчас, в нем было что-то большее...

Оксана подошла к шкафу, опустилась на колени и попыталась нашарить медальон.

Однако, как она ни старалась, рука не пролезала под шкаф.

Тогда она встала и попробовала отодвинуть шкаф в сторону.

Шкаф неожиданно легко сдвинулся со своего места...

И вдруг в стене за ним обнаружилась потайная дверка.

В комнату инквизитора постучали.

Брат Бернар, который истово молился, стоя на коленях перед изображением Девы Марии, еще раз перекрестился и повернулся к двери:

– Войдите!

В комнату заглянул его помощник и проговорил, смиренно потупив взор:

– Ее привели, достопочтенный брат. Она находится в комнате для допросов.

Инквизитор вскочил, сжал кулаки – но тотчас взял себя в руки, опустил глаза, подобно своему помощнику, и произнес с подобающим случаю смирением:

– Благодарю тебя, брат Мартин. Да будет все исполнено к вящей славе Господней!

* * *

Фрау Ситтов сидела в комнате для допросов, сложив руки на коленях, как послушная девочка. В ее медовых глазах еще не было страха или отчаяния, одно только удивление.

Подняв глаза на инквизитора, она удивленно, но без робости спросила его:

– В чем я провинилась, господин?

– Молчи, когда тебя не спрашивают! – прикрикнул на нее помощник инквизитора. – Отвечай только на вопросы! И называй господина инквизитора святым отцом!

– Спокойно, брат Мартин! – с мягкой, отеческой улыбкой остановил инквизитор своего ретивого помощника. – Эта несчастная женщина не отвечает за свои слова...

Отеческий тон и мягкая улыбка стоили брату Бернару невероятного напряжения всех сил, ибо при виде фрау Ситтов сердце его сперва замерло, а затем забилось как безумное, в глазах потемнело, а во рту стало сухо, как в пустыне. Тем не менее он с подобающим достоинством проследовал к своему месту и опустился в кресло. После этого взял в руки распятие и проговорил, глядя на подсудимую, но стараясь не встречаться с ней глазами:

– Ты ли фрау Маргарита Ситтов, жена торговца?

Женщина замешкалась, и брат Мартин раздраженно воскликнул:

– Отвечай, когда тебя спрашивает господин инквизитор, да не забывай прибавлять «святой отец»!

– Конечно, это я, – с прежним удивлением в голосе ответила Маргарита. – Зачем ты спрашиваешь о том, что и так знаешь, господин... святой отец?

– Господин инквизитор волен спрашивать тебя о чем угодно! – не удержался брат Мартин. – Твое же дело – отвечать и не говорить ничего лишнего!

– Успокойся, брат Мартин! – перебил его инквизитор. – Пусть она говорит, что знает, а ты, как подобает, аккуратно записывай ее слова. Итак, обвиняемая признала, что она – жена торговца фрау Маргарита Ситтов...

Он потер ладони, словно почувствовал холод, и задал следующий вопрос тем же мягким, отеческим тоном:

– Скажи, дочь моя, когда именно ты впервые вступила в сношения с дьяволом?

– Что ты такое говоришь, господин... святой отец? – Фрау Ситтов истово перекрестилась. – Разве можно даже поминать его имя? Меня страх берет...

– Отвечай! – выкрикнул помощник инквизитора, привстав. – Отвечай на вопросы и не говори лишнего!

– Я добрая христианка! – проговорила женщина с возмущением. – Мне противна сама мысль о... о том, кого ты помянул!

– Вот как? – Инквизитор зашуршал листами протокола, положил один из них перед собой и продолжил с прежней мягкостью: – А вот тут у нас есть показания свидетеля, который утверждает, что ты, дочь моя, занималась богопротивным колдовством!

– Не знаю, что там написано, но только это ложь! – выкрикнула женщина. – Я добрая христианка и к колдовству не причастна! Спросите кого угодно!

– И ты не собирала по утрам в пятницу росу? – вкрадчиво проговорил брат Бернар. – И не подкладывала в наволочку своего мужа заговоренные травы?

– Росу? – удивленно переспросила фрау Ситтов. – Ну да, я собирала росу, она очень хороша для мытья волос... Что же в этом плохого, господин... святой отец? Всякая женщина знает, что от росы волосы делаются свежими да мягкими!

– Пятничная роса, дочь моя! – сурово произнес инквизитор. – Всякий знает, что именно пятничная роса обладает волшебными, колдовскими свойствами.

– Да я уж и не помню, сказать по правде, в какой день я ее собирала... – растерялась обвиняемая. – Я собирала ее во всякий день, когда была в том надобность...

– Когда была в том надобность, – повторил инквизитор. – Записал ли ты эти слова, брат Мартин?

Помощник кивнул, и инквизитор продолжил:

– А что насчет заговоренной травы, которую ты подкладывала в наволочку мужу?

– Заговоренной? – переспросила Маргарита. – Это была самая обыкновенная трава – мята да повилика. Все знают, что, ежели положить эту траву в наволочку, сон будет крепче и сновидения приятнее. Вот я и клала эту траву в наволочку Генриха, дабы ему лучше спалось... это истинная правда, господин... святой отец!

– Только для того, чтобы ему хорошо спалось? И не было у тебя при этом никаких дурных целей?

– Конечно, не было, святой отец! Что же тут дурного?

– Может, ты и другие травы собирала?

– Конечно, святой отец! Я собирала разные травы, не только мяту и повилику, но еще чабрец, и чабер, и травку вкуснотиху. Все знают, что ее хорошо добавлять в жаркое.

– Вот как! Записываешь ли ты все это, брат Мартин?

– Непременно!

– Кто же научил тебя, дочь моя, собирать эти травы?

– Моя покойная матушка! – бесхитростно ответила женщина. – Она была хорошая хозяйка.

– Вот как! – инквизитор потер руки. – Значит, ты научилась этому от матери... Может быть, она научила тебя и тому, какую траву собирать по средам, какую – по пятницам, какую в канун святых праздников?

– Не припомню, святой отец... – Женщина задумалась. – Правда, она говорила мне, что мяту и правда лучше собирать прежде Троицы...

– Вот как! Значит, прежде Троицы... в этом ты сходишься с прочими ведьмами, они в один голос твердят, что травы, собранные после Троицы, не имеют колдовской силы, Господь в своем неизмеримом милосердии лишает их ее...

– Не знаю ничего про колдовскую силу, но после Троицы мята становится жесткой от летнего зноя.

– Не смей перебивать брата инквизитора! – прикрикнул на женщину секретарь. – Отвечай, только когда тебя спрашивают!

– Не горячись, брат Мартин! – смиренно проговорил инквизитор. – Мы должны быть кроткими и терпимыми, как агнцы! Именно этому учит нас мать наша святая католическая церковь! Он прошептал слова молитвы, как бы собираясь с силами, и снова обратился к фрау Ситтов:

– Еще раз взываю к тебе, дочь моя: покайся, расскажи нам о том, как ты вступила в сговор с дьяволом, расскажи, как впала в страшный грех колдовства, как вредила честным христианам. Чистосердечное раскаяние облегчит твое сердце, и Церковь в своем милосердии дарует тебе прощение, примет тебя в свое лоно!

– Мне не в чем признаваться, господин... святой отец. Я невиновна в тех грехах, о которых ты говоришь. Меня оклеветали, святой отец, и я даже догадываюсь кто...

– Что ж, – инквизитор воздел очи к небу. – Мы были снисходительны к тебе, ибо Церковь учит нас милосердию и смирению даже к заблудшим овцам. Но ты не принимаешь наше милосердие, не хочешь открыть нам свою душу. Тогда у нас не остается иного пути, как применить к тебе

всю строгость закона. Но прежде чем начать допрос с пристрастием, мы дадим тебе время подумать о своих грехах.

Брат Бернар повернулся к ландскнехту и приказал:

– Отвести еретичку в подземный каземат, дабы она могла без помех предаться раскаянию!

Подсудимую увели, и секретарь инквизитора ушел следом, но брат Бернар еще долго сидел в комнате для допросов, погружившись в безрадостные раздумья.

Свеча догорела, в комнате сделалось темно, но инквизитор этого не заметил.

Он вспоминал страшные картины, которые наблюдал во время своего ночного путешествия, вспоминал чудовищный глаз, обещавший ему исполнение заветного желания.

Все случилось так, как ему было обещано.

Фрау Ситтов, женщина с волосами цвета майского меда, находилась в полной его власти.

Значит, дьявол не обманул его...

Впервые инквизитор осмелился прямо назвать то страшное существо, с которым встретился на шабаше. Впервые он решился признаться себе самому, что заключил договор с дьяволом, то есть совершил самый страшный из грехов, тот грех, борьбе с которым до сих пор служил верой и правдой.

Что же делать?

Признаться в своем грехе братьям по монашескому ордену, добровольно отдать себя на суд других инквизиторов, самому обречь себя на пытку и костер?

Нет, наверняка именно этого и ждет от него Враг рода человеческого! Дьявол хочет покончить с ним, чтобы избавиться от опытного и безжалостного инквизитора, беспощадно искореняющего ересь, выжигающего ее благодетельным огнем, по всей Германии беспощадно преследующего ведьм и колдунов!

Он, брат Бернар, своей непримиримой борьбой с ересью принес Церкви так много пользы, что, несомненно, искупил свой грех! И принесет ей еще много, много пользы!

Брат Бернар вспомнил папскую буллу «О благодати Божьей», в которой глава Церкви разъяснил кардиналам и епископам, рядовым священникам и прихожанам, почему любой грешник, купив индульгенцию, может спасти свою душу от вечного проклятия и избежать адских мучений.

За время существования Церкви тысячи святых, десятки тысяч праведников совершили такое множество подвигов веры и благих дел, что в мире накопилось огромное количество благодати Божьей, достаточное для того, чтобы искупить миллионы грехов. Так что Церковь вполне может поделиться избытком этой благодати со своими верными сынами и дочерьми – разумеется, при условии, что эти сыновья и дочери заплатят Церкви подобающую компенсацию.

Так, если обычный грешник может искупить свои грехи, всего лишь заплатив продавцу индульгенций талер-другой, почему же он, верный труженик Церкви, ее преданный боец, всю свою жизнь положивший на борьбу с ересью, не может искупить свой грех самоотверженным трудом на благо Церкви?

Оксана еще немного сдвинула шкаф, подобрала валявшийся на полу медальон и толкнула потайную дверь.

Она легко открылась, за ней оказалась лестничная площадка.

Оксана спрятала медальон в карман, задвинула за собой шкаф и закрыла дверь.

Она оказалась на мрачной, пропахшей кошками лестнице.

Оксана догадалась, что это так называемый черный ход, который изредка еще встречается в бывших питерских коммуналках. Когда коллеги Игоря Ивановича оборудовали здесь помещение для конспиративных встреч, они замаскировали дверь черного хода, чтобы ею можно было воспользоваться в случае опасности. Игорь воспользоваться этим выходом не успел, да он и не собирался. Этот идиот возомнил себя чуть ли не сверхчеловеком – вы, говорит, в полной моей власти, что хочу, говорит, то с вами и сделаю... Получи теперь!

В общем, Оксане больше повезло...

«Повезло?» – подумала она, вспомнив, как медальон закатился под шкаф. Повезло – или какая-то высшая сила помогла ей выбраться из опасной квартиры?

Тут Оксана опомнилась: в любую минуту ее охранник может вернуться, увидеть, что она улизнула, и отправиться на поиски. Так что терять время не годится...

Она бросилась вниз, однако лестница оказалась очень странной: двумя этажами ниже она упиралась в запертую железную дверь. Зато слева от этой двери был открытый проход, который вел в длинный полутемный коридор. Раздумывать было некогда, и Оксана побежала по этому коридору в единственном доступном направлении.

Вскоре коридор вывел ее на другую лестницу, которая вела не вниз, а вверх. Поднявшись по ней, Оксана оказалась перед очередной дверью, которая, к счастью, не была заперта. За этой дверью снова оказалась лестница, на этот раз самая обычная. Оксана сбежала по ней вниз, распахнула дверь и оказалась в типичном питерском дворе – не совсем колодец, но мрачный двор, в который солнце заглядывает редко, из зеленых насаждений имеется только чахлое деревце неизвестной породы, в углу ржавеет чудом доживший до наших дней «запорожец» да стоят несколько помойных баков.

К этим-то бакам с непостижимым изяществом шел высокий старик в длинном пальто. Выход из двора был в той же стороне, и Оксана невольно устремилась навстречу старику с мусорным пакетом.

Хоть было темно, внешность его показалась ей знакомой, однако момент был не самый подходящий для разговора. Оксана уже почти разминулась со стариком, но тут она увидела в арке двора большую черную машину и рядом с ней полноватого человека в дорогих очках с тонкой позолоченной оправой, того самого, который не так давно допрашивал ее вместе с Константином...

Оксана метнулась назад и едва не сбила с ног старика с мусорным пакетом. При этом она оказалась с ним лицом к лицу и узнала Андрея Михайловича – пассажира поезда Москва – Петербург, с которым столкнулась в ту роковую ночь, а потом виделась в полиции после первого допроса. Это было... всего лишь вчера, а кажется, что очень давно...

– Это вы? – выпалила она удивленно.

– Это вы? – проговорил он в один голос с ней и, проследив за ее затравленным взглядом, схватил Оксану за плечо и потащил к подъезду – не тому, из которого она только что выбежала, а к более представительному, с металлической дверью, оснащенной домофоном.

Оксана не сопротивлялась – по непонятной причине она сразу почувствовала доверие к Андрею Михайловичу.

Старик открыл дверь подъезда электронным ключом, втащил Оксану внутрь и с удивительной для своего возраста прытью поднялся на третий этаж. Отворив обитую старомодным дерматином дверь, пропустил Оксану вперед.

Только когда оба они оказались в квартире и дверь была заперта, Андрей Михайлович обратился к Оксане:

– Извините, что я столь бесцеремонно обошелся с вами, но, как я понял, вас преследуют, так что времени для соблюдения этикета у нас не было. Впрочем, если я ошибся – примите мои извинения...

– Нет, Андрей Михайлович, вы не ошиблись, – проговорила Оксана, отдышавшись. – Меня действительно преследовали... Я чудом смогла сбежать, но едва не напоролась на человека из той же банды, так что вы встретились мне очень своевременно, и я вам благодарна...

Оксана сама удивилась, как старомодно и церемонно она выражается – видно, заразилась этим от Андрея Михайловича. Он посмотрел на нее очень внимательно, и Оксана увидела себя его глазами – без пальто и без куртки, волосы растрепаны, руки грязные, сапоги в пыли. Однако если он и удивился, то не подал виду.

– Ну-ну, не стоит благодарности! – старик приветливо улыбнулся. – Это я вам должен быть благодарен: в моей жизни редко случается что-то интересное, а тут я смог почувствовать себя полезным. Мне даже показалось, что я помолодел. Кроме того, я как раз собирался пить чай, а делать это в одиночестве так грустно... Так что если вы ко мне присоединитесь – будем считать, что мы квиты.

– С удовольствием выпью чаю! – Оксана ответила улыбкой на улыбку. – Это именно то, что мне сейчас нужно!

– Вот и отлично! – Старик проводил Оксану в просторную круглую комнату, обставленную красивой старинной мебелью.

По стенам висели гравюры в изящных рамках, на самом видном месте – портрет маслом женщины с красивым благородным лицом. На низком комодe красного дерева красовались

фарфоровые безделушки и табакерки, в центре комнаты стоял круглый столик на гнутых ножках, рядом с ним – два кресла с резными подлокотниками.

В одно из этих кресел хозяин усадил Оксану, прежде чем отправиться на кухню за чаем. – Я могла бы помочь вам, – проговорила Оксана в его спину. – И вообще, мне кажется, мы могли бы выпить чаю на кухне... это как-то привычнее, уютнее...

Старик остановился в дверях, обернулся.

– Никогда не ешьте и не пейте на кухне! – произнес он с таким выражением лица, как будто Оксана нанесла ему смертельное оскорбление. – Это просто неприлично, моя дорогая! – В следующую секунду он смягчился и добавил: – А за предложение помощи я вам признателен, но пока вполне в состоянии обслужить и себя, и своих гостей, так что уж позвольте старику показать, на что он годен!

С этими словами он величественно удалился.

Из кухни доносилось звяканье, бульканье и другие звуки, наконец Андрей Михайлович появился в дверях, толкая перед собой сервировочный столик.

На этом столике стояли две большие чашки темно-синего фарфора, такая же сахарница, серебряная вазочка с печеньем и конфетами, старинный хрустальный графинчик с темно-золотистой жидкостью и две маленькие рюмки.

Переставив все это с каталки на круглый стол, старик сел рядом с Оксаной и приветливо проговорил:

– Угощайтесь, моя дорогая! Чай неплохой, цейлонский, заварен по старинному рецепту. А если вы не против – могу предложить вам рюмку замечательного морошкового ликера.

Чай был и впрямь на диво хорош, а когда Оксана пригубила ликер, ей показалось, что она перенеслась в осенний лес – таким живым, свежим и ароматным был замечательный напиток. Через несколько минут все сегодняшние неприятности казались ей далекими и нереальными, они отступили на задний план. Оксана слушала Андрея Михайловича, смеялась его шуткам и с удовольствием потягивала чудесный ликер.

Вдруг старик отставил недопитую рюмку и проговорил извиняющимся тоном:

– Простите, моя дорогая, я понимаю, что вам сейчас не хочется ни говорить, ни думать о неприятном, но я хотел бы кое-что прояснить. Конечно, это не мое дело, но от кого вы сегодня убежали? Это не пустое любопытство, возможно, если я буду больше знать, я смогу вам чем-нибудь помочь.

В первый момент Оксана замялась, но затем, то ли под действием обаяния Андрея Михайловича, то ли благодаря его удивительному ликеру, она начала рассказывать о том, что случилось с ней в последние дни. Рассказала подробно, ничего не утаивая, и про странное появление человека, который назвался Андреем Логиновым, и про допрос в полиции вчера, и про то, как ее привезли туда сегодня, и про этого ненормального типа, который заявлял, что в его власти ее спасти, и требовал в обмен ее «сотрудничество». И дальше, про бандитов и пропавшие деньги, про то, как ее отпустили и она привела своих преследователей на конспиративную квартиру.

– Вот как... – проговорил старик, выслушав ее исповедь. – Значит, вы сумели сбежать из той квартирки... Представьте, мне тоже довелось в ней побывать лет тридцать назад.

– Да что вы?

– Эту квартиру давно уже используют для всяких конспиративных встреч и переговоров. Сейчас она принадлежит Конторе, прежде принадлежала другой организации, еще более серьезной. Ее ценят за то, что в этой квартире есть второй, замаскированный выход, так что из нее можно незаметно выскользнуть или, наоборот, незаметно привести кого-нибудь... Впрочем, вам это ни к чему рассказывать, судя по всему, вы только что воспользовались именно этим потайным выходом...

– А вы? Что вы делали тридцать лет назад в этой квартире? Если, конечно, это не секрет.

– Меня пригласили туда для крайне неприятного разговора... Впрочем, это только говорится «пригласили». На самом деле меня доставили туда под конвоем. От меня хотели получить показания на одного коллегу... Видите ли, я тогда занимался такой областью знаний, которая не очень поощрялась властью.

Андрей Михайлович отвернулся и помрачнел.

– Ну и как – получили? – не отставала Оксана.

– К счастью, нет. Мне удалось перехитрить того человека... Впрочем, это долгая история, и она нас сегодня не волнует. Так сказать, за сроком давности... А что же вы не пьете ликер?

Оксана действительно с любопытством слушала старика, разглядывала его комнату и забыла о своей рюмке. Она снова поднесла ее к губам, вдохнула тонкий, необычный аромат, аромат северного леса, ранней осени, душистых ягод.

Отчего-то этот аромат заставил ее вспомнить детство, дачу на Карельском перешейке, солнечное утро и незатейливую радостную песенку зяблика...

– Знаете ли вы, что Пушкин перед смертью просил морошки? – проговорил Андрей Михайлович, наблюдая за ее лицом.

– Действительно, волшебный аромат! – Оксана маленькими глотками допила ликер и полезла в карман за платком, чтобы вытереть губы. При этом из ее кармана выпал медальон и подкатился к ногам старика.

Андрей Михайлович наклонился, поднял его и с интересом стал разглядывать.

– Интересная вещица! – проговорил он наконец. – Очень интересная! Откуда она у вас?

– От матери, – ответила Оксана спокойно. – Но вообще, кажется, этот медальон давно хранится в нашей семье... Маме его передала бабушка, ей – прабабушка...

– Вот как? – голос Андрея Михайловича стал каким-то странным, взволнованным. – Знаете ли вы, какой символ изображен на крышке вашего медальона?

– Кажется, это коптский крест.

– Нет, дорогая моя! Настоящий коптский крест – это обычный прямоугольный крест, каждый конец которого разделен на три части, три излучины, символизирующие Троицу – Отца, Сына и Святого Духа, а все двенадцать окончаний обозначают двенадцать первых апостолов. Этот же знак гораздо древнее...

Старик ненадолго замолчал, затем продолжил, с трудом сдерживая волнение:

– Его называют Анк, или, точнее, Анх, – это, возможно, древнейший символ на земле. В Древнем Египте Анх символизировал вечную жизнь, считался ключом к потустороннему миру, к загробной жизни, или, как говорили египтяне, «жизни по ту сторону пирамид». Анх составлен из двух вечных начал: светлого и темного, активного и пассивного, мужского и женского. Нижняя его, крестообразная часть обозначает мужское начало, верхняя, круглая, – женское.

Анх – ключ к тайным знаниям, эмблема сокровенной мудрости, мистической власти над людьми. С этим знаком изображается страшное древнее существо Абракасас, чудовище с телом человека, головой петуха и змеями вместо ног. В тайных египетских культах Абракасас считался верховным повелителем Неба, бессмертным хранителем сокровенного знания...

– Это очень интересно, – проговорила Оксана, когда Андрей Михайлович замолчал. – Только я видела много сувениров с таким же точно знаком, привезенных из турпоездок в Египет. Там можно купить такой крест в любой сувенирной лавочке...

– Такой, да не такой! – возразил старик. – Вы сами сказали, что этот медальон давно уже хранится в вашей семье, передается от матери к дочери. То есть он – отнюдь не из сувенирной лавки. Если там же в любом магазинчике можно купить копию маски царицы Нефертити или фараона Тутанхамона, это несколько не умаляет древность и красоту подлинной маски. Но даже не это главное. – Старик показал Оксане край медальона. – Если вы внимательно посмотрите на этот медальон, вы увидите, что по его краю древним мастером проделано множество едва заметных насечек. Я не сомневаюсь, что их триста шестьдесят пять – столько же, сколько дней в году...

– Ну, и что это значит? – осведомилась Оксана с недоверием.

Она была благодарна Андрею Михайловичу за гостеприимство, но увлечение, с которым он говорил о медальоне, начало ее немного раздражать и даже пугать.

– Триста шестьдесят пять – это не только число дней в году, – продолжил старик, – это еще и сумма числовых значений семи греческих букв слова Абракасас, имени того древнего мистического существа, с которым связан символ Анха...

– Но ведь в слове «Абракасас» не семь, а восемь букв! – перебила старика Оксана.

Ей отчего-то хотелось возражать ему, и она попыталась поймать его на ошибке. Ей казалось, что если она позволит старику увлечь ее своей фантастической теорией, она лишится последней опоры – здравого смысла.

– Это в русском слове восемь букв, – возразил Андрей Михайлович, – в греческом же, как и в латинском, – семь, сочетание «кс» в этих языках передается одной буквой.

Он вдруг пристально взглянул на Оксану и спросил ее:

– Вы не верите мне? Считаете, что все это выдумки? Что я, как говорится, слетел с катушек?

Оксана на долю секунды замешкалась с ответом, и это замешательство было достаточно красноречиво. Андрей Михайлович смущенно улыбнулся и проговорил:

– Я хорошо вас понимаю, такие вещи трудно принять на веру. Но я попробую доказать свои слова. Скажите, вы знаете, что находится внутри этого медальона?

На этот раз Оксана немного смутилась. Прежде чем ответить, она перевела дыхание.

– Мама говорила мне, что в нем хранится какая-то реликвия... кажется, волос какой-то святой. Но мама не знала, как открыть медальон. Даже бабушка этого не знала. У него есть какой-то секрет, но он давно уже забыт...

– Все забытое можно вспомнить, – ответил Андрей Михайлович с задумчивой улыбкой, – если, конечно, очень постараться...

Прежде чем продолжить, он поглядел вдаль, словно устремил взгляд внутрь себя.

– Я вам говорил уже, что в греческом слове «Абракас» семь букв. Кроме того, из трехсот шестидесяти пяти духовных циклов, или Эонов, из которых, по древним воззрениям, состоит Вселенная, важнейшим является седьмой. Исходя из этого, тайная пружина, открывающая медальон, должна приводиться в движение седьмой насечкой...

Старик достал из кармана маленькую старинную лупу, поднес ее к краю медальона и отсчитал от верхней точки семь едва заметных насечек. Затем осторожно надавил на седьмую кончиком складного ножа.

Против своей воли Оксана следила за его действиями как замороженная, как ребенок следит за манипуляциями фокусника, дожидаясь, когда из его шляпы выскочит кролик.

Раздался негромкий щелчок, и крышка медальона откинулась.

Оксана не удержалась – она восторженно вскрикнула и захлопала в ладоши.

В следующую секунду она с любопытством склонилась над медальоном и прошептала:

– Ну, что там?

Вместо ответа старик осторожно, бережно извлек из медальона сложенный вчетверо клочок пожелтевшей от времени бумаги, точнее, пергамента.

– Какая-то записка, – протянула Оксана с легким разочарованием.

Она и сама не знала, что ожидала увидеть.

– Это не записка, – возразил Андрей Михайлович, внимательно разглядывая клочок бумаги, – это всего лишь упаковка. Пергамент средневековый.

– Средневековый? – переспросила Оксана. – Неужели этот медальон такой старый?

– На самом деле он куда старше. Но его содержимое вообще уходит корнями в немыслимую древность...

– Содержимое? Вот этот клочок бумаги?

– Я говорю не о клочке бумаги, а о том, что в него завернуто. Ведь вы сказали, что в этом медальоне хранится волос...

– Ну да, бабушка говорила, что там волос какой-то святой...

– Давайте посмотрим! – Андрей Михайлович кончиком того же ножа развернул бумажку.

Внутри ее действительно оказался волос – довольно длинный волосок золотистого цвета, точнее – цвета светлого майского меда...

– Вам это ничего не напоминает? – спросил старик, бережно подняв волосок пинцетом и поднеся его к свету.

В луче закатного солнца волос вспыхнул, как старинное золото. И, как будто этого мало, комната наполнилась странным, волнующим, едва уловимым благоуханием, запахом каких-то незнакомых, экзотических цветов.

– Ну... цветом он похож на мои... – смущенно проговорила Оксана. – У мамы были такие же, пока она не начала сесть и не стала красить волосы...

– Да, вы совершенно правы! – Андрей Михайлович улыбнулся. – Видимо, женщины в вашем роду издавна обладают таким удивительным цветом волос... не просто издавна, а с глубокой древности... Тогда неудивительно, что этот медальон хранился в вашей семье!

– Так что, выходит, это вовсе не волосок святой, а волос какой-то моей прапрапрабабки? Или вы хотите сказать, что моя прапрапрабабка и была святой?

– Нет, дорогая моя, это не волосок вашей прародительницы. Это нечто другое, совсем другое! Вы видите, что этот волос гораздо толще вашего? – Старик осторожно снял с плеча Оксаны выпавший волосок и поднес к волосу из медальона.
– Действительно... – согласилась Оксана, приглядевшись, – мой намного тоньше... что же это за волос?
– Это не человеческий волос, моя дорогая! Думаю, если бы мы провели настоящую экспертизу, мы выяснили бы, что по толщине и упругости этот волосок очень близок к конскому волосу.
– Так что, в медальоне хранится всего лишь конский волос? – разочарованно протянула Оксана.

– Все нет! – возразил старик. – Я сказал только, что он близок к конскому волосу, потому что существо, которому этот волосок принадлежал, отдаленно напоминает коня. Но и этот цвет, и чудесный аромат, который не выветрился за прошедшие тысячелетия, говорят о том, что это волос единорога. Может быть, единственный волос единорога, сохранившийся до наших дней...

– Единорога? – недоверчиво переспросила Оксана и снова подозрительно взглянула на старика. – Но единорог – это сказочное животное... на самом деле их никогда не было...
– Если мы не видели какое-то животное – это еще не значит, что его нет и никогда не существовало на свете. Лет триста назад никто не поверил бы, что на земле когда-то жили динозавры, а сейчас любой дошкольник перечислит вам десяток их разновидностей. А до открытия Австралии кто поверил бы в существование кенгуру?
– Ну, я не знаю... Динозавры – это что-то вполне реальное... по крайней мере, найдены их скелеты...
– Может быть, скелеты единорогов более хрупки, поэтому они не сохранились до наших дней. Или они очень редко встречались. А может быть, по какой-то другой причине. Во всяком случае, тот, кто завернул этот волосок в пергамент, верил, что это волос единорога, и верил в его магическую силу. Знаете, ведь по древнему поверью, единорог был первым из животных, кому Адам дал имя, поэтому он, а вовсе не лев, был царем зверей. Когда Бог изгнал людей из рая, единорогу был предложен выбор – остаться в раю или покинуть его вместе с людьми, и он последовал за Адамом и Евой. За такую верность людям Бог наделил его необычайным могуществом.
О единорогах люди писали еще четыре тысячи лет назад. Единорога описывали как чудесное и сильное животное, самое прекрасное из живых существ, похожее на белого коня с золотистой вьющейся гривой и единственным рогом во лбу. Говорили, что он обладает магической силой, питается цветами, а пьет росу, что приручить его может только невинная девушка...
* * *

Тем временем события на конспиративной квартире развивались своим чередом. Константин занимался любимым делом – он допрашивал Игоря Ивановича. Допрашивал, как говорится, с пристрастием. Единственное, что его несколько огорчало, – шеф на предварительном инструктаже строго предупредил его, чтобы после допроса не осталось видимых следов, а именно синяков и ссадин, поэтому ему приходилось довольствоваться методами психологического давления и запугивания, да еще знанием болевых точек на теле человека. Игорь со связанными руками полулежал в кресле, лоб его был покрыт испариной, в глазах стоял ужас.

– Последний раз тебя спрашиваю, гаденыш, – куда ты спрятал деньги? – прошипел Константин, склонившись над Игорем. – Имей в виду, это твой единственный шанс остаться в живых!
– Понятия не имею ни о каких деньгах! – ответил тот, расширенными от страха глазами глядя на чехоманчик с инструментами.
– Ответ неправильный! – Константин закатал рукава рубашки и с размаху ударил допрашиваемого кулаком в солнечное сплетение. Тот охнул, согнулся пополам, глаза закатились.

Константин взял со стола стакан с холодной водой, плеснул жертве в лицо. Игорь шумно вздохнул, открыл глаза и оторопело уставился на своего мучителя.

– Ну что, не вспомнил, куда дел деньги? – мрачно осведомился Константин.
– Да говорю же я – не знаю ни о каких деньгах! Я занимаюсь убийством Туманова...

– Ну надо же, какой упорный попался! – Константин покачал головой, достал рулон скотча, заклеил Игорю рот и затем едва уловимым движением нажал на точку за его ухом. Глаза Игоря едва не вылезли из орбит, он забился в конвульсиях, чуть не задохнувшись от невыносимой боли. Только скотч удержал внутри рвущийся из его груди истошный вопль. Константин выждал несколько секунд и одним сильным рывком отодрал скотч.

– Ну что, вспомнил? Или еще разок напомнить?

Игорь закашлялся, с трудом отдышался и едва слышно, прерывающимся голосом пролепетал:

– Пожалуйста, не надо! Не надо больше! Я больше не выдержу, у меня слабое сердце! Честное слово, я не знаю ни о каких деньгах! Если бы я знал – я бы все сказал!

– Ну ты даешь! – проговорил Константин с невольным уважением. – До чего упорный! Но только зря ты так упираешься, сейчас мы твою подружку приведем, и она нам все расскажет... Он кивнул своему подручному.

Тот вышел в коридор... и через минуту снова появился в дверях. На лице его было детское бесхитрое удивление.

– Костян! – проговорил он растерянно. – Она исчезла!

– Что значит – исчезла? – Константин всем телом повернулся к подчиненному, лоб его собрался в морщины, на скулах выступили тяжелые желваки. – Как это – исчезла?

– В натуре, исчезла, Костян! Ее нет в комнате!

– Ты ее что – упустил?

– Костян, дверь была заперта снаружи! Век воли не видать... И в коридоре стоял Кривой, он бы ее не пропустил... Можешь его спросить, он с места не сходил!

– Что за дела? – Константин повернулся к Игорю, грозно скрипнул зубами. – Что тут у тебя творится? У тебя тут что, цирк шапито? Ты, блин, фокусник?

– Я не виноват! – залепетал тот. – Отсюда есть потайной выход... она его как-то нашла...

– Что? Потайной выход? А что же ты, сволочь, мне ничего об этом не сказал?

– Но вы же меня не спросили... вы спрашивали только о каких-то деньгах... – Против воли в глазах Игоря Ивановича мелькнул мстительный огонек.

– Ах ты, сука!.. – Константин замахнулся, но в это время из коридора донеслись быстрые шаги, и на пороге появился полноватый человек в позолоченных очках, похожий на кота.

– Ну, что тут у тебя? – спросил он, окидывая взглядом комнату. – Удалось что-то выяснить?

– Пока нет, шеф... – смущенно проговорил Константин. – Но я работаю, еще немного – и он сломается... Я вам гарантирую, и не таких колол, а этот – слабак!..

– А где девица?

– Девица... – Константин замялся, смущенно опустил глаза. – Дело в том, шеф...

– Ты ее что – угробил? – Шеф побагровел. – Я тебя, кажется, предупреждал!

– Да нет, я ее и пальцем не тронул...

Шеф хотел что-то сказать, но в это время в кармане у него тревожно и настойчиво зазвонил мобильный телефон. Он достал трубку, взглянул на дисплей и тут же поднес телефон к уху, поблдев и вытянувшись, как солдат на плацу.

– Да, Михаил Степанович... Слушаюсь, Михаил Степанович... Так точно, Михаил Степанович...

Спрятав трубку в карман, он повернулся к Константину и произнес с придыханием:

– Сам звонил. Новое указание. Быстро собираемся и везем этого сам знаешь куда... – он кивнул на деморализованного Игоря. – А что ты там сказал про девицу?

– Да такое дело, шеф... – Константин поник, как спущенный воздушный шарик. – Она... она сбежала.

– Что значит – сбежала? – брови шефа полезли на лоб. – Как это она смогла от тебя сбежать? А, впрочем, далеко не убежит, она же у нас окольцована, как канарейка... Ладно, с ней будем разбираться потом, а сейчас едем, нас ждут!

Шеф направился к дверям.

Константин рывком поднял Игоря с кресла, ударил его ребром ладони в основание шеи. Тот обмяк, повиснув на плече мучителя, как тряпичная кукла. Константин обхватил его за плечи, как выпившего друга, и потащил к выходу.

Через пять минут вся компания погрузилась в большую черную машину. Игорь пришел в себя, но едва дышал, полулежа на заднем сиденье рядом с Константином.

Машина выехала с Греческого проспекта на Суворовский, повернула в сторону Невского, но вдруг перед ней затормозил синий «фольксваген». Водитель попытался объехать наглеца, но слева на его пути появилась бежевая «тойота», перегородив дорогу, а сзади подъехал внушительный черный джип.

– Что за дела? – прохрипел Константин и полез за пазуху. – Сейчас я с ними разберусь...

К черной машине со всех сторон спешили подтянутые парни в одинаковых черных костюмах. Константин, оценив их количество и серьезный вид, убрал руку с рукоятки пистолета, приоткрыл окно со своей стороны и примирительно проговорил:

– Ребята, мы что, что-нибудь нарушили?

– Вы все нарушили, что только можно! – ответил ему человек в черном и тут же брызнул в лицо резко пахнувшей жидкостью из серебристого баллончика.

Его коллеги расторопно повторили ту же операцию с остальными пассажирами черной машины, и через секунду все они спали сном праведников.

Заднюю дверцу машины распахнули, Игоря Ивановича выволокли наружу и пересадили в черный джип.

Полчаса спустя его, все еще бледного и пошатывающегося, втолкнули в просторный кабинет с видом на Неву.

За огромным столом сидел мрачный мужчина лет пятидесяти с тяжелым квадратным подбородком и гладко зачесанными назад седеющими волосами.

При виде этого человека Игорь Иванович попытался вытянуться по стойке «смирно» и слабым голосом пролепетал:

– Товарищ генерал... майор Семипядев по вашему приказанию...

– Хорошо! – рявкнул на него генерал. – Какой ты майор? Ты, Семипядев, на лейтенанта желторотого и то не похож! По нашему приказанию... ты не по моему приказанию прибыл – тебя привезли, как судака мороженого!

– В процессе оперативной работы был схвачен представителями организованной преступной группировки... – лепетал Игорь. – Благодаря значительному численному превосходству противника и неожиданности нападения...

– В процессе оперативной работы? – издевательским тоном повторил генерал. – Это так теперь называется? Приволок бабу на конспиративную квартиру, домогался ее, используя свое служебное положение! – Генерал повысил голос, перешел на крик: – Да я тебя за такие фокусы знаешь куда могу загнать?!

Немного успокоившись, он скривился и произнес прежним насмешливым тоном:

– Ваша судьба в моих руках... от меня зависит, останетесь вы на свободе или попадете в тюрьму... только я могу вам помочь, если вы пойдете мне навстречу... Тыфу, противно было все это слушать! И это ты называешь оперативной работой?

– Откуда вы... – пролепетал Игорь.

– А ты что же, подонок, думал, что у нас на той квартире нет камер? – Генерал изо всей силы ударил кулаком по столу, так что все стоявшие на нем телефоны дружно подпрыгнули. – Все у нас есть – и камеры, и микрофоны! Разве таких, как ты, можно оставлять без присмотра? Да тебя за одно то, что ты позоришь честь мундира, стоило бы отправить на Крайний Север в бессрочную командировку!

– Виноват... – едва слышно выдохнул Игорь. – Готов понести заслуженное...

– Готов он! – генерал скрипнул зубами. – Как будто тебя кто-то спрашивает, готов ты или не готов! Ладно, на этот раз ты отделаешься легко. Хотя ты того и не стоишь. Переведу тебя в архив, будешь там до пенсии бумажки перебирать!

– Только не это! – взмолился Игорь Иванович. – Лучше на Крайний Север...

– Молчать! – генерал снова ударил кулаком по столу. – Тебе никто пока не давал права голоса! И я еще не закончил. Прежде чем перейдешь на новое место работы, в архив, подчистишь за собой все на прежнем месте. Все упоминания о той женщине, Карасевой, должны быть удалены из всех файлов. И из наших, и из полицейских. Такой женщины не было в поезде, понятно?

Никуда она не ездила, дома сидела! Мужу борщи варила и котлеты жарила, ясно?

– И ее саму... тоже? – испуганно спросил Игорь Иванович.

– Опять ты за свое! – рявкнул генерал. – Я тебе не разрешал говорить! И по поводу Карасевой – я тебе приказал только из дела изъять все упоминания о ней! О самой Карасевой я тебе что-нибудь сказал?

– Никак нет!

– А раз не сказал – значит, никакой самодеятельности! Вообще забудь о ее существовании!

Понял? Нет на твоём горизонте такой женщины и никогда не было!

– Так точно, товарищ генерал!

– А если понял – так иди и исполняй! И чтобы без лишних вопросов и без самодеятельности!

Игорь Иванович развернулся и покинул кабинет генерала, стараясь чеканить шаг и не слишком покачиваться.

Едва дверь за ним закрылась, генерал достал из кармана пиджака мобильный телефон и набрал номер.

В нескольких кварталах от него полноватый человек в позолоченных очках взглянул на дисплей и, прежде чем ответить на вызов, вытянулся, как бывалый солдат на плацу. Поднеся телефон к уху, он подобострастно проговорил:

– Да, Михаил Степанович... Так точно, Михаил Степанович... Слушаюсь, Михаил Степанович!

Маргарита забилась в угол тесной камеры, прижалась к холодной стене и заплакала.

До сегодняшнего дня ее жизнь была такой простой и понятной!

Сперва она была любимой дочерью своих родителей, маленькой Гретхен. Отец баловал ее, привозил с ярмарки красивые игрушки, вкусные лакомства, нарядные обновки, качал ее на колене. Матушка учила ее песенкам и молитвам, потом, когда она подросла, показывала, как готовить соленья, пряхсть шерсть и льняную кудель, вышивать крестом и гладью, печь праздничный штрудель, потому что каждая девочка рано или поздно станет женой и матерью... Каждое воскресенье они ходили в церковь. Гретхен слушала пение псалмов, любовалась ликами святых и воображала себя в раю. Добрый священник отец Амвросий исповедовал ее, причащал, ласково гладил по золотым волосам.

Потом, она еще не успела осознать себя взрослой, к ней посватался господин Генрих – красивый, богатый, добрый. Она немножко поплакала – больше для порядка – и дала свое согласие, сперва испросив родительского благословения.

Из родительского дома она перебралась в дом мужа, где тоже была окружена любовью. Муж привозил ей гостинцы и лакомства, она вышивала ему рубашки и полотенца, пекла по праздникам штрудель по матушкиному рецепту и чувствовала себя почти счастливой.

Только две вещи немного огорчали ее – Господь не даровал ей детей, и муж часто оставлял ее, уезжая по торговым делам.

Она советовалась с отцом Амвросием, и он говорил, что неплохо бы ей совершить паломничество к Лурдской Богородице, она непременно поможет ей обзавестись деточками, как помогала до этого тысячам бедных женщин. А что касается мужниных отъездов – с этим ничего не поделаешь, это его работа, а ее долг – ждать его с любовью и преданностью. Муж оставляет ее ненадолго, Бог же не оставляет своих чад ни на минуту.

Послушавшись священника, Маргарита отправилась в Лурд. Святая Дева не обманула ее ожиданий, через год появилась маленькая Рената, и жизнь Маргариты наполнилась новым смыслом. Девочка была удивительно похожа на мать, те же глаза, как золотые звезды, те же волосы цвета майского меда. Маргарита учила ее молитвам и песенкам, как в свое время ее учила мать, и по вечерам расчесывала ей волосы.

Все шло своим чередом, и вдруг эта простая и счастливая жизнь кончилась.

Явился этот худой монах с жадными и злыми глазами и грозит ей страшными пытками, требует, чтобы она призналась в немислимых грехах, призналась, что заключила договор... страшно сказать, с самим дьяволом!

Маргарита перекрестилась, огорчившись, что произнесла, пусть только в мыслях, имя нечистого.

Она догадывалась, что дело не обошлось без ее соседки, этой фрау Визель, вдовы лесоторговца. Бесстыжая вдова откровенно поглядывала на Генриха, то и дело заговаривала с ним, зазывала к себе в дом, соблазняла его своими перезрелыми прелестями. Маргарита сердилась, а Генрих только посмеивался, сажал ее к себе на колени и успокаивал – мол, зря она ревнует, он не променяет свою прекрасную Гретхен ни на одну женщину в мире.

Генрих умел утешить ее, умел успокоить.

Но сейчас, когда он особенно нужен ей, его нет с ней рядом, он уехал по торговым делам в далекую Ломбардию и вернется не раньше Рождества...

Маргарита громко всхлипнула и затихла.

Отец Амвросий говорил правду: Бог не оставляет своих чад, он спасет ее от этого сурового монаха, а там, глядишь, наступит Рождество, вернется Генрих, и снова все будет хорошо...

В камере было очень холодно, стены буквально излучали холод, проникающий в каждую клеточку тела. Маргарита обхватила себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Вдруг дверь ее камеры скрипнула и отворилась.

Маргарита привстала, вглядываясь в темноту, и разглядела на пороге сутулую фигуру инквизитора.

– Это вы, святой отец? – спросила она испуганно.

Не говоря ни слова, инквизитор вошел в камеру и плотно закрыл за собой дверь.

– Здесь так холодно... – пожаловалась Маргарита.

Брат Бернар подошел к ней вплотную, взял ее за руки.

Его руки были холодны как лед – холоднее даже каменных тюремных стен.

– Дочь моя... – голос инквизитора предательски задрожал. – Дочь моя... какие у тебя прекрасные волосы...

– Святой отец, что вы такое говорите! – Маргарита попыталась высвободиться из рук брата Бернара, но он сжимал ее запястья, словно клещами, словно ледяными клещами. – Святой отец, я ведь замужняя женщина... это грех, страшный грех...

– Кто тебе это сказал?

– Так мне говорил наш приходский священник отец Амвросий...

– Что знает этот отец Амвросий о грехе! – воскликнул инквизитор. – Что может знать о грехе приходский священник? Я видел в своей жизни столько греха, что иногда мне кажется, знаю о грехе больше самого дьявола!

– Святой отец, не называйте его по имени, не то накличете беду! – Маргарита попыталась перекреститься, но инквизитор не отпустил ее руки.

– Грешниками, которые прошли через мои руки, можно наполнить ад! – проговорил брат Бернар, не сводя с Маргариты пылающего, лихорадочного взора. – Так неужели я не заслужил отпущение одного-единственного греха? Дочь моя, дочь моя! – жарко шептал инквизитор, на коленях подползая к дрожащей от страха женщине, хватаясь за край ее одежды, как утопающий хватается за обломок корабля. – Дочь моя, Христос велел возлюбить ближнего, как самого себя! Возлюби же меня, и я сделаю так, что уже завтра ты вернешься к себе домой, очищенная от всяких обвинений!

– Это грех, святой отец! – лепетала Маргарита, вжимаясь в холодную стену. – Пощадите меня! Не требуйте от меня невозможного! Не губите мою бессмертную душу! Не вводите меня в грех!

– Что ты знаешь о грехе, еретичка! – вскрикнул брат Бернар.

Лицо его страшно исказилось, как будто сквозь облик смиренного монаха проступили черты закоренелого грешника, воплотившего в себе все семь смертных грехов. Он вскочил на ноги, схватил Маргариту, рванул ворот ее платья. Ткань разорвалась, обнажив нежную грудь и висящий на ней золотой медальон.

– Защити меня, святая Урсула! – воскликнула Маргарита и из последних сил оттолкнула распалившегося инквизитора.

Тот упал на каменный пол, тут же вскочил с перекошенным лицом, бросился к несчастной женщине... но какая-то сила оттолкнула его.

Брат Бернар изумленно взглянул на фрау Ситтов.

Маргарита стояла возле стены камеры, подняв руку в крестном знамении, и на какой-то миг инквизитору показалось, что она окружена бледным, едва заметным сиянием, сиянием цвета майского меда.

Это сияние напомнило брату Бернару нимбы, окружающие лики святых на фресках старинных церквей, – и ужас охватил его: неужели Маргарита – святая, а он, покушаясь на ее добродетель, напрямую выступает против воли Божьей?

Впрочем, золотое свечение тут же померкло. Должно быть, оно только привиделось инквизитору, померещилось ему под влиянием охватившей его греховной страсти. Брат Бернар схватился за голову, покачнулся и застонал.

Прежнее безумие отступило. На его место пришел гнев – гнев на еретичку, которая посмела противостоять его воле.

Он опустил голову, как кающийся грешник, и покинул камеру. На пороге он задержался и из-под опущенных век бросил на Маргариту пылающий взгляд.

Оксана отложила медальон и вдруг переменилась в лице.

– Что с вами, дорогая? – всполошился Андрей Михайлович. – Вы словно привидение увидели!

– Хуже! Я вспомнила... те люди, от которых я сейчас убежала... они поместили меня!

– Поместили? – удивленно переспросил старик. – Что вы имеете в виду?

– Они ввели мне под кожу микросхему, по которой в любой момент могут определить мое местоположение! – и Оксана продемонстрировала Андрею Михайловичу припухлость на своем запястье.

– Неприятно! – проговорил старик, разглядывая руку Оксаны.

– Ужасно! Они могут в любую минуту сюда нагрянуть! – Девушка зябко передернула плечами и покосилась на входную дверь. – Простите, я втянула вас в неприятности... я немедленно уйду...

– Не говорите глупостей! Никуда вы не уйдете. Я вас сам пригласил. И вообще, это, конечно, нехорошо, но вполне поправимо...

– Поправимо? – переспросила Оксана, и в ее голосе появилась надежда.

– Ну да, в этой жизни все поправимо, кроме смерти... – Андрей Михайлович невольно взглянул на портрет красивой женщины, висевший на стене. – Раз пока ваши криминальные знакомые не появились – будем считать, что у них были более спешные дела. А сейчас мы с вами примем меры. Правда, вам придется немного потерпеть...

Андрей Михайлович вышел в соседнюю комнату и скоро вернулся с небольшим металлическим подносом, на котором находилась бутылочка с прозрачной жидкостью, сверкающий скальпель, бинт и несколько ватных тампонов.

– Вам придется потерпеть! – повторил он, раскладывая свои инструменты на столе.

Оксана испуганно следила за его приготовлениями. Это невольно напомнило ей сцену в подвале и Константина с его хирургическим чемоданчиком.

– Что вы собираетесь делать? – спросила она наконец.

– Удалить этот микрочип. Он введен неглубоко, под кожу, так что операция будет несложной.

– Вам когда-нибудь приходилось такое делать?

– Ох, дорогая моя, чего мне только не приходилось делать! – вздохнул старик. – Уверю вас, я делал куда более сложные вещи! А теперь потерпите...

Он взял ее за руку, протер запястье медицинским спиртом (в комнате резко и неприятно запахло больницей) и осторожно провел по коже кончиком скальпеля. Руки у него были сильные, уверенные и совсем не дрожали.

Оксана закусила губу, хотя боль была вполне терпимой. Она старалась не смотреть на руку, на проступившую из разреза кровь, но почувствовала головокружение – скорее от страха, чем от боли.

Андрей Михайлович сделал еще один надрез, и на металлический поднос упала маленькая металлическая таблетка.

– Ну вот почти и все! – Старик залил ранку антисептиком, промокнул ее тампоном и заклеил пластырем телесного цвета.

– А теперь действительно все!

Он протянул Оксане рюмку ликера:

– Выпейте, дорогая, а то вы очень побледнели!

Оксана выпила чудесный ликер и почувствовала себя значительно лучше.

– А что вы собираетесь делать с этим чипом? – спросила она, разглядывая микросхему.

– Вот это интересный вопрос... – Андрей Михайлович на мгновение задумался, затем просиял: – Пожалуй, как говорил Остап Бендер, у меня появилась плодотворная дебютная идея...

Он встал, подошел к окну и открыл его. В комнату ворвался сырой осенний воздух. Старик взял с подоконника небольшую картонную коробку, проговорил извиняющимся тоном:

– Знаете, у стариков есть свои маленькие безобидные привычки... и, как ни странно, иногда от них бывает польза. Вот я, например, подкармливаю голубей...

Он высыпал из коробки на карниз немного пшена и, высунувшись в окно, позвал:

– Гули-гули-гули!

Почти сразу раздался шум крыльев, и на карниз один за другим опустились три голубя. Два из них (видимо, это были голубки) принялись сосредоточенно клевать пшено, третий, красивый, белоснежный, раздул зоб, заворковал и стал с самозабвенным видом расхаживать по карнизу, искоса поглядывая на самочек.

– Извини, дорогой... – Старик молниеносно выбросил вперед руку и схватил одуревшего от собственного воркования голубя. Тот в первый момент забился, но затем застыл, только поводит по сторонам испуганным круглым глазом. – Извини... – повторил Андрей Михайлович, ловко приложив к лапке голубя микрочип и закрепив его несколькими слоями пластыря. – Ну вот, ты снова свободен! – И он выпустил птицу на карниз. Голубь ошалело повертел головой, расправил крылья и наконец взлетел, устремившись в небо – подальше от опасного места.

– Ну вот, – проговорил старик, закрывая окно. – Теперь у ваших знакомых будет интересное занятие.

* * *

– Итак, – произнес мужчина в позолоченных очках, брезгливо оттопырив губу. – Ты ее умудрился упустить! С кем мне приходится работать! Ничего не умеют!

– Не волнуйтесь, шеф! – Константин виновато потупился. – Мы ее запросто найдем! Ведь у нее стоит наша метка.

– Ну так ищи! – Шеф открыл дверцу машины, выбрался из нее.

– Что, прямо сейчас? – удивился Константин. – Может быть, завтра утром?

– Сейчас! – рявкнул шеф. – Михаил Степанович ждать не любит! И так сколько проспали!

С этими словами он сел в другую машину, поджидавшую его рядом.

Константин повернулся к своим подручным, тихо сидевшим на заднем сиденье, и распорядился:

– Приготовить прибор!

Бритоголовый парень достал из сумки пластмассовую коробку с небольшим светящимся экраном, нажал кнопку и повернул ручку в нижней части коробки.

– Сигнал отчетливый! – проговорил он удовлетворенно.

– Ну, и где она?

– Координаты семь-три-четыренадцать!

– Слушай, Вовчик, кончай выпендриваться! Мне твои координаты на фиг не нужны, говори, куда ехать!

– Это тут, неподалеку... – Парень взгляделся в экран. – Давай сейчас в сторону лавры...

Константин выехал на Старый Невский, поехал в сторону Александро-Невской лавры.

Когда до ворот лавры оставалось два квартала, Вовчик вдруг забеспокоился:

– Стой... она куда-то переместилась... давай теперь направо...

– Раньше не мог сказать? – проворчал Константин, перестраиваясь в правый ряд и включая сигнал поворота.

– А она только сейчас переместилась... – отозвался Вовчик, уставившись в экран. – Еще правее... теперь прямо...

– Долго еще? – осведомился Константин. – Тут впереди кирпич!

– Вот там она где-то и прячется!

Константин поехал под кирпич и вскоре оказался на пустыре неподалеку от Обводного канала.

– Ну, и где же она?

– Сейчас налево... – Вовчик подкрутил ручки. – Сигнал отчетливый, до нее метров триста... вот блин, теперь направо!

– То налево, то направо! – раздраженно проворчал Константин, выворачивая руль. – У тебя прибор глючит!

– Ничего не глючит! – обиделся Вовчик. – Прибор очень точный, мне его один прапорщик продал, военная разработка!

– Знаю я твоего прапорщика, он же пьет как сапожник!

– Ну и что с того, что пьет... Все, Костян, приехали, сигнал вон оттуда идет, из той башни!

Машина остановилась перед старинной водонапорной башней из красного кирпича.

– Черт! – Константин задрал голову. – Что она здесь делает?

– Прячется, – авторитетно ответил Вовчик. – А что, хорошее место, укромное... Если бы не мой прибор, мы бы ее в жизни не нашли! – И он ласково погладил пластмассовую коробку.

– Точно здесь? – недоверчиво переспросил Константин.

– Точнее не бывает! Я тебе даже скажу, что она вон там, на уровне того окна! – И Вовчик показал на небольшое окошко, проделанное в стене башни примерно в двадцати метрах от земли.

– Ну, раз ты так уверен, давай вперед... скажи ей, что мы пришли в гости!

– Почему всегда я... – заныл парень. – Чуть что – сразу я...

– Приказы не обсуждаются! – отрезал Константин. – Я начальник, значит, ты должен подчиняться без разговоров!

Вовчик выбрался из машины и, понурившись, зашагал к башне, темной массой вырисовывающейся на фоне неба.

Однако, дойдя до нее, он повернулся к остальным и удивленно проговорил:

– Костян, сюда не попасть!

– Что значит – не попасть? – Константин нахмурился. – Ты что, двери открывать не умеешь?

– А ты сам попробуй!

Константин скрипнул зубами и пошел вслед за нерадивым помощником, бубня под нос:

– Все приходится самому делать... ни черта не умеют... с кем приходится работать...

Однако, подойдя к башне, он удивленно остановился перед ней и почесал затылок.

Дверь башни была заложена кирпичом.

– Теперь ты видишь? – Вовчик насмешливо взглянул на шефа. – Попробуй открой, если ты такой умный!

– Погоди... здесь должен быть другой вход...

Однако, обойдя вокруг башни, Константин убедился в том, что других дверей в ней нет.

Вернувшись на прежнее место, он мрачно спросил у напарника:

– Ты уверен, что она там?

– Стопудово! – Вовчик постучал ногтем по экрану. – Видишь, раньше она то и дело перемещалась, видно, хотела следы запутать, а теперь уже минут десять сигнал из одного места поступает, значит, она на одном месте находится. Точно тебе говорю, у нее здесь убежище!

– И как в него попасть? – недобро осведомился Константин.

– Ну, ты начальник – ты и думай!

Константин набылчился, отступил на несколько шагов и вдруг проговорил:

– Полезешь наверх. Заберешься внутрь через то окно. Ты же сам сказал, что сигнал идет прямо оттуда!

– Наверх? – Вовчик запрокинул голову. – Костян, да там же как высоко! Я не умею по стенкам лазить...

– Да что тут уметь? – хмыкнул Константин. – Стенка вся в выбоинах, тут и ребенок заберется!

– Ну, я же с прибором работаю... – канючил Вовчик. – Мне руки беречь надо... пускай вон Кривой лезет, он когда-то форточником работал, он умеет...

– Нет, ты полезешь! – отрезал Константин. – Подумаешь – с прибором он работает! Тоже мне, Эйнштейн нашелся!

– Ты чего меня Эйнштейном каким-то обзываешь? – набылчился Вовчик. – Хоть ты и начальник, а за базар ответишь!

– Все, хватит болтать! – оборвал его Константин. – Ты ее упустил – тебе ее и ловить! Все, полез! Приказы не обсуждаются! А за твоим прибором я сам пригляжу, не бином Ньютона!

Вовчик тяжело вздохнул, нехотя передал прибор начальнику, поплевал на ладони и полез по стенке.

Кирпичная стена и правда была вся в шербинах и выбоинах, так что Вовчик довольно быстро поднимался по ней. Правда, когда он взглянул вниз и увидел там непривычно маленькие фигурки своих подельников, то понял, как высоко поднялся. От страха у него закружилась голова и засосало под ложечкой. Он решил больше не смотреть вниз и запрокинул голову, чтобы определить, сколько еще подниматься до окна.

Выходило, что он прошел ровно половину пути.

– И как это люди по своей воле в горы таскаются... – пробормотал Вовчик удивленно и полез дальше, стараясь больше не смотреть вниз, сосредоточившись на стене перед глазами.

В какой-то момент у него из-под ноги вывалился кирпич, и Вовчик едва не свалился. С трудом удержавшись на стене, он перевел дыхание, нащупал ногой другую выбоину и полез дальше. Теперь до окна оставалось гораздо меньше, чем до земли, и он полез быстрее.

Наконец, протянув вверх руку, он нащупал карниз, который проходил под самым окном, вцепился в него и подтянулся.

Его лицо оказалось на одном уровне с окном.

Из глубокого оконного проема доносилось голубиное воркование.

Вовчик взгляделся в проем и увидел там удивительно красивого белого голубя, который с важным видом расхаживал вокруг скромной серенькой голубки.

Увидев Вовчика, голубь удивленно замолчал, попятился и наклонил голову набок, как будто не верил собственным глазам. Вовчик тоже внимательно разглядывал красивую птицу и увидел намотанный на его лапу пластырь, из-под которого выглядывало что-то блестящее.

Вдруг оба голубя сорвались с места и вылетели из окна, задев Вовчика крыльями по лицу. Он едва не сорвался и чудом удержался, вцепившись пальцами в карниз.

Вдруг снизу до него донесся удивленный голос Константина:

– Слышь, Вовчик, твой прибор показывает, что она снова куда-то перебралась!

И тут до Вовчика дошло. Он длинно, замысловато выругался и посмотрел вниз. Далеко-далеко виднелись маленькие фигурки Константина и водителя. О том, чтобы спуститься вниз тем же путем, не могло быть и речи. Вовчик совсем приуныл.

* * *

– Вот теперь, моя дорогая, мы можем спокойно поговорить о наших более насущных делах, – сказал Андрей Михайлович, усевшись за стол, – точнее, о ваших делах, потому что я, слава богу, ничем не заинтересовал ни полицию, ни бандитов.

– Вы мне не верите? – Оксана вскинула голову.

– Верю, – успокоил он ее. – Я прожил долгую жизнь и знаю, что бывает всякое. Итак, полиция думает, что взрывчатку в вашу сумку положили те, кто хотел уничтожить вице-губернатора Арсения Туманова. Наверняка они проверяют все его связи и не замешан ли он в каком-нибудь криминале. Потому что вряд ли его убийство – политический акт.

– Эти два майора тоже говорили, что никакие это не террористы, а просто Туманова заказали, – вспомнила Оксана.

– Еще вчера, на допросе, из некоторых их оговорок и недомолвок я понял, что сами они в полиции находятся в полном недоумении, – заговорил Андрей Михайлович после некоторого молчания. – Понимаете, вы волновались и нервничали, они смотрели на вас с подозрением, а я их, в общем-то, не интересовал. Ну, дедуля такой старенький, безобидный божий одуванчик...

– Это вы-то – божий одуванчик? – прыснула Оксана. – Ну уж скажете тоже...

– Это они так подумали, те два майора, – улыбнулся Андрей Михайлович, – а я не стал их разубеждать, чтобы побыстрее оставили меня в покое. И вот, они говорили между собой мало, но я уловил суть. Из их разговора выходило, что Арсений Туманов был, в общем-то, никому не нужен. Сами посудите, человек он был в нашем городе новый. Прислали его из Москвы. То есть здесь помешать он никому не успел – ведь криминальные связи формируются долго. Если, допустим, кто-то метил на его место, то не допустили бы назначения. Причем не стали бы его заказывать, а решили вопрос заранее, тихо – зачем лишнее внимание привлекать?

Теперь второе. Допустим, в Москве он в чем-то замешан был, в чем-то серьезном. Тогда просто не выпустили бы его из Москвы, там разобрались бы, на месте.

– Понимаю, к чему вы клоните, – протянула Оксана, – оттого эти, в полиции, в меня и вцепились, что больше у них никаких зацепок. А тут все прямо прозрачно – заказное убийство. В конце концов, им главное – исполнителя найти и перед начальством отчитаться. А бандиты думают, что я взрыв устроила, чтобы деньги из шестого купе вытащить. Меня там не было, очевидно, действовал мой сообщник.

– А деньги точно не сгорели? – спросил Андрей Михайлович.

– У них связи в полиции, уж если бы хоть что-то нашли, они бы узнали. Нет, они точно знают, что к моменту пожара денег в шестом купе не было. А те двое, что везли деньги, погибли.

– Двое мужчин? – восторженно спросил Андрей Михайлович. – Но позвольте, я видел, что из шестого купе выходила женщина.

– Вы ничего не путаете? – изумилась Оксана. – Откуда там женщине взяться?

– Я точно помню, я в поезде всегда плохо сплю, а сосед уже лег. Так я, чтобы ему не мешать, решил выйти в коридор. И вот когда выходил, то и увидел ее. Молодая женщина, полная, платье такое свободное, как...

– Как у беременной?

– Ну да... Слушайте, это она и была, та самая беременная, – в удивлении сказал Андрей Михайлович, – только она потом пальто светлое надела, я и не узнал.

– И что она делала в шестом купе?

– Вот уж не знаю... Но я точно ее видел. Примерно за полчаса до пожара. Я тогда внимания не обратил, думал, что это ее купе – мало ли куда женщина пошла? Может, ей душно, вот и вышла подышать...

– А куда она пошла? – спросила Оксана.

– В конец коридора... я не смотрел. Постоял немного и пошел к себе. Знаете, бессонница меня спасла. Я обычно снотворное принимаю, а тут решил в поезде перетерпеть. А иначе разоспался бы и не сумел выскочить, а так еще и соседа растолкал...

– Вы молодец, – улыбнулась Оксана, – а больше ничего не заметили? Ну, когда садились в поезд.

– Я торопился очень, едва не опоздал. Застряло такси в пробке, – вздохнул Андрей Михайлович. – Так что ничего не помню. В СВ ведь толкучки не бывает, каждый в своем купе сидит.

Он утомленно потер глаза, и это не укрылось от внимания Оксаны.

– Мне, наверно, пора, – она поднялась с места, – уже поздно.

– И куда же вы пойдете, милая девушка? – строго спросил Андрей Михайлович. – Ночь на дворе, а у вас даже пальто нету...

И правда, Оксана выскочила из той проклятой квартирки в чем есть, куртка осталась на вешалке в коридоре. Хорошо хоть, сумочку прихватила!

– Я вызову такси и поеду домой...

Она замолчала под его насмешливым взглядом.

– Угу, вы прекрасно знаете, что дома вас уже караулят. Или среди ночи приедут.

Оксана вынуждена была согласиться с такой постановкой вопроса.

– Так что ночевать будете у меня, – решительно сказал Андрей Михайлович, – квартира у меня большая, я один, вы меня не стесните. А утром подумаем, как быть.

Оксана так устала за сегодняшний длинный день, что решила не спорить.

– Только я мужу позвоню, чтобы не волновался... Максим? – заговорила она преувеличенно веселым голосом. – Ты извини, я задержалась. Тут у нас девичник образовался, день рождения отмечали... Так я заночую у Алки!

– У какой Алки? – по инерции спросил муж. – Санка, ты пьяная, что ли?

– Кто – я? – завопила Оксана. – Да ни в одном глазу. Это ты спросонья ничего не замечаешь, Алку не помнишь! Алка Лапидус, у нас в отделе женской литературы работает!

– Разве бывает женская литература? – удивился Андрей Михайлович, но тут же прикрыл рот рукой, испугавшись свирепого взгляда Оксаны.

– В общем, утром я от Алки сразу на работу, – говорила Оксана, – а ты, пожалуйста, никому не открывай, потому что вчера дворничиха говорила – какой-то маньяк в нашем районе объявился! Значит, договорились – ни соседям, ни врачам, ни полиции, ни даже если про пожар будут кричать! Понял?

– Понял, что ты пьяная в хлам! – буркнул муж. – Так ты точно не придешь?

– Сказала же – не приду! Завтра все объясню! – Оксана поскорее отключилась.

Андрей Михайлович провел ее в комнату поменьше. Там стояли старинная кровать с тремя подушками и большой шкаф, откуда он достал чистое постельное белье.

Ванна в этой квартире была огромной, Оксана долго плескалась, смывая с себя усталость.

Андрей Михайлович, удостоверившись, что она ничего не услышит за шумом воды, пошел в комнату и набрал номер на мобильнике, сверившись с визиткой.

– Это Логунов, – сказал он вполголоса, – вы просили связаться с вами, если появится что-то новое. Так вот, девушка у меня. Да, до утра я ее задержу...

Наутро, пользуясь доверенной ему властью инквизитора, брат Бернар собрал церковный трибунал, чтобы рассмотреть дело по обвинению фрау Маргариты Ситтов в колдовстве и сношениях с дьяволом.

Судьи собрались после утренней молитвы в большом подвальном помещении епископского дворца. Зал был скудно освещен коптящими факелами. Посредине его стоял длинный дубовый стол, на котором лежали письменные принадлежности.

Прежде чем занять места за столом, епископ и инквизитор некоторое время учтиво спорили, кому из них следует возглавить трибунал.

Епископ уступал эту честь брату Бернару, ссылаясь на папскую буллу, которой именно инквизиторам поручалось искоренение ереси. Брат Бернар учтиво возражал, что возглавлять суд надлежит епископу, ибо преступление, которое они расследуют, есть преступление и против Бога, и против людей, а епископ соединяет в своем лице и светскую, и духовную власть. В конце концов они сошлись на том, что председателем суда стал епископ, но сам допрос вел инквизитор. Он сел на почетное место рядом с епископом, положив руку на книгу «Молот ведьм».

Его секретарь уселся в конце стола, приготовившись подробно записывать ход судебного заседания. В стороне от стола трибунала сидели священники, монахи и наиболее уважаемые горожане. На лицах их читались почтение к суду, чувство собственной значительности, а также плохо скрытый страх перед происходящим.

– Введите подсудимую! – приказал брат Бернар.

Двери зала распахнулись, и двое ландскнехтов ввели фрау Ситтов. Платье ее было разорвано, волосы растрепаны, но даже в таком виде она была удивительно хороша.

Подсудимую подвели к столу судей.

Брат Бернар поднял на нее мрачный взгляд и проговорил:

– Во имя Господа нашего. Аминь. В год от Рождества Христова тысяча пятьсот тридцать второй, сентября двадцать третьего дня, в моем присутствии, ордена доминиканцев смиренного брата Бернара, в присутствии председателя суда, высокопреосвященного господина епископа, а также в присутствии секретаря суда, ордена доминиканцев брата Мартина и достопочтенных свидетелей, с Божьей помощью начинаю процесс по обвинению присутствующей здесь жительницы города Нойбаха Маргариты Ситтов в преступном отступничестве от святой католической веры, в сговоре с дьяволом, в колдовстве и причинении вреда добрым христианам.

Инквизитор выждал, пока брат Мартин запишет его слова, и обратился к капитану ландскнехтов:

– Приведи подсудимую к присяге!

Капитан подвел Маргариту к краю стола, на котором лежали четыре Евангелия. Она послушно положила правую руку на верхнюю книгу и поклялась говорить правду, только правду и всю правду.

После этого инквизитор задал ей обычные вопросы о ее происхождении, местожительстве, родителях, о ее воспитании и круге ее знакомых. На все эти вопросы подсудимая ответила робко, но спокойно, не выказывая страха или чувства вины.

Секретарь записал все ее ответы, после чего брат Бернар перешел к основной части допроса. Устремив на Маргариту пылающий взор, он спросил, верит ли она в существование ведьм и в их способность производить грозу и наводить порчу на животных и людей.

– Я не знаю, что ответить, господин судья... – ответила Маргарита неуверенно. – Мне приходилось обо всем этом слышать, но я доподлинно не знаю, слухи ли это или подлинная правда...

– К господину инквизитору следует обращаться святой отец! – напомнил ей секретарь.

– Я не знаю, что ответить, святой отец! – повторила подсудимая.

– Ты должна знать, что святая Церковь не сомневается в существовании ведьм и в их вредоносных способностях! – сурово проговорил инквизитор. – Следовательно, каждый добрый христианин тоже должен в это верить, а всякое сомнение есть ересь!

– Тогда я тоже верю в это... – смиренно проговорила Маргарита.

– Запиши это, брат Мартин! – приказал инквизитор секретарю.

Затем он строго проговорил:

– Знаешь ли ты, подсудимая, что о тебе идет молва как о ведьме?

– Нет, – не задумываясь ни на секунду, отвечала Маргарита, – мне такое неизвестно. Все добрые люди в этом городе уважают меня и почитают как добрую христианку...

– Запиши и это, брат Мартин! – напомнил инквизитор. – Ибо у нас имеется свидетель, который может опровергнуть слова подсудимой. А теперь, дочь моя, тебе в первый раз предоставляется право перед этим высоким судом покаяться в своем страшном грехе, который заключается в сговоре с дьяволом и колдовстве.

– Я невинна в этом грехе! – громко и твердо ответила Маргарита.

– Запиши это, брат Мартин! – сурово проговорил инквизитор. – Запиши, что подсудимая отрицает свою виновность, что она не хочет покаяться в своем грехе и очиститься от него! Убедившись, что секретарь записал эти слова, инквизитор повернулся к присутствующим в зале горожанам и строго проговорил:

– Вы слышали, достопочтенные свидетели, что подсудимая отрицает свою виновность. Пусть эти ее слова не введут вас в заблуждение. Авторы сего великого труда, мои уважаемые коллеги инквизиторы Шпренгер и Инститор, – при этих словах брат Бернар поднял «Молот ведьм», чтобы горожане могли рассмотреть эту достопамятную книгу, – инквизиторы Шпренгер и Инститор сообщают, что на первом допросе почти все ведьмы отрицают свою вину. И это их упорное отрицание вины есть одно из доказательств, возбуждающих против них еще большее подозрение!

Выслушав эти слова, горожане начали переглядываться и перешептываться, так что секретарь суда вынужден был призвать их к порядку.

Когда в зале наступила тишина, инквизитор вновь обратился к Маргарите:

– Как требует обычный порядок ведения процессов по делу о колдовстве, я еще раз задаю тебе вопрос: виновна ли ты в грехе колдовства? Случалось ли тебе производить грозу, наводить порчу либо иным способом вредить людям или животным?

– Нет, святой отец! – ответила подсудимая тихо, но отчетливо. – Я не виновна ни в чем подобном.

– Запиши это, брат Мартин! – приказал инквизитор своему секретарю, а затем обратился к капитану ландскнехтов: – Приведите свидетельницу!

Капитан отдал команду, и двое солдат ввели в зал суда дородную вдову лесоторговца. Фрау Визель с неприязнью взглянула на подсудимую и встала поодаль от нее, как будто боясь от нее заразиться.

– Назови суду свое имя, происхождение, местожительство, имена своих родителей. Назови также имя своего мужа, ежели таковой имеется, и причину его смерти, если он скончался. Вдова подбоченилась и проговорила нарочито громко, самоуверенно:

– Имя мое в этом городе знает всякий, равно как и мою добropорядочность...

– Отвечай прямо на вопросы, которые задал тебе благочестивый брат инквизитор! – перебил свидетельницу секретарь суда. – И не говори лишнего, о чем тебя не спрашивали!

Фрау Визель несколько стушеввалась, придала себе смиренный и пристойный вид и ответила на все заданные вопросы.

– Что ты можешь сообщить нам по сути обвинений, предъявленных присутствующей здесь фрау Ситтов?

– Ведьма она! – выпалила вдова. – Только через это заполучила она такого хорошего мужа! Только через это противу природы сохранила свою молодость!

– Слышала ли ты, обвиняемая, слова свидетельницы? – обратился инквизитор к фрау Ситтов.

– Она лжет, святой отец, – тихо ответила Маргарита.

– По какой же причине эта почтенная женщина может лгать высокому суду? – осведомился брат Бернар. – Всякому известно, что ложь – тяжкий грех, а ложь суду инквизиции – преступление!

– Она лжет из неприязни ко мне. Она давно уже положила глаз на моего мужа.

– Ты хочешь сказать, что свидетельница лжет, ибо питает к тебе вражду? – спросил инквизитор фальшиво мягким тоном.

– Именно так, святой отец!

– Посмотрим, что говорит об этом книга братьев Шпренгера и Инститора! – Инквизитор раскрыл книгу и прочел: – «Показания свидетеля могут быть отвергнуты судом, только если свидетель питает к подсудимому смертельную вражду. Ежели же он питает к подсудимому обычную неприязнь, его показания не следует отвергать, ибо к ведьмам все порядочные христиане питают справедливую неприязнь...» – Оторвавшись от книги, инквизитор оглядел присутствующих в зале горожан и спросил: – Слышал ли кто-нибудь из вас, чтобы присутствующая здесь фрау Визель, вдова лесоторговца, выражала подсудимой пожелание смерти или тяжелой болезни?

Горожане молчали.

– Еще раз спрашиваю, слышал ли кто-нибудь из вас, чтобы фрау Визель желала смерти или болезни подсудимой Маргарите Ситтов?

И на этот раз ответом ему была тишина.

Инквизитор задал свой вопрос в третий раз и снова не получил ответа.

Тогда он повернулся к подсудимой и проговорил:

– Суд трижды задал вопрос уважаемым и почтенным горожанам Нойбаха, слышал ли кто-нибудь из них угрозы или пожелания смерти в твой адрес от присутствующей здесь вдовы лесоторговца фрау Визель, и трижды не получил ответа. По правилам сокращенного судопроизводства, применяемым в процессах о ереси и колдовстве, считается установленным, что фрау Визель не питает к тебе смертельной вражды. Таким образом, ее свидетельство принято во внимание. Еще раз предлагаю тебе признаться в своих грехах и преступлениях, в наведении порчи и причинении другого вреда, дабы суд мог проявить к тебе снисхождение!

– Мне не в чем признаваться, святой отец!

– Ввиду того, что подсудимая упорно запирается, суд считает необходимым применить к ней строгие методы убеждения! – провозгласил брат Бернар.

Среди горожан поднялся едва слышный ропот. Все понимали, что значат эти слова.

Инквизитор спохватился, вспомнив, что в суде председательствует епископ. Повернувшись к нему, он почтительно спросил:

– Вы согласны со мной, ваше преосвященство?

– Согласен, брат инквизитор! – кивнул епископ.

Капитан ландскнехтов отдал очередное распоряжение, и в зал суда вошел мрачный одноглазый мужчина с длинными волосатыми руками и низким тяжелым лбом – палач инквизиции, которого все знали под кличкой Добрый Генрих.

Следом за ним четверо ландскнехтов с трудом несли орудия его страшного ремесла.

При виде палача ропот и перешептывания среди горожан стали еще громче.

– Приготовь свои орудия! – приказал инквизитор Доброму Генриху.

Палач плотоядно усмехнулся, разложил на отдельном столе клещи и щипцы, крючья и кривые ножи. Рядом с этим столом он поставил жаровню, в которой тлели угли, и быстро раздул в ней огонь. На этом огне он накалил один из своих страшных инструментов – щипцы с кривыми заостренными концами – и повернулся к инквизитору, ожидая приказа.

– Последний раз предлагаю тебе, – сурово проговорил брат Бернар, обратившись к подсудимой, – покайся в своих грехах! Очисти свою душу искренним признанием – и Церковь с радостью примет тебя в свое лоно, а суд проявит к тебе милость и снисхождение!

– Мне не в чем каяться! – воскликнула фрау Ситтов и, вынув из разорванного ворота золотой медальон, сжала его в руке. – Святая Урсула, моя небесная покровительница, защити меня от неправедного обвинения! Помоги мне сохранить мою жизнь и доброе имя! Заклинаю тебя твоей благочестивой жизнью и твоей мученической смертью...

– Не богохульствуй! – воскликнул инквизитор, поднимаясь со своей скамьи. – Не оскверняй имя святой своими грешными устами! А ты, честный слуга Божий, приступай к своим обязанностям!

Повинуясь его приказу, палач приблизился к подсудимой, держа в руках раскаленные щипцы.

Но в ту же минуту инквизитору показалось, что вокруг Маргариты вспыхнуло бледно-золотистое сияние, цветом напоминающее светлый майский мед, такое же сияние, какое видел он минувшей ночью в ее камере.

Но на этот раз не один он видел это сияние.

Горожане повскакивали со своих мест, они удивленно указывали на фрау Ситтов и восклицали:

– Святая! Святая! Она святая!

И даже палач попятился, вытаращив на подсудимую свой единственный глаз, уронил на каменный пол раскаленные щипцы и принялся часто, истоиво креститься.

Епископ также осенил себя крестным знамением и повернулся к инквизитору:

– Что же это творится, брат Бернар? И что нам делать?

Руки инквизитора тряслись. Он схватил «Молот ведьм», как свой последний оплот, и проговорил едва слышно:

– Придется перенести суд на завтра!

– Может быть, следует освободить подсудимую? – так же тихо спросил его епископ.

– Ни в коем случае! – возразил брат Бернар. – Я не сомневаюсь, что она виновна!

– Но это сияние... не есть ли это знак свыше?

– Не верю! – воскликнул инквизитор. – Это дьявольское наваждение! Дьявол хитер и коварен, и он знает тысячи способов, как отвести глаза добрым христианам, как ввести их в заблуждение и в соблазн!

– Не вызовет ли это нежелательных разговоров среди населения?

– Такие разговоры следует строго пресекать, ваше преосвященство!

Тем временем сияние вокруг фрау Ситтов понемногу потускнело, как тускнеет небо после заката.

Брат Бернар облегченно вздохнул, повернулся к капитану ландскнехтов и приказал:

– Отведите подсудимую обратно в ее камеру!

Капитан опасливо перекрестился, но все же не осмелился послушаться инквизитора. Он вызвал двоих наиболее надежных солдат и вместе с ними препроводил фрау Ситтов обратно в застенки.

Маргарита шла послушно, опустив голову.

Оксана спала как убитая – только положила голову на подушку и сразу же провалилась в глубокий сон. Уж очень она устала и измучилась за этот день, а кровать была такая мягкая, подушки пуховые, одеяло стеганое, в общем, спала она как в раю и проснулась полная сил и в хорошем настроении.

В квартире было тихо, но когда Оксана выглянула в коридор, ее ноздрей достиг запах свежесваренного кофе. Она пошла на запах и обнаружила кухню. Все в этой квартире было огромным, и кухня тоже, в ней можно было танцевать. Или готовить праздничный ужин на двадцать четыре персоны.

Андрей Михайлович колдовал возле плиты. А на столе на блюде лежали булочки и пахли корицей.

– Доброе утро, моя дорогая! – приветствовал ее хозяин. – Вы выглядите как принцесса.

– Ага, скорее как Спящая красавица! – рассмеялась Оксана.

– Чем хороша молодость, – вздохнул хозяин, – восемь часов полноценного сна – и вы снова свежи, как майская роза.

– Но откуда этот дивный аромат? – Оксана втянула носом воздух. – Неужели вы сами?

– Ну, вы меня идеализируете, – рассмеялся Андрей Михайлович, – я, конечно, многому научился за свою длинную жизнь, но кулинария так и осталась для меня тайной за семью печатями. Есть одна добрая женщина, она живет по соседству. Мы с ней подружились на почве бессонницы. Я, когда не сплю, читаю или пишу, она же печет пироги или вяжет. Так что прошу к столу!

– Можно выпить кофе на кухне? – взмолилась Оксана. – Для скорости...

– Ну ладно, в виде исключения. Так какие же у вас планы? Не подумайте, что я вас гоню из дома... – спохватился Андрей Михайлович, – но я вижу, что вы торопитесь...

– Мне нужно побывать дома! – решительно сказала Оксана. – Пока рано и муж не ушел. И вообще... взять кое-какие вещи...

– Не смею вас задерживать, – вздохнул Андрей Михайлович, – однако одеты вы не по погоде. Оксана вспомнила о том, что куртка ее так и осталась в той злополучной квартирке. Черт знает что такое! Пальто новое сторело, куртка вполне приличная пропала, этак она весь гардероб растеряет! Конечно, можно новое все купить, но сейчас-то что делать? И денег нету...

– Не беда, – улыбнулась Оксана, – машину поймаю, а дома у меня есть одежда...

Ага, есть у нее старенькая стеганая курточка, в которой только на дачу ездить, да еще плащ, тоже не новый. Ну да ладно, не об этом сейчас нужно думать.

– Не считите меня навязчивым... – Андрей Михайлович вздохнул: – Старики любят давать советы, – но лучше не брать машину. Тем более женщина без верхней одежды обязательно запомнится и вообще вызовет подозрение.

– Но что делать? Мне нужно домой...

– Осмелюсь предложить вам одежду покойной жены... Больше ничего нет.

– Но... я не могу... – растерялась Оксана, – это неудобно...

– Вы посмотрите! – Старик приглашающе махнул рукой и раскрыл шкаф в прихожей. Оксана видела уже, что покойная жена его была красавицей, теперь же она поняла, что женщина эта обладала большим вкусом.

– Вот это... – Андрей Михайлович снял с вешалки и подал Оксане отлично сшитое пальто цвета опавшей осенней листвы, – подойдет к вашим глазам.

Пальто было сшито лет тридцать назад, но выглядело вполне прилично.

– Что такое новое? – сказала Оксана, вертясь перед зеркалом. – Это хорошо забытое старое...

Сюда нужна шляпка.

– Ради бога! На верхней полке!

И Оксана забыла все на свете, увлекшись примеркой шляп. Была там маленькая шляпка, называемая таблеткой, была простая черная, похожая на мужскую, был бархатный свободный берет с пером.

– Не зря я все это хранил, – смеивался Андрей Михайлович, – я знал, что когда-нибудь в моей квартире появится прекрасная незнакомка, которой понадобятся эти шляпы. Примерьте вот эту! Эта шляпка была чудного бледно-оранжевого цвета с темной лентой и полями, опускающимися на лицо.

– То, что надо! – Оксана мигом закрутила волосы в тугий валик на затылке и надвинула шляпу на лоб. – В таком виде меня точно никто не узнает!

– Как вы хороши, дорогая моя! – Андрей Михайлович блеснул глазами и смутился: –

Простите...

На прощанье Оксана все же чмокнула его в щеку.

* * *

Встречные люди ничуть не удивлялись ее старомодному виду – в большом городе и не такое видали. Оксана старалась идти не торопясь, с достоинством, хотя нужно было спешить, чтобы застать мужа дома.

Звонить она ему побоялась – вдруг бандиты смогут определить местонахождение ее мобильного? Судя по электронной метке, они не чужды техническому прогрессу.

Оксана проехала на метро три остановки, а от метро решила пройти пешком, так получится быстрее, чем маршрутку ждать.

Она срезала путь дворами и вышла к дому с другой стороны. Тут же вспомнилось, как бежала она так же три дня назад с поезда и встретила того типа с собакой, Игоря Ивановича. Вот интересно, что с ним стало? Выпустили его бандиты или нет? Побоялись всесильной Конторы? Так или иначе, ей все равно. Но уж, верно, так отметили, что с собачкой гулять долго не сможет. Так ему и надо!

Она пересекла двор. Было еще слишком рано, не тащили мамы упирающихся малышей в садик, не выезжали жильцы на работу, не торопились школьники, даже собачники не выходили на утреннюю прогулку. Вот и машина мужа. Странно, что стоит не на обычном месте, а в стороне. Максим старается ставить машину поближе к подъезду, ему лень пару шагов пройти, уж это она знает.

Оксана с досадой вспомнила, что ее машина все еще в ремонте. Мог бы муж возить ее на работу! Может, сегодня его попросить?..

Не получится, тут же поняла Оксана, эта задача невыполнима, не стоит и пытаться. Сейчас он спит, и она потратит кучу времени, чтобы его растолкать. Еще минут сорок понадобится, чтобы разъяснить ему нынешнее положение дел. Потом он начнет ныть и требовать полноценного питательного завтрака, а его, разумеется, нет. Оксана разозлится – ее могут убить, а ему лишь бы завтрак был на столе! В общем, на работу ей придется ехать на общественном транспорте. Или частного поймать. Ладно, не в первый раз.

Она замедлила шаги, потому что заметила на подоле пальто какое-то пятнышко. Неужели она посадила? Как неудобно, пальто чужое...

И в этот самый момент открылась дверь ее подъезда и вышел муж. Оксана не успела удивиться, куда это он так рано, потому что следом за ним выскочила девица. Засмеялась и повисла на ее муже.

Он шикнул на эту дрянь и опасливо оглянулся по сторонам. Но за долю секунды Оксана успела уронить на грязный асфальт сумочку и нагнуться за ней, чтобы не встретиться с ним взглядом. О, реакция у нее всегда была отличная, в свое время инструктор по вождению ее очень хвалил! И муж ее не узнал в этом старушечьем пальто! Не узнал собственную жену! Впрочем, Оксана только об этом и мечтала. Не хватало еще столкнуться нос к носу и выяснять отношения в присутствии его девки. А там и соседи подтянутся. Это только кажется, что никому ни до чего нет дела, стоит только раскричаться – мигом на окнах повиснут!

Оксану невольно передернуло.

Дрожащими руками она схватила сумочку и очень осторожно подняла голову. Муж уже не смотрел по сторонам, он обнял свою девку за плечи и что-то нашептывал ей на ухо, а эта...

Оксана проговорила в сердцах неприличное слово... в общем, девица визгливо смеялась.

Они шли прямо на нее. Оксана отвернулась к стене, вставая, но они ее просто не заметили, до того были увлечены друг другом. Зато Оксана очень хорошо разглядела девицу.

По правде сказать, там и смотреть-то было не на что. Небольшого роста щуплая брюнетка, волосики жидковаты, ноги кривоваты, плечи слишком узкие, бюста вообще нет... Недокормыш в общем, но из тех, кто ужасно гордится своей худобой. Они называют это хрупкостью.

Господи, ну что, ну что он в ней нашел? Да против Оксаны она ничто, их даже рядом поставить нельзя, это же просто смешно!

Подумать только, муж посмел привести эту гадину в дом! Небось на их семейной кровати с ней развлекался! И как только не побоялся, что Оксана узнает? Или он совсем ее в грош не ставит, что так открыто домой девок водит?

Она вспомнила, как муж допытывался, точно ли она не придет ночевать. Ах, вот оно что... и ведь наверняка такое не в первый раз. Не зря он так часто звонит ей, когда она в командировках.

Вот и в последний раз он позвонил вечером перед поездом вовсе не потому, что соскучился или волновался. Хотел убедиться, что она вернется домой только утром.

Скотина какая, из-за него мобильник сгорел! Так бы она его в сумочку положила, а тут пришлось в карман пальто сунуть...

Оксана убедилась, что эти двое завернули за угол, и шагнула к подъезду. Но в это время дверь открылась, и вышла соседка – жутко любопытная баба. Уж эта точно ее узнает. И начнет расспрашивать, что это Оксана в таком виде. А возможно, она в курсе амурных походов мужа и теперь, улучив минутку, захочет ввести Оксану в курс дела. Нет, только не сегодня!

Оксана развернулась и бросилась бежать.

Завернув за угол, она закричала зубами, потому что муж с кривоногой девицей и не думали уезжать.

Оказалось, что возле его машины толчется дворничиха с метлой. Эта тоже всех знает, муж испугался, что застанут с поличным, и решил переждать. Нет, ну что за невезуха!

Оксана не чувствовала ни обиды, ни горечи. Все заменила чистая, неразбавленная злость.

Господи, какой же она была душой! Как могла не замечать очевидного? Нет, правду говорят, что хуже всего видишь то, что у тебя под носом!

Она попятилась, спряталась за припаркованный джип, чтобы не попасть на глаза мужу.

Только не это! Такого унижения она просто не переживет!

А эти двое, как назло, шли напрямиком в ее сторону... Очевидно, муж решил обойти двор, чтобы не маячить на виду, а там, глядишь, дворничиха уберется.

Оксана завертела головой, думая, куда бы спрятаться, как вдруг рядом с ней остановилась машина, открылась дверца и смутно знакомый голос проговорил:

– Садитесь!

И она села в эту машину, лишь бы не столкнуться с мужем.

Уже в следующую секунду Оксана пожалела об этом, вспомнив, как только накануне таким же образом попала в лапы Константину и прочим бандитам...

Но было уже поздно: дверца машины закрылась, мотор сыто заурчал, автомобиль вывернул на улицу и помчался вперед.

Только тогда Оксана повернулась и взглянула на водителя.

И испытала некоторое облегчение: за рулем сидел Олег, тот мужчина, который поддержал ее в страшную ночь аварии. Дал свою «полярку», поймал такси и вообще опекал всю ночь.

– Это вы! – выдохнула Оксана, откинувшись на сиденье.

– А вы кого думали увидеть? – покосился на нее Олег.

– Ой, лучше не спрашивайте! Я тут вчера так нарвалась... села в машину, думала, обычный таксист, а попала к натуральным бандитам, которые из меня всю душу вынули.

– Это вы от них сейчас прятались? – спросил Олег серьезно.

– Ну да...

Оксана вовсе не собиралась рассказывать ему о своей семейной драме. Стыдобища-то какая!

Пускай думает, что у нее бандиты на хвосте.

Однако в глазах его она прочитала легкое сомнение.

– Представляете, они считают, что я украла в поезде какие-то деньги...

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Олег. – Нельзя ли еще раз и подробнее? Какие деньги, какие бандиты? Они расспрашивали тебя о чемоданчике?

– Что, и ты туда же? – Оксана удивленно взглянула на Олега. – И ты не тот, за кого себя выдаешь? А ну, остановись и высади меня!

– И не подумаю! – фыркнул Олег. – Но в принципе я согласен.

– Согласен? На что?

– Согласен перейти на «ты».

– Что? – Оксана удивленно уставилась на него. – О чем это... ах, ну да, действительно... ладно, раз уж на «ты»... тогда ответь мне на один вопрос.

– Ну, если это не слишком интимно...

– Думаю, не слишком. Кто ты, собственно, такой? – спросила Оксана. – Что ты делал в поезде? То есть я хотела сказать, куда ты ехал? Или откуда? Имей в виду, я, конечно, тебе благодарна за помощь в поезде и сейчас тоже, но пока не узнаю, кто ты такой, разговора у нас не получится.

– Да как тебе сказать... – Олег усмехнулся. – Смотрела фильмы про Джеймса Бонда? Так вот я вроде бы его коллега. Только одеваюсь попроще.

– Слушай, я тебя серьезно спрашиваю! И если ты хочешь, чтобы у нас получился откровенный разговор – отвечай мне так же серьезно и перестань паясничать!

– Ой, какие мы строгие! – дурашливо рассмеялся Олег. – Имей в виду – тебе очень идет этот наряд. Такая, знаешь, получается у нас сцена из старого фильма – она вся такая принципиальная, а он – легкомысленный слабый человек... но в глубине души порядочный и честный.

– Ну все, если не хочешь серьезно разговаривать – останови машину, я выйду.

– Ну ладно, ладно, не сердись! – Олег поднял руки, сдаваясь. – Я о тебе же забочусь. Чем меньше ты знаешь, тем меньше опасностей тебе угрожает...

– Ага! – хмыкнула Оксана. – Поначалу я об этом деле вообще ничего не знала, тем не менее за мной охотились и бандиты, и полицейские, и какая-то секретная контора...

– Вот как раз это меня больше всего беспокоит... – посерьезнел Олег. – Почему за тобой охотились бандиты – понятно, они ищут деньги, почему полицейские – тоже можно объяснить, но вот Контора...

– А ты-то в эту историю как замешан? И на чьей ты стороне?

– Ну ладно, слушай... – Олег вздохнул. – Думаю, ты знаешь, что такое коррупция?

– Ну интересно! Кто же в наше время этого не знает? Сейчас, по-моему, каждый школьник знает, что можно купить хорошую оценку за контрольную.

– Ну да. Только оттого, что слово стало привычным, проблема не стала меньше. «Коррупция» переводится как «разложение, растление». И она действительно разъедает страну как ржавчина. Она проникает повсюду, от рядового гаишника до высоких чинов...

– Ты мне что, будешь лекцию читать?

– Нет, лекцию я тебе читать не собираюсь. Я только объясняю исходные условия задачи, а также хочу показать, насколько важно ее решение.

– Но я так и не поняла, какое отношение это имеет к взрыву в поезде и к тому, что за этим взрывом последовало.

– Самое прямое. Нам... организации, в которой я работаю, стало известно, что некая криминальная структура приготовила большую сумму наличных денег, которую собирается передать какому-то высокопоставленному сотруднику секретной службы. Само собой, эти деньги ему отдадут не за красивые глаза, а за какие-то услуги. За очень серьезные услуги, судя по величине суммы.

– А вам даже и сумма известна? – недоверчиво осведомилась Оксана.

– И сумма, и некоторые детали операции. Неизвестно нам только одно – кому конкретно эта сумма предназначена. А значит, можно сказать, ничего не известно. Потому что не можем же мы предъявить большому человеку ни на чем не основанные обвинения... Что, если мы

ошибемся и обвиним не того? А если даже того, он нас без достаточных улик пошлет подальше. В общем, мне поручили следить за этими деньгами и выяснить, к кому они попадут.

– И тут этот взрыв, пожар, и деньги пропали! – договорила за него Оксана.

– Совершенно верно, – вздохнул Олег. – Деньги пропали, а я так и не выяснил, кому они предназначались.

– А ведь я слышала, как они его называли! – оживилась Оксана. – Когда меня допрашивали в подвале, я случайно подслушала их разговор. Они упоминали какого-то Михаила Степановича, говорили, что он им голову оторвет за эти деньги...

– Михаил Степанович? – переспросил Олег. – К сожалению, среди тех людей, которых мы разрабатываем, нет никого с таким именем и отчеством...

– Как же так? – расстроилась Оксана. – Я точно расслышала, как они его назвали... я не могла ошибиться...

– Не расстраивайся, я же не говорю, что ты ошиблась! Скорее всего, это просто не настоящее его имя, а кличка, условное имя, которым его называют подельники. Как говорят в нашей организации – оперативный псевдоним. Кстати, узнать его оперативный псевдоним – это тоже очень важно, так что я тебе благодарен за эту информацию...

– Не стоит благодарности, – фыркнула Оксана. – Лучше посоветуй, что мне теперь делать? Ведь за мной гоняются все, от бандитов до спецслужб...

– Я знаю...

– Откуда? И еще вопрос, как ты здесь оказался? Ох, кажется, я догадалась. Меня сдал Андрей Михайлович? Ну и старикан!

– Не сдал, а позвонил мне и предупредил, что тебе угрожает опасность. Он тебе плохого уж точно не желает!

– Ну ладно, и что мне теперь делать, раз уж вы решили меня опекать?

– Надо подумать... ситуация не такая простая...

Олег немного помолчал, затем снова оживился:

– Давай решать задачу по частям. Полиция тобой, скорее всего, больше не интересуется – ведь они передали тебя Конторе, и им ясно дали понять, чтобы они в это дело не лезли. Значит, остаются бандиты и сама Контора. Контора пока притормозит – этому греховоднику Игорю Ивановичу сейчас явно не до тебя.

– Надеюсь, – вздохнула Оксана.

– Бандитам ты нужна для того, чтобы отыскать деньги. Значит, если мы найдем деньги раньше их...

– Ты хочешь сказать, что отдашь им эти деньги? – ужаснулась Оксана.

– Не я. – Олег пристально взглянул на нее: – А ты.

– Что? – Оксана поперхнулась и изумленно уставилась на собеседника. – Ты шутишь, я надеюсь?

Олег свернул в первый попавшийся переулок и аккуратно припарковал машину.

– Разве можно шутить такими серьезными вещами? – Он повернулся к Оксане, и на лице его не было и тени улыбки.

– Ну, если ты не шутишь – значит, ты сошел с ума. Но я-то пока еще в здравом уме...

– Послушай меня – и ты поймешь, что это лучший выход и для тебя, и для меня. – Олег набрал полную грудь воздуха и продолжил: – Мне нужно узнать, для кого предназначались эти деньги. Если деньги снова окажутся у бандитов – они наверняка доведут операцию до конца и передадут их тому, кого называют Михаилом Степановичем. Мне останется только проследить за деньгами.

– Но я то при чем?

– А при том, что, если деньги им принесу я, они мне не поверят. И никто бы не поверил. Сразу ясно, что это подстава. А вот если их принесешь ты – все будет очень естественно. Ведь они уверены, что ты украла эти деньги, так что будет вполне достоверно, если ты их и вернешь... на определенных условиях, конечно.

– И на каких же, интересно, условиях? – подозрительно осведомилась Оксана.

– Ну, все еще нужно продумать, но непременным условием должно быть, чтобы они оставили тебя в покое. Причем гарантировали это...

– Ну, это легче сказать, чем сделать! Как можно заключить договор с уголовниками и добиться его исполнения? Они не из тех людей, которые держат слово!

– На то и договоры, чтобы их тщательно продумывать! – непонятно ответил Олег. – Впрочем, пока мы с тобой делим шкуру неубитого медведя. Денег-то у нас нет, и мы понятия не имеем, где они находятся и кто их на самом деле украл.

– Вообще-то кое-какие мысли на этот счет у меня имеются... – неожиданно для себя самой проговорила Оксана.

– Что ты говоришь? – уставился на нее Олег.

– Ты помнишь всех людей, которых вместе с нами допрашивали в Твери?

– Ну, конечно, помню, – снисходительно ответил Олег. – Замечать и запоминать – это моя профессия!

– А помнишь ли ты беременную женщину?

– Да, а что?

И Оксана рассказала ему то, что накануне узнала у Андрея Михайловича.

Олег выслушал ее очень внимательно и надолго задумался.

Наконец он поднял глаза на Оксану и проговорил:

– Пожалуй, в этом варианте все сходится. И подстаканники вписываются...

– Подстаканники? – удивленно переспросила Оксана, подумав, что ослышалась. – Какие еще подстаканники?

– Во время осмотра вагона после пожара в шестом купе, в котором перевозили деньги, нашли обгоревшие и покореженные взрывом подстаканники. Ты ведь знаешь, что на железной дороге чай и кофе до сих пор подают в стаканах с подстаканниками. Как в советские времена. А когда проводницу спросили, приносила ли она что-нибудь в шестое купе, она сказала, что ничего не приносила. Кстати, из-за этой нестыковки ее тоже взяли под подозрение. Я ее тоже сначала подозревал, навел справки, но ничего плохого за ней не числилось. А мне тогда еще, на месте аварии, показалось, что она не в себе. Я-то подумал, что она, как только поезд тронулся, выпила с кем-то из коллег, почему и темнит, а теперь все получает другое объяснение...

Олег ненадолго замолчал. Оксана тоже не издавала ни звука, чтобы не сбить его с мысли.

– Значит, вот какая получается картина. Та женщина села в поезд в Москве под видом беременной, каким-то образом отключила проводницу. Для профессионала это не проблема.

Люди из шестого купе заказали кофе, чтобы не заснуть. С такими деньгами, знаешь ли, спать не стоит. И друг другу они не слишком доверяли, так что решили напиться кофе и всю ночь чемоданчик с деньгами охранять.

Фальшивая беременная переделалась проводницей и принесла им кофе, в котором была лошадиная доза снотворного.

«А ты куда смотрел?» – вертелся у Оксаны на языке ехидный вопрос, но она решила его не задавать – зачем зря человека провоцировать? Он и так себя корит небось за то, что не углядел за деньгами.

– Воровка дождалась, когда пассажиры уснут, проникла в купе и украла деньги, – продолжал Олег. – Тут-то ее и увидел Андрей Михайлович. Когда она вышла из купе, чемоданчик с деньгами у нее был на животе, для чего, собственно, ей и понадобилось изображать беременную.

Заполучив деньги, она, скорее всего, собиралась выйти в Твери. Вряд ли она рискнула бы остаться в поезде до конца поездки – охранники могли проснуться и заметить пропажу денег, или в Петербурге на вокзале кто-нибудь мог поднять тревогу и перехватить ее. Значит, она должна была сойти с поезда в Твери и продолжить путь на машине или на другом поезде. Скорее всего, в Твери ее поджидал сообщник с машиной. Но тут произошел взрыв, смешав ей все карты...

– Так это не она его устроила? – перебила собеседника Оксана.

– Конечно, не она! Ей этот взрыв только помешал. Она хотела повернуть все тихо и незаметно, а тут поезд остановили, понаехала полиция, и не только, всех допрашивали и обыскивали, так что она очень рисковала...

– Ну, теперь я совсем запуталась! – призналась Оксана. – Только я привыкла к мысли, что целью взрыва был вовсе не Туманов, что все случилось из-за денег, которые перевозили в этом поезде, а теперь выходит, что и деньги тут ни при чем... Кто же тогда устроил взрыв? И главное – зачем?

– Пока не имею представления, – признался Олег. – Да, собственно, для меня сейчас это не главное. Будем решать задачи одну за другой. Для начала я хочу узнать, куда подевались

деньги. – Он немного помолчал и продолжил рассуждать вслух: – Судя по всему, эта женщина – серьезный профессионал. Она не стала бы рисковать, не стала бы оставлять при себе деньги, если ее в любую минуту могли обыскать. Значит, она их где-то спрятала. Вопрос – где и когда...

– Да, насколько я помню, она сидела в Твери на вокзале совершенно спокойная, все еще удивлялись...

Олег прикрыл глаза и глубоко задумался. Затем снова взглянул на Оксану и раздраженно проговорил:

– Чувствую, что разгадка у меня буквально под носом – но не могу сообразить! Какая-то деталь от меня ускользает... Может быть, ты вспомнишь что-нибудь важное? Ты ведь тоже там была и все видела... какой-то странный случай, чье-то поведение, не вписывающееся в общую картину...

– Ну, ты от меня хочешь невозможного! – Оксана пожала плечами. – Я ведь, если ты не забыл, тоже была в шоке, и, в отличие от тебя, я не профессионал, не Джеймс Бонд в юбке... Да и потом, тогда все вели себя странно! Чего ты хочешь от людей, которые только что чудом избежали смерти? Все волновались, разыскивали родных... маленькая девочка потеряла медведя...

Оксана вспомнила девочку, которая бегала вдоль вагона и повторяла, всхлипывая и размазывая по лицу слезы: «Где мой мишка? Где мой мишка?»

– Медведя? – неожиданно заинтересовался Олег. – Какого медведя?

– Обыкновенного игрушечного медведя, – отмахнулась от него Оксана, – такой светлый, в розовом платьице. Медведь-девочка. Игрушка-то тут при чем?

– Подожди-подожди... – перебил ее Олег. – Все же что это за медведь? Большой?

– Ну да, большой, – недоуменно подтвердила Оксана, – я его заметила еще в Москве, когда эта девочка садилась в поезд – она несла этого медведя в руках, в обнимку...

– Вот оно! – воскликнул Олег. – Я же чувствовал, что упускаю какую-то важную деталь!

– Ничего не понимаю. – Оксана удивленно заморгала. – Может, все же объяснишь – при чем тут медведь?

– Ну как же! – Олег взглянул на нее свысока. – Она куда-то спрятала чемоданчик с деньгами, но должна была что-то положить на его место – иначе все заметили бы, что у нее внезапно уменьшился живот. Согласись, что это было бы подозрительно. Вот она и украла у той девочки ее медведя, чтобы подложить на место чемоданчика...

– Какое свинство! – возмутилась Оксана. – Обокрасть ребенка! Девочке и так досталось, чудом уцелела, а тут еще любимый медведь пропал... То есть медведица...

Олег на этот раз ничего не ответил. Он думал.

– И все же куда она спрятала деньги? – проговорил он наконец. – Она могла их спрятать или на вокзале в Твери, или в поезде. На вокзале – более рискованно: там их пришлось бы на какое-то время оставить, потом возвращаться за ними, тем самым привлекая к себе внимание... Нет, скорее всего, она спрятала чемоданчик еще в поезде! А в Твери сидела спокойно и ждала, когда отпустят...

– Ее пригласили к себе в купе пассажиры из другого вагона. Кто-то сказал, что там тоже была беременная, она ее пожалела и позвала к себе. Так они вместе и доехали до Твери... А потом нас всех посадили, сгоревший СВ отцепили, а остальные дальше поехали.

– Ага! – обрадовался Олег. – Наверняка воровка воспользовалась приглашением тех людей, чтобы спрятать деньги среди их вещей. Ты не помнишь, в каком вагоне они ехали?

– Кажется, в четвертом, – припомнила Оксана.

– Ну вот, нужно их срочно найти!

– Не понимаю, как можно спрятать целый чемодан в чужих вещах, чтобы хозяин этих вещей не заметил... – проворчала Оксана.

– Это мы скоро узнаем... и потом, чемоданчик был небольшой... – Олег достал из сумки маленький ноутбук, подключил к нему модем и быстро застучал по клавишам.

Через несколько минут он оторвался от компьютера, повернулся к Оксане и сообщил:

– Ну вот, в Интернете можно найти все, надо только знать, где искать. Я узнал фамилию и адрес тех людей, с которыми она ехала до Твери. Проводница говорит – вещей у них было много, эта беременная извинялась, что из Москвы все везут, сестра там живет, у нее мальчику полтора года, вот все шмотки и отдала им... И еще кое-что...

Он сделал выразительную паузу, наверное, ждал, что Оксана начнет его расспрашивать, но она молчала. Тогда он сам сообщил ей:

– На подъезде к Петербургу Елене Пеночкиной – так зовут ту беременную женщину, которая пригласила к себе нашу аферистку, – стало плохо, и ее прямо с вокзала отвезли в больницу, положили на сохранение. Она там до сих пор находится.

На этот раз он замолчал так выразительно, что Оксана поняла – она просто обязана продемонстрировать свой интерес.

– Ну и почему это так важно?

– А потому, что Елена Пеночкина явно не успела разобрать свои вещи. У нее для этого просто не было времени. Так что если наша хитроумная аферистка спрятала деньги в детских вещах Пеночкиных – они до сих пор там находятся.

– Возможно... – неохотно согласилась Оксана. – И что же ты теперь собираешься делать?

– Сейчас мы поедem к Пеночкиным!

– Мы? – переспросила Оксана. – А я то тут при чем?

На какое-то мгновение Олег смутился, но тут же собрался с мыслями и заявил:

– Я, конечно, не могу тебя заставить, но ты бы мне очень помогла. Как женщина, ты можешь выяснить то, что мне ни за что не расскажут. С тобой свидетели будут говорить охотнее.

Оксана взглянула на Олега недоверчиво. У нее было чувство, что он дурит ей голову и что зовет он ее с собой совсем по другой причине. Но Олег смотрел на нее таким невинным взором, что она оставила подозрения при себе и согласилась. Тем более что других планов у нее все равно не было. Домой идти не хотелось – при мысли о том, что муж развлекался этой ночью с посторонней девкой, ее снова охватила злость. Эта зараза небось пользовалась ванной и ее вещами, пила кофе из ее чашки... Оксану передернуло от брезгливости.

– Не бойся, ничего опасного не будет. – Олег понял ее по-своему. – Поразведем обстановку, поговорим с соседями...

– Угу. – Оксана отвернулась.

Пусть он думает что хочет, только бы не узнал о вероломстве ее мужа. С этим она должна разобраться самостоятельно.

* * *

Через полчаса они подъехали к обычному девятиэтажному дому известной сто тридцать седьмой серии. Олег припарковал машину чуть поодаль, чтобы оглядеться. Дом был хоть и не новый, но, судя по внешнему виду, населяли его люди приличные. Двери подъездов были аккуратно покрашены, на балконах не висело исподнее и не валялась разная дрянь. Окна первого этажа сияли чистотой, и была видна на подоконниках пламенеющая герань. На скамеечке перед подъездом сидела субтильная старушка в винтажной шляпке с искусственными цветами. На лице старушки был большими буквами написан интерес к жизни. Особенно к чужой.

Олег заглушил мотор и хотел выбраться из машины, но Оксана строго скомандовала:

– Сиди! Раз уж ты сказал, что я, как женщина, смогу больше разузнать, придется тебе отвечать за свои слова.

– Это еще что за самодеятельность? – нахмурился Олег.

– И ничего не самодеятельность! – возразила Оксана. – Я только на разведку схожу, ничего сама делать не буду, не волнуйся!

С этими словами Оксана направилась к подъезду.

На двери, как и везде теперь, был установлен домофон.

Под внимательным взглядом старушки Оксана набрала на нем номер двадцать восемь.

Из динамика один за другим доносились длинные гудки, но больше ничего не происходило.

– Я извиняюсь, – подала голос старушка в шляпке, – вы ведь в двадцать восьмую звоните? Так вы только зря время тратите, там нету никого, одна Дуся дома.

– Дуся? – переспросила Оксана. – А чего же она не отвечает?

– Дуся? – Старушка посмотрела на Оксану удивленно и недоверчиво. – А вы им кем приходитесь?

– Я к Лене Пеночкиной приехала, – быстро сообщила Оксана. – Мы с ней, с Леной, работаем вместе. Так вот, мы ей с работы звоним, звоним, потому как беспокоимся, а телефон не отвечает, так мне девчонки и говорят – съезди к ней, Анфиса, – это меня так зовут, Анфиса, – съезди, говорят, Анфиса, узнай, как и что, не родила ли...

– С работы? – протянула старушка, и в ее глазах отразилась Оксана – в старомодном пальто и шляпе с полями.
«Сейчас погонит! – мелькнула паническая мысль. – Хорошо еще, если полицию не вызовет!»
Но старушка просветлела лицом и спросила:
– Так вы из профкома, что ли?
– Ага, – закивала Оксана на забытое слово.
Наверное, такими и были дамы из профкома – непонятного возраста, в немодной одежде, активистки, в общем.
– Так Лена родила?
– Пока что не родила! – авторитетно сообщила старушка. – На сохранении она находится. В двадцать шестой больнице, которая на проспекте этого... как его... который с бородой. В общем, раньше он Карла Маркса был, а теперь по церкви называется, так какая же там церковь-то...
– Так вы про нее все знаете? – оживилась Оксана и села рядом на скамейку. – Как она себя чувствует?
– Ну, конкретно как чувствует – не скажу, – призналась старушка, – а только Павел, муж ее, очень за нее волнуется. Она как из Москвы приехала – так в больницу и попала, прямо с поезда, так он там, почитай, и днем и ночью, иногда только приезжает Дусю проведать. А тут еще их обокрасть пытались...
– Пытались? – переспросила Оксана с живейшим интересом. – Значит, не обокрали?
– Ну, как их обкрадешь! – усмехнулась старушка. – Это не такая квартира, чтобы обокрасть.
– А что – у них сигнализация?
– Да какая сигнализация! Дуся у них, а Дуся, она лучше любой сигнализации... Вон в двенадцатом доме на прошлой неделе квартиру обокрали – все у них было, и замки какие-то самые импортные, и сигнализация особенная, а обчистили подчистую, мебель и ту вывезли, даже ванну эту... гидро... массажную и ту украли! Нет, Дуся-то, она гораздо лучше!
– Да кто же это такая – Дуся? – спросила окончательно заинтригованная Оксана.
– А вы, девушка, не знаете? – Глаза старушки подозрительно блеснули. – Дуся – это собачка их. Этот... как его... бульбуль... буллит... нет, не так как-то...
– Питбуль? – подсказала Оксана.
– Вот-вот, он самый и есть... то есть она самая. Дуся, потому что девочка.
– Как это Лена не боится... – как бы сама себе сказала Оксана. – У нее же ребенок будет, а в доме такая серьезная собака!
– А чего ее бояться? Дуся, она со своими очень ласковая. Она только на чужих сердитая.
– Ну, большое вам спасибо! – Оксана поднялась. – Значит, так я и скажу нашим девушкам, что пока она не родила, в больнице находится на сохранении...
Она вернулась к машине и рассказала Олегу все, что сумела узнать от словоохотливой старушки.
– И что же мы имеем... – проговорил Олег, внимательно выслушав ее подробное донесение. – Во первых, Лена Пеночкина как приехала в Петербург, так и находится в больнице, так что вещи разобрать она не успела.
– Так, может, муж их разобрал?
– Вряд ли. – Олег снова свысока взглянул на Оксану, как профессионал на дилетанта, – вряд ли мужчина будет сам разбирать детские вещи, особенно если жена лежит в больнице... это, так сказать, теряет актуальность... Теперь второй важный момент. После возвращения из Москвы квартиру Пеночкиных пытались обокрасть. Обрати внимание, что это случилось не тогда, когда они были в отъезде, а после их возвращения. Наверняка это была та самая женщина, которая спрягала у них в вещах деньги...
– Фальшивая беременная?
– Ну да. Ей же нужно добраться до Ленинского багажа и забрать оттуда деньги. И пока у нее ничего не получилось, Дуся помешала. Но я не сомневаюсь, что она на этом не остановится и доведет дело до конца, причем быстро, пока Лена не вышла из больницы...
– Что же мы будем делать?
– Мы должны ее опередить, первыми проникнуть в квартиру Пеночкиных и найти деньги!
Вдруг Олег насторожился и снова повернулся к подъезду.

Оксана проследила за его взглядом и увидела, что к дому Пеночкиных подъехал красный микроавтобус, на борту которого был нарисован огромный усатый таракан. Над этим тараканом крупными яркими буквами было написано:

«Фирма “Жук-минус”. Профессиональная дезинфекция, дезинсекция, дератизация. Ваши тараканы и крысы – это наша проблема».

– А вот и они пожаловали! – проговорил Олег, вытаскивая из бардачка машины какой-то прибор, похожий на пистолет с широким раструбом на стволе. Правда, в отличие от пистолета, на корпусе этого прибора были ручки регулировки.

– Почему ты уверен, что это они? – засомневалась Оксана.

– Потому что очень уж своевременно они прибыли! Я в такие случайности не верю!

– А что это за штука? – Оксана показала на прибор с раструбом.

– Направленный микрофон дальнего действия. Мы сможем услышать все разговоры...

Задняя дверца микроавтобуса открылась, и из него выбрались два человека – мужчина и женщина в голубых костюмах химической защиты, с респираторными масками на лицах и с красными баллонами за спиной.

Они подошли к той же старушке, с которой только что разговаривала Оксана. Олег подкрутил ручку своего прибора, и Оксана отчетливо услышала женский голос, искаженный респиратором:

– Вы из этого подъезда?

– А что такое? Что случилось? – забеспокоилась старушка.

– Пока ничего не случилось, – отозвалась женщина в маске. – но если вы не поспешите, может случиться.

– Да в чем дело-то?

– Мы получили вызов. Ваш дом заражен гигантскими мадагаскарскими тараканами...

Старушка вскрикнула и испуганно огляделась – не ползают ли вокруг нее полчища огромных насекомых.

– Да вы не беспокойтесь, – проговорила женщина в маске, – мы эту проблему сейчас устраним. Обработаем лестничную площадку и мусоропровод специальным газом – и ни одного таракана не останется! Вы вот лично с какого этажа?

– С четвертого! – испуганно сообщила старушка.

Женщина в маске выразительно (насколько позволяла маска) переглянулась со своим спутником.

– Вот как раз на четвертом и находится очаг заражения. Так что идите сейчас домой и проложите под дверью влажную тряпку, чтобы не допустить проникновения газа в свою квартиру. И на всякий случай ближайший час не подходите к двери...

– А как же соседи? – всполошилась старушка. – В двадцать восьмой никого нет, и в тридцатой тоже...

– Ну, нет так нет. Наш газ для людей неопасен, а через час он вообще выветрится...

– Для людей неопасен, а для животных? – забеспокоилась старушка. – В двадцать восьмой квартире собачка живет...

– Для животных тоже не очень опасен. Возможны, конечно, побочные явления и противопоказания, но если животное здоровое, тогда ничего. Вот для насекомых и для растений...

– Для растений? – Старушка инстинктивно схватилась за искусственные цветы на шляпке.

– Этим растениям ничего не будет, – фыркнула женщина в респираторе. – Вот если у кого-то комнатные растения есть, то они, конечно, могут погибнуть...

– Ой, у меня же фикус! – И старушка опрометью бросилась в подъезд. Парочка дезинсекторов проследовала за ней.

– Ну, думаю, теперь ты не сомневаешься, что это она, наша знакомая из поезда? – проговорил Олег. – Идут именно на четвертый этаж, и оборудование у них явно предназначено не для борьбы с тараканами, а для нейтрализации Дуси.

– Жалко Дусю! – вздохнула Оксана.

– Да ничего они ей не сделают! Поспит Дуся часик и придет в себя! Собаки, они знаешь какие выносливые!

– И что нам теперь делать? Ты же хотел попасть в квартиру раньше ее, а она тебя опередила.

– Ничего страшного! Пусть она сделает за нас половину дела – разберется с Дусей и найдет деньги. А мы ее встретим на выходе. С фанфарами и транспарантами...

– А мы справимся? – неуверенно проговорила Оксана. – Их ведь двое, и оба профессионалы. А я, прости меня, конечно, никогда не занималась восточными единоборствами, зарядку и то не каждый день делаю, потому что некогда...

– Ничего страшного, зато на нашей стороне фактор неожиданности, это удваивает наши силы... Смотри-ка, а их не двое, а трое... – и Олег показал на кабину микроавтобуса.

Приглядевшись, Оксана увидела за рулем водителя.

– И что же теперь делать?

– Работать! – Олег спрятал в бардачок микрофон, достал оттуда серебристый баллончик, выбрался из машины и неторопливо направился к автобусу.

Оксана пошла следом на безопасном расстоянии.

Подойдя к кабине микроавтобуса, Олег постучал в стекло костяшками пальцев.

– Чего надо? – в окне появилась мрачная заspanная физиономия водителя.

– Ты где встал? – проговорил Олег скандальным тоном. – Ты почему на моем личном месте встал? Я всегда на этом месте паркуюсь, это весь дом знает!

– Слушай, остынь, мужик! – миролюбиво возразил водитель. – Я не из твоего дома, понятно? Я ненадолго приехал...

– Вижу, что не из моего! – не унимался Олег. – Был бы из моего, знал бы, что со мной лучше не связываться!

– Да не заводись! Мои сейчас вернутся, и я уеду! Подожди минут двадцать...

– Янисколько ждать не собираюсь! – окрысился Олег. – Ни двадцать, ни десять, ни даже две минуты! Это мое законное место, так что проваливай отсюда срочно!

– Ну ты, мужик, даешь! – набычился водитель. – Не понимаешь человеческого языка? Ну, так я тебе сейчас доступно объясню! – Он открыл дверцу кабины и хотел выпрыгнуть, но Олег опередил его, брызнув в лицо из своего баллончика. Водитель удивленно чихнул и завалился обратно на сиденье.

– Ну вот, их осталось только двое! – удовлетворенно проговорил Олег, аккуратно закрывая дверцу кабины. – Теперь слушай, что тебе придется сделать...

* * *

Поднявшись на четвертый этаж вместе с парочкой дезинсекторов, любознательная старушка в шляпке достала ключи и открыла дверь своей квартиры.

– И запомните, – в спину ей сказала женщина, – на всякий случай час не подходите к двери!

– Не подойду! Ближко не подойду! – отозвалась старушка и стремительно исчезла за дверью.

Дезинсекторы переглянулись, подошли к двери двадцать восьмой квартиры.

Из-за нее донеслось низкое угрожающее рычание. Дуся предупреждала, что она на посту.

Мужчина взял в руку трубку с распылителем, поднес ее к едва заметной щели под дверью и нажал клавишу распылителя. Из раструба вылетело желтоватое облачко и втянулось под дверь.

Рычание прекратилось, сменившись коротким удивленным взвизгом, и в двадцать восьмой квартире наступила тишина.

Женщина взглянула на часы, выждала для верности минуту и кивнула своему напарнику. Он достал из кармана комбинезона набор отмычек и быстро, профессионально открыл дверь квартиры.

Оба «дезинсектора» вошли внутрь.

Рядом с дверью лежала Дуся.

Глаза ее были закрыты, но бока вздымались, и лапы чуть заметно двигались во сне.

Опасливо обойдя спящую собаку, злоумышленники оглядели квартиру Пеночкиных.

Первым делом женщина открыла шкаф-купе, быстро ознакомилась с его содержимым.

Затем она вошла в спальню, проверила платяной шкаф, выдвинула ящики комода. Не найдя там того, что искала, она на мгновение задумалась, еще раз внимательно оглядела комнату, затем наклонилась и заглянула под кровать.

Там она обнаружила большой чемодан – тот самый, в котором Лена Пеночкина везла от московских родственников детские вещи для своего будущего ребенка.

Женщина открыла чемодан, выбросила оттуда несколько пар ползунков, пинеток, трикотажных кофточек и наконец нашла под ними плоский чемоданчик.

* * *

Через двадцать минут дверь подъезда открылась, и на улицу вышли двое в костюмах химзащиты. Мужчина шел впереди, женщина бережно несла в руке черный пластиковый мешок.

Навстречу парочке метнулась Оксана с озабоченным видом и открытым блокнотом в руке.

– Вы почему это уезжаете? Вы почему это не завершили дезинсекцию? – проговорила она начальственным голосом, встав на пути у мужчины. – Мы вам не оплатим вызов!

– Тебе чего надо? – Мужчина попытался ее отодвинуть. – Мы чего надо, то и сделали...

Голос его из-за респиратора казался гнусавым, как будто он был сильно простужен.

– Если вы серьезная фирма, если вы приехали по вызову, – кипятилась Оксана, – тогда вы должны первым делом обработать мусоропроводную! – И она указала на открытую дверь рядом с подъездом, за которой виднелись зеленые мусорные баки. – Если в доме насекомые, то мусоропроводная – это самое главное место!

– Отстань, а? – тоскливо проговорил мужчина. – Мы все, что надо, сделали...

– Не все! – не унималась Оксана. – А мусоропроводная? Мусоропроводную непременно нужно... мусоропроводную вы в первую очередь должны были обработать!

Она повернулась куда-то назад и закричала:

– Борис Михалыч! А Борис Михалыч! Помогите мне с ними разобраться! Они не хотят мусоропроводную обрабатывать!

Мужчина в респираторе тоскливо переглянулся со своей спутницей.

– Ладно, брызни там пару раз! – проговорила та вполголоса. – Нам лишний шум ни к чему!

Мужчина неохотно пошел к открытой двери, Оксана направилась следом за ним, женщина в респираторе прибавила шагу, направляясь к микроавтобусу.

Мужчина с баллоном протиснулся в помещение с баками, поднял трубку распылителя.

В ту же секунду Оксана захлопнула дверь снаружи и задвинула тяжелую щеколду.

Из-за двери донесся возмущенный крик.

Тем временем женщина в костюме химзащиты подошла к задней двери микроавтобуса, открыла ее.

Перед ней возник Олег. Дурашливо улыбаясь, он воскликнул:

– Ку-ку! Те же и гигантский мадагаскарский таракан!

Женщина, одной рукой прижимая к себе пластиковый пакет, другой потянулась к распылителю. Но Олег опередил ее: сдвинув маску респиратора, он брызнул в лицо незнакомке из своего баллончика.

Женщина закашлялась, покачнулась, ноги ее подогнулись, и она упала бы на тротуар, но Олег вовремя подхватил ее и аккуратно втащил внутрь микроавтобуса. Респиратор он снял и легонько похлопал женщину по щеке. Через некоторое время она открыла глаза и посмотрела на него, постепенно приходя в себя.

– Очухалась? – ласково спросил он. – В общем, так. Сейчас снимаешь с себя эту маскировку, – он указал на костюм, – и бежишь с этого места так быстро, как только сил хватит.

– С чего бы это? – Она криво усмехнулась и сунула руку в карман, но Олег ловко перехватил руку и больно сжал.

– Пусти! – Она поморщилась, но не вскрикнула.

– Не понимаешь? – огорчился он, вытаскивая ее руку со шприцем. – Так пойми: это дело тебе не по зубам. Слишком серьезная у нас организация, чтобы какой-то воровке мы уступили.

Она поглядела ему в глаза, оценивая.

– Отпускаю тебя не потому, что жалко, а чтобы шуму лишнего не было, ясно? – продолжал Олег. – Не для того мы всю операцию разработали, чтобы какая-то посторонняя баба нам все испортила. Ты уж извини, но не в свое дело влезла. Так что иди отсюда по-хорошему.

– А эти? – она кивнула на сотрясающуюся дверь мусоропроводной.

– Если хватит у них ума себя правильно вести, то их тоже вскоре отпустят.

– Ладно, – она вздохнула, – а как красиво дело было сделано!

– У тебя не последнее, – буркнул Олег, глядя, как она выскользнула из комбинезона и просочилась в дверь.

Выйдя из микроавтобуса с мешком в руке, он закрыл дверцу снаружи, зафиксировал ее куском толстой проволоки и достал из кармана мобильный телефон.

Потыкав в него пальцем, дождался ответа и проговорил, изменив голос:

– Полиция? Из дома номер двенадцать вас беспокоят, по улице Академика Карлова. Тут у нас возле дома машина подозрительная стоит... микроавтобус «мицубиси»... Учитывая, что в районе участились квартирные кражи, хочу поставить в известность... Как фамилия? Чья фамилия? Моя фамилия? Куропаткин моя фамилия! Иван Иванович Куропаткин!
Завершив разговор, Олег вернулся к своей машине, где его уже дождалась Оксана. Воровки и след простыл.

* * *

– Точно там деньги? – спросила Оксана. – Дай посмотреть!
– Ну вот сейчас при всем честном народе буду чемодан открывать... – заворчал Олег.
– Ну хоть одним глазком взглянуть... – канючила Оксана, – никогда столько не видела...
Олег развернул пакет и открыл чемоданчик.
– Ух ты! – восхитилась Оксана. – Этакая прорва денег! А у меня на одежду не хватает...
– Не зарься на чужое, – наставительно сказал Олег, – заработаешь еще...
– Ага, заработаешь, – погрузилась она, – интересно: где? Меня точно с работы уволят за прогулы. Вчера с обеда не вернулась, сегодня вообще не пришла.
– Позвони, скажи, что заболела.
– Ага, кто мне поверит? Я вообще мобильник отключила, чтобы не искали...
На самом деле она отключила мобильник, чтобы не звонил муж. Он сразу догадается по ее голосу, что она все знает, а это нежелательно, или, по крайней мере, преждевременно. Оксана еще сама не разобралась в собственных чувствах, все некогда.
– Если сможешь мне, я все улажу, – твердо пообещал Олег, – какие хочешь тебе справки достану.
– Ты хочешь, чтобы я сама снова отправилась к бандитам? – голос Оксаны дрогнул.
– Нет, если ты сама придешь, они не поверят... – Олег ненадолго задумался. – Давай рассуждать логически. Значит, они тебя потеряли, так? Электронную метку старик выбросил?
– На голубя прилепил, – усмехнулась Оксана. – Знаешь, как птиц окольцовывают.
– Да что ты? Ну дает старая гвардия, нам бы у них поучиться! – восхитился Олег. – Ох, хотел бы я на их морды поглядеть, когда они про голубя все поняли!
– Не отвлекайся, – посоветовала Оксана.
– Да, хорошо! Значит, где они теперь тебя будут искать? Дома или на работе, так?
– Ну так... – нехотя буркнула Оксана, весь разговор ей очень не нравился.
– На работе тебя нет, и они не знают, куда ты делаешь, – продолжал Олег, – стало быть, остается квартира.
Оксана хотела сказать, что утром она никого возле своего дома не видела, но вовремя прикусила язык. Олег тут же спросит, от кого тогда она пряталась, и быстро вытащит из нее информацию про подлеца-мужа. Только не это!
– Ладно, сейчас везу тебя к твоему дому, – воодушевился Олег, – по дороге обсудим операцию. Вот как, он уже все за нее решил. Ох эти мужчины!
– Не хочу, – закапризничала Оксана, – я устала, боюсь, есть хочу, и пальто это допотопное осточертело. Что я, бабушка восьмидесяти лет?
– Накормить могу, только быстро. – Олег взглянул на часы. – Времени у нас в обрез!
– И пальто... – ныла Оксана, – или куртку...
Она и сама не знала, что умеет так капризничать. Раньше никогда себе ничего подобного с мужем не позволяла. За то и получила, грустно констатировала она.
Олег посмотрел на нее с обычным мужским недовольством, но спорить не стал. Он поговорил по телефону вполголоса, потом они заехали куда-то, где он оставил деньги, после чего Олег припарковал машину у торгового центра.
– Сорок минут, – строго сказал он, – и ни секундой больше.
Оксана поняла, что он не шутит.
На витрине было выставлено обалденное пальто с воротником из рыси. Но, во первых, Оксана пожалела рысь, хоть той было уже все равно, во вторых, пальто было ужасно дорогое, а при ее беспокойной жизни можно распрощаться с вещью хоть завтра.
Оксана с сожалением отложила шикарное пальто и купила попроще, с капюшоном, тем более что на улице похолодало и пошел мелкий нудный дождик.
– Вот, возьми. – Олег протягивал ей карточку.
– Да ты что? – возмутилась Оксана. – Сама оплачу, в жизни ни у кого в содержанках не была!

– Бери, спишу на непредвиденные расходы, – усмехнулся Олег, – считай, что тебе от государства подарок.

«Нужно было то брать, с рысью...» – подумала Оксана, протягивая карточку продавщице. Они пообедали тут же, в итальянском ресторане наверху. Олег снова поговорил по телефону. – Все в порядке, они тебя ждут у дома, – сказал он, – ничуть не скрываются, машина та же самая.

Вернувшись в свою комнату, инквизитор опустился на колени и попытался молиться. Однако он то и дело сбивался, путал слова молитвы и наконец понял, что в теперешнем его состоянии молиться бесполезно и даже греховно, такая молитва не достигнет престола Божьего и лишь повиснет на его душе тяжкими веригами. Да и может ли он искренне молиться после того, как заключил союз с самим дьяволом?

Брат Бернар скинул рясу и принялся бичевать свои израненные плечи, надеясь, что боль принесет в его душу покой и смирение, примирит его с Богом.

Но покой не приходил, и вместо Божьего имени он шептал имя женщины с волосами цвета майского меда.

Не в силах победить дьявольское наваждение, инквизитор упал лицом на каменный пол и залился слезами.

Стоило ли посвятить многие годы борьбе с ересью, стоило ли вести праведную, чистую жизнь, чтобы в одночасье лишиться Божьей благодати из-за прекрасных глаз фрау Ситтов?

Подумав о ней, брат Бернар снова почувствовал мучительное волнение.

Эта женщина противится ему, он не может овладеть ею, а ведь Враг рода человеческого пообещал, что она будет в полной его власти! Выходит, дьявол обманул его и все жертвы напрасны?

Брат Бернар снова попытался молиться, но вдруг его душой овладело сонное оцепенение, и он задремал, лежа на холодном каменном полу.

Снова, как два дня назад, инквизитор блуждал по ночному городу, пугая редких прохожих. Он искал случайной встречи с фрау Ситтов – но вместо этого оказался возле городских ворот, рядом с которыми увидел жалкую лачугу.

«Как же так, – подумал брат Бернар, остановившись перед неплотно закрытой дверью, – ведь я был здесь днем, и никакой хижины на этом месте не было... чур меня!»

Он перекрестился, чтобы избавиться от дьявольского наваждения, но хижина стояла на прежнем месте и из-за двери пробивался слабый свет.

Тогда инквизитор толкнул эту дверь и вошел внутрь.

Как и два дня назад, он оказался в тесной каморке с низким закопченным потолком. В очаге едва теплился огонь, над ним висел ржавый котелок, в котором что-то варилось. Перед самым очагом сидела на корточках старая ведьма.

Услышав скрип двери, она повернулась, уставилась на инквизитора и захихикала:

– Пришел, красавчик! Пришел! Не напрасно я тебя ждала! Ну как, понравилось тебе мое снадобье?

– Не зли меня, ведьма! – оборвал ее брат Бернар. – Ты знаешь, что я могу немедля отправить тебя на костер!

– Ой, как напугалась! – Старуха рассмеялась громче прежнего и принялась радостно хлопать себя по тощим ляжкам. – Ой, как напугалась! Ты уже пытался меня схватить, красавчик, – не забыл, что из этого вышло? Мой хозяин не даст меня в обиду!

Внезапно она перестала смеяться, пристально взглянула на инквизитора и проговорила, понизив голос:

– А ведь Он теперь и твой хозяин, красавчик! Ты заключил с Ним договор, я вижу на тебе Его клеймо!

– Где? – испуганно вскрикнул брат Бернар и принялся осматривать свои руки.

– Поймала, поймала! – Ведьма снова мерзко захихикала. – Его клеймо не на руках, и не на лбу, и не на щеке, его вообще не увидишь глазами, но оно навеки останется в твоей душе, и его не выжечь даже каленым железом! Ты навсегда Его слуга!

– А если так, отчего Он не выполняет данного мне обещания? – раздраженно проговорил инквизитор. – Он обещал, что фрау Ситтов будет моей, а она обо мне и слышать не желает!

– Неправда, красавчик! Ты попросил у Него, чтобы та бабенка оказалась в твоей власти, – и Он это выполнил! А ежели ты с ней не можешь сладить – это уж не Его вина!

– Что же мне теперь делать? – воскликнул брат Бернар. – Я продал свою душу – но ничего не получил взамен!

– Нужно было получше подумать над своей просьбой! – ответила ему ведьма. – Впрочем, красавчик, погоди немного – может быть, я смогу тебе помочь...

Она сняла с огня котелок, зачерпнула из него деревянной ложкой, подула на дымящееся варево и, взглянув в самый темный угол своей каморки, позвала:

– Цып-цып-цып! Иди ко мне, моя крошка, иди ко мне скорее, матушка даст тебе поесть!

В углу раздался странный шорох, и оттуда, смешно переваливаясь, вышла огромная жаба. Во лбу ее горел тусклым красноватым огнем крупный неограниченный рубин.

– Цып-цып-цып! – повторила ведьма и протянула жабе ложку со своим варевом. Отвратительное создание приблизилось, разинуло пасть и вылизало содержимое ложки длинным языком.

– Покушала, моя крошка? – умилилась ведьма. – Ну, коли покушала – поработай немного, помоги матушке! Ты знаешь, крошка, что мне от тебя нужно!

Она достала из своих лохмотьев знакомое инквизитору зеркало, поднесла его жабе. Жаба взглянула в зеркало, словно любясь своим отражением, и вдруг принялась вылизывать его своим языком, как перед тем вылизывала ложку с едой.

– Вот так, крошка! – радостно щебетала ведьма. – Вот так, моя умница!

Брат Бернар с отвращением следил за происходящим. Ему хотелось немедленно уйти из ведьмино жилища, сбросить это наваждение – но он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Ведьма же, в умилении следившая за жабой, вдруг схватила зеркало и поднесла его к глазам инквизитора:

– Посмотри, красавчик! Вот что тебе мешает, вот что не дает тебе сладить с этой бабенкой! Вглядевшись в зеркало, брат Бернар увидел в нем маленький золотой медальон с коптским крестом на крышке – тот самый медальон, который он видел на груди фрау Ситтов.

– Я так и думал... – прошептал инквизитор, вглядываясь в отражение. – Она... Маргарита говорила, что получила этот медальон от матери, говорила, что в этом медальоне хранится волос святой Урсулы, ее небесной заступницы...

– Она сама не знает, каким сокровищем владеет! – прокаркала ведьма. – Это очень старая вещь, обладающая огромной силой. Немудрено, красавчик, что ты не можешь ее одолеть! Тут и кое-кто посильнее тебя не справился бы...

– Но Он обещал исполнить мое желание! – напомнил брат Бернар. – Неужели Он нарушит это обещание?

– Не беспокойся, красавчик, все будет по-нашему! – заверила его ведьма, ласково погладив жабу. – Моя крошка поможет тебе! Только не даром, красавчик, не даром... Ты должен отдать мне эту вещицу! Эту чудесную старинную вещицу!

– Я отдам тебе все, что захочешь... – поспешно проговорил инквизитор. – Все, что захочешь!

– Слышала, крошка моя, что он сказал? – обратилась ведьма к своей жабе. – Ты будешь свидетелем его слов! Он не сможет отказаться от своего обещания, данного при таком свидетеле!

Инквизитор хотел что-то возразить ведьме, но слова застряли в его гортани, как рыба кость, и ведьмина каморка закружилась перед его глазами, завертелась, как осенние листья, подхваченные холодным вихрем. Земляной пол комнаты закачался под его ногами, как палуба корабля. Брат Бернар хотел схватиться за притолоку, чтобы удержаться на ногах, но его тоже подхватил странный вихрь, закружил, втянул в невидимую воронку – и он проснулся на каменном полу своей комнаты.

Все тело его было пронизано мертвенным, могильным холодом – должно быть, оттого, что он заснул на камне.

Инквизитор поднялся, припоминая свой странный сон.

Впрочем, был ли это только сон? Он так ярко, так отчетливо видел жилище старой ведьмы, и жабу с рубином во лбу, и разговор, и обещание, которое дал ведьме...

Был ли это сон или наваждение, которое наслал на него Враг рода человеческого? Враг, с которым он, прежде верный слуга Церкви, заключил кощунственный договор...

Внезапно инквизитор почувствовал непреодолимое желание увидеть фрау Ситтов. Увидеть сейчас же, немедленно, не дожидаясь утра. Он одернул рясу, закрыв исполосованные плетью плечи, накинул поверх плащ с капюшоном и вышел из комнаты.

Спустившись по лестнице в подвал, он подошел к камере, где томилась обвиняемая. Перед дверью дремал дежурный ландскнехт. Услышав шаги, он вздрогнул, проснулся и схватился за меч, воскликнув:

– Кто идет?

– Свои! – ответил инквизитор и добавил условную фразу: – Все дозволено ради вящей славы Господней!

– Это ты, благочестивый брат! – ландскнехт узнал его и успокоился.

– Открой мне дверь, – приказал инквизитор. – Я хочу еще раз взглянуть на эту еретичку!

– В такой поздний час? – проворчал ландскнехт, но не посмел возражать и отпер дверь камеры. Брат Бернар вошел внутрь и замер на пороге, невольно залобовавшись спящей женщиной. Маргарита спала в углу камеры, свернувшись калачиком на жалкой охапке полусгнившей соломы. Волосы цвета светлого майского меда были рассыпаны по ее плечам, грудь ровно вздымалась от легкого дыхания, нежный рот был чуть приоткрыт, губы шевелились, как будто она что-то шептала или молилась во сне.

Инквизитор почувствовал укол в самое сердце – острый укол жалости и в то же время желания, нестерпимой жажды обладать этой женщиной, обладать не только и не столько ее телом, сколько ее душой, ее мыслями, ее чувствами. Он хотел бы проникнуть в ее сны, в ее мечты, в ее самые сокровенные помыслы.

Фрау Ситтов пошевелилась во сне, едва слышно прошептала какое-то имя. О, если бы это было его имя, подумал брат Бернар, если бы она думала о нем! Но нет, это невозможно... если только Он, его новый хозяин, поможет ему...

Вдруг инквизитор почувствовал, что они не одни в этой комнате. Что здесь есть еще кто-то, кроме него и Маргариты.

Он испуганно огляделся – и вдруг увидел, что из дальнего угла камеры, из-под брошенной там мешковины медленно выползла, подтягивая белесые лапы, крупная бледная жаба.

Следом за первой жабой появилась вторая, затем третья, четвертая, и скоро десятки жаб, неторопливо переваливаясь, с потешной грацией уродства шествовали по каменному полу камеры, направляясь к спящей женщине.

Пораженный инквизитор следил за шествием жаб, не в силах сдвинуться с места, не в силах произнести хотя бы слово.

Позади прочих жаб ползла самая большая, самая уродливая, с неограниченным рубином во лбу – та самая жаба, которую брат Бернар видел в своем удивительно реальном сне, та, которую в этом сне ведьма кормила своим колдовским варевом.

Вскоре жабы окружили Маргариту ровным кольцом, в котором был оставлен небольшой проход.

Жабья царица, увенчанная огромным рубином, подошла позже остальных, величественно проследовала через этот проход и подползла вплотную к спящей женщине.

Брат Бернар почувствовал нарастающий в душе страх, темный ужас перед тем, что сейчас произойдет на его глазах, – но он по-прежнему не мог шелохнуться.

Царь-жаба вползла на край одежды Маргариты, перебралась на ее грудь, на обнаженную белую шею. Повозившись там, она подцепила тонкую цепочку и, потянув за эту цепочку, вытащила из-за выреза платья золотой медальон. Тот самый медальон с коптским крестом на крышке, который оберегал Маргариту, тот самый медальон, который в недавнем сне ведьма показала брату Бернару.

Своим мягким, отвратительным белесым ртом венценосная жаба перекусила цепочку, как будто она была не из золота, а из простой кожи, и осторожно стащила медальон с шеи спящей женщины. Но на этом она не остановилась. Поднявшись к губам Маргариты, жаба прильнула к ним своим безобразным ртом в мерзком, кошунственном поцелуе.

– Как ты смеешь! – воскликнул инквизитор и метнулся вперед.

Но в ту же секунду, то ли от его крика, то ли от жабьего поцелуя, Маргарита проснулась и резко села. Жаба вместе с медальоном скатилась на пол, и ее тотчас окружили подданные.

Маргарита огляделась, удивленно моргая и пытаясь понять, что ее разбудило.

Сперва она увидела инквизитора – и на ее лице проступил привычный страх. Но в следующую секунду она заметила десятки жаб и ту главную, которая волокла за цепочку чудодейственный медальон. Страх на ее лице превратился в злость и отвращение.

– Отдай, мерзкая тварь! – С этими словами женщина приподнялась, схватила башмак и попыталась ударить им царицу жаб – но промахнулась, выронила башмак и без сил откинулась на солому.

Тут за спиной инквизитора раздались скрип двери и негромкое лязганье металла.

Оглянувшись, брат Бернар увидел ландскнехта. Должно быть, тот услышал доносящийся из камеры шум и заглянул, чтобы проверить, не нужна ли инквизитору его помощь.

Увидев столпившихся посреди камеры жаб, солдат перекрестился и воскликнул:

– Господи, спаси меня и помилуй! Что здесь творится, благочестивый брат?

– Не твоего ума дело! – отрезал инквизитор.

– Какие мерзкие создания! – в ужасе проговорил ландскнехт и замахнулся мечом на царь-жабу.

– Не тронь ее, несчастный! – воскликнул брат Бернар и толкнул солдата. Тот оступился, и вместо венценосной жабы его меч вонзился в щель между каменными плитами пола.

Жабы так быстро, как могли, припустили в дальний угол камеры, из которого недавно вышли. Впереди них, смешно переваливаясь, поспешала их царица, волоча за собой золотой медальон на цепочке. Прошло всего несколько секунд – и все отвратительные твари исчезли под сваленной в углу мешковиной.

– Что это было? – проговорил ландскнехт, перекрестившись и убрав в ножны свой меч.

– Эта ведьма пыталась навести на нас с тобой порчу! – ответил инквизитор. – Ты же знаешь, что жабы помогают ведьмам в их темных делах!

– Спаси и помилуй меня Господи! – проговорил ландскнехт, мелко крестясь. – Прежде мне о таком и слышать не приходилось! – и он, пятясь, выбрался из камеры.

Инквизитор остался наедине с Маргаритой.

Женщина сидела на охапке соломы, бессильно сгорбившись и подтянув ноги к подбородку, как обиженный ребенок. Весь ее облик говорил о том, что силы оставили ее, что она лишилась последней надежды. Груз несчастий пригнул к земле ее плечи, как будто на нее уже опустили могильную плиту.

– Святая Урсула, небесная моя заступница, – проговорила она едва слышно. – За что ты рассердилась на меня? Почему ты меня оставила в моих несчастьях?

– Тебя больше никто не защитит! – раздраженно воскликнул инквизитор. – Единственный, кто еще может тебе помочь, – это я! Смири свою гордыню, уступи мне – и ты будешь признана невиновной, ты вернешься в свой дом, к дочери!

– Я не хочу тебя слушать, – пролепетала женщина, закрыв уши ладонями. – Ты говоришь страшные вещи! Приходский священник предупреждал меня, что нужно остерегаться таких, как ты! Твоими устами говорит дьявол!

– Что ты знаешь о дьяволе... – оборвал ее инквизитор. – Что ты можешь знать о дьяволе...

Перед его внутренним взором возникли берег горного озера и огромный глаз, восседающий на каменном троне. Глаз, который видит каждого, проникает в каждую душу, в каждое сердце, находит там самые сокровенные помыслы.

Он, брат Бернар, открыл ему свое сокровенное желание – и теперь он навеки проклят, обречен на адские муки, как бы он ни пытался оправдать себя, как бы ни старался придумать извинения для своего ужасного предательства.

Так хотя бы пусть дьявол выполнит свое обещание, отдаст ему эту женщину...

И тут страшный, мощный, всепроникающий голос зазвучал в измученной душе инквизитора, и в голосе этом была бесконечная холодная насмешка:

– Я сделал то, о чем ты просил. Ты просил власти над ней – и вот она в полной твоей власти.

Можешь делать с ней все, что пожелаешь, никто не вступится за нее. Я отнял у нее даже последнюю защиту – медальон, доставшийся ей от матери! Чего же еще ты хочешь от меня? Чего ты просишь, жалкий человек?

– Но я хотел... я хотел ее любви... – едва слышно прошептал брат Бернар.

– Любви?! – Незримый собеседник оглушительно захохотал.

Когда этот смех стих, прежний голос проговорил:

– Любовь – это не ко мне. Это – к другому. Ты просил у меня власти – и я дал ее тебе. Больше ничего не проси. Я исполняю только одно желание. Только одно.

И в душе инквизитора наступила оглушительная тишина.

Он поднял взгляд на женщину.

Она лежала на охапке соломы, несчастная, измученная, одинокая – но не сломленная.

– Ну, беги. – Олег вздохнул и приколот ей к воротнику свитера маленький микрофончик, – если что не так пойдет, я услышу.

Оксана отогнала от себя мысль, что он подразумевает под этими словами «что-то пойдет не так». Ее будут пытаться? Или вообще убьют? Хотя нет, пока она не отдаст деньги, ее не убьют. Но этот Константин, он же законченный садист...

Ладно, не будем о неприятном.

Она накинула капюшон и подошла к подъезду с другой стороны. В их с Олегом планы не входило, чтобы ее прихватили прямо на улице, так разговора не получится.

Она никого не встретила в подъезде и спокойно вошла к себе. Мужа дома не было, еще и пять не пробило, он так рано никогда не приходит.

Оксана нарочно зажгла свет везде – пускай видят, что она пришла, а на улице все равно так мрачно, никакого света в окна не проникает.

Оксана переделалась в джинсы, расчесала наскоро волосы и собрала их в хвост. Ну вот, она готова, как говорится, к труду и обороне.

И как только она это подумала, в замке заскрежетал ключ. Или отмычка, что там они применяют. Мелькнула мысль притаиться у двери и стукнуть первого входящего бандита хоть зонтиком. Или скалкой.

От искушения она решила уйти в комнату. И не дошла, потому что дверь распахнулась, и в квартиру вошел ее муж собственной персоной.

– Ты? – Оксана так удивилась, что не смогла справиться с собой. – Что ты тут делаешь?

Они застыли, глядя друг на друга. Все это напоминало сцену из старой итальянской комедии, как же она называлась? «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...»

Оксана мигом прочитала все по его лицу.

Очевидно, утром он все же столкнулся с дворничихой. Или с той самой любопытной соседкой.

И до него наконец дошло, что как веревочке ни виться, а конец все же будет, то есть кто-то поставит в известность его жену. Если уже не поставил. И муж решил на всякий случай подстраховаться. С этой целью он пришел пораньше, букет цветов, конечно, не купил, поскольку этот поступок как раз и вызвал бы у Оксаны наибольшие подозрения, зато принес кучу еды. Вон два больших пакета.

С едой у них всегда была напряженка, Оксана готовить не то чтобы не умеет, но не любит, а главное – времени всегда не хватает. Так что муж надеялся устроить вкусный интимный ужин, а после сытной еды кому же хочется ругаться? И потом, может, еще неточно, может, Оксана ничего не слышала, а если слышала, то не поверила, а если поверила, то не всерьез. Можно все отрицать, а если уж припрут к стенке, то попросить прощения. Но это в самом крайнем случае. Но муж все-таки за три года, что они были в браке, жену свою как-то изучил. Поэтому сейчас, когда Оксана от неожиданности не смогла справиться со своим лицом, он все понял. И, посчитав, что лучшая оборона – это нападение, ринулся в атаку.

– То есть как это – что я тут делаю? – возмутился он. – Эта квартира такая же моя, как и твоя, ты не забыла, что мы с тобой владеем ею в равных долях?

– А, так ты о своей собственности беспокоишься... – процедила Оксана. – Не волнуйся, мне чужого не надо.

Муж понял, что квартиру он помянул зря, сейчас не об этом нужно говорить.

– В чем ты меня подозреваешь? – фальшивым голосом возопил он. – Я тебя совершенно не узнаю! Ты, интеллигентная женщина, слушаешь досужие сплетни каких-то кумушек. Да им делать нечего, вот и выдумывают невесть что!

– А что? – спросила Оксана насмешливо. – Что они выдумали?

На мгновение муж смешался, он подумал: а вдруг Оксане ничего не известно? И сейчас он сам, по своей собственной воле, признается в измене...

– Ничего, – поспешно сказал он, – никто ничего не выдумал, ничего не случилось. Ну, мы будем ужинать сегодня? Или опять ничего не приготовила?

И вот тут Оксана озверела. Она забыла, что на ней микрофон и что Олег со товарищи сейчас слышат этот, с позволения сказать, разговор. Она забыла, что с минуты на минуту у нее в квартире могут появиться бандиты, что ее жизни грозит опасность.

– Ужинать? – грозно спросила она, наступая на мужа. – Ужинать? Пускай тебя твоя черномазая дешевка ужином кормит! Или она такая тощая, что вообще не ест?

Муж понял, что Оксана полностью в курсе его походов, но неся вперед по инерции.

– О ком ты говоришь? – натурально удивился он. – Кто такая? Нету у меня таких знакомых. Как видно, он выбрал тактику полного отрицания, сделал непонимающее лицо и даже картинно пожал плечами.

– Не старайся, – устало сказала Оксана, – никто мне ничего не говорил, я сама вас видела.

– Ты? – он вылупил глаза. – Где?

– Здесь, – процедила она, – утром, когда вы выходили. А ты меня не заметил.

Надо отдать Максиму должное – он был не полный дурак. Сейчас он быстро оправился от шока и снова сменил тактику.

– Ну да, и что? – с вызовом спросил он. – Если жена где-то шляется... Ты сама дома не ночевала.

– Я была... – вспыхнула Оксана.

– Ну, у подруги, да? – издевательски рассмеялся он. – Так я и поверил! Придумала бы что-нибудь поумнее!

– Ты не понимаешь... – в голосе Оксаны прозвучала неуверенность, – я не могу тебе сказать...

И тут же разозлилась – опять он ухитрился повернуть дело так, что она оправдывается!

– Ты скотина! – закричала она. – Думаешь, я не знаю, что как только я в командировку, так ты сразу девок водишь? Специально мне звонишь, еще врешь, что скучаешь!

– А ты не ездил в командировки!

– Это моя работа...

– Ага, работа у нее, со всякими мужиками по ресторонам шастать! – Муж умело распалаял себя. – Сама же говорила, что тебе кто-то там свидание в ресторане назначил! Могла бы и не ходить!

– А если бы я не пошла, то сейчас ты бы меня хоронил! – закричала Оксана, не помня себя. – А может, тебе так и лучше? Никаких проблем, и квартира полностью твоя!

– Ну что ты говоришь! – Муж подошел к ней и взял за руки. – Эта... ну в общем, она для меня ничего не значит, понимаешь? Так просто, незначительный эпизод, наплевать и забыть...

– Ты что думаешь – мне от этого легче? – Оксана вырвала свои руки и оттолкнула его. – Нашел чем утешить!

Муж пролетел до входной двери и попал в руки вошедшего Константина. Оказывается, этот придурок даже дверь не закрыл, и бандиты спокойно вошли, как к себе домой.

– Так-так... – протянул Константин, плотоядно улыбаясь, – давно не виделись...

– Кто это? – Муж обалдело вертел головой. – Это еще что за явление? Пустите меня!

Тут всунулись в дверь Вовчик и еще один парень – тот, немногословный, который не устерег Оксану в квартире Андрея Михайловича.

– Здравствуйте! – откровенно обрадовался Вовчик, а его напарник смотрел хмуро.

– Здравствуйте, – вздохнула Оксана и незаметно прикоснулась к воротнику свитера, куда был приколот крошечный микрофон. Оставалось надеяться, что он работает и сейчас Олег слышит, что тут происходит.

– Думала сбежать от нас? – заговорил Константин. – Ошибаешься, от нас не спрячешься, мы тебя под землей найдем.

– И в воздухе... – согласилась Оксана, отчего Вовчик помрачнел и насупился.

– Может быть, мне кто-нибудь наконец объяснит, что здесь происходит? – опомнился муж. – Оксана, что эти люди делают в моей квартире?

Оксана не успела ответить. Константин передал Максима двум бандитам, а сам, не примериваясь, ткнул его в солнечное сплетение. Максим ухнул и упал бы, если бы его не подхватили сильные руки.

– Понял? – ласково спросил Константин. – Больше не спрашивай, что мы тут делаем, если не хочешь, чтобы я повторял. Хотя мы пока еще ничего такого... Вот если она не отдаст нам деньги, мы тебя нарежем на тонкие ремешки. Лапшу китайскую любишь? Вот в таком виде тебя хоронить будут.

Максиму не было так уж больно, ему было страшно. Он побледнел, капли пота стекали по щекам и с подбородка падали на пол. Он обвис в руках бандитов, как большая тряпичная кукла.

– Видишь, он все понял, – удовлетворенно сказал Костик, взглянув на Оксану, – так что решай сама. Мы его убивать, пожалуй, не будем, мы у него кое-какие детали организмаотрежем.

После такого он тебе все равно не нужен будет.

«Он мне и так не нужен, – неожиданно для себя подумала Оксана, – он мне надоел до зубного скрежета».

Она так удивилась своим мыслям, что застыла на месте, отвлекшись от событий.

Бандиты рывком подняли Максима, а Костян вынул нож и поиграл им перед его лицом.

– Не надо! – Максим задергался. – Я ничего не знаю!

– Верю, – сказал Константин, – кто же такому тюленю важное дело доверит. Ясно, она без тебя все провернула.

Оксана поняла, что пора действовать, а то они и правда сдуру Максима изуечат.

– Не трогайте его! – Она бросилась вперед, едва не напорвшись на нож Костяна. – Отпустите его, он и в самом деле ничего не знает! Максим, любимый, ты мне дороже всего на свете! Я тебя спасу! Я отдам деньги, только вы обещайте, что не причините ему вреда.

– Там видно будет... – буркнул Константин, – не в твоём положении условия ставить.

– Нет уж! – Оксана выпрямилась. – Отпусти его прямо сейчас!

Вместо ответа Костян ударил Максима кулаком в живот. Тот ухнул и обвис, как мешок.

– Видела? – прошипел Костян. – Не зли меня! Еще протянешь время – точно его по кусочкам тебе отдадим.

– Ну, хорошо... – Оксана добавила в голос трагедии, – ваша взяла... едем.

– Куда?

– Куда надо! – В последний момент она решила надеть старенькую курточку, а сумку вообще оставить дома. Если повезет и она останется жива – как-нибудь и в таком виде до дома доберется. А если нет, то на нет и суда нет.

Эти идиоты даже не спросили ее, каким образом она провернула сложную операцию. Их интересовали только деньги.

Ей только оставалось надеяться, что Олег не подведет. Она со своей стороны действовала по установленному плану.

* * *

– Это здесь. – Оксана показала на приземистое здание с круглым застекленным фронтоном, расположенное в глубине сквера.

– Это же бассейн! – подал голос Вовчик. – Я в нем как-то плавал.

– Именно! – подтвердила Оксана.

Водитель припарковал машину перед входом, вторая остановилась чуть поодаль. Вся команда выбралась наружу. Максим понуро брел под охраной двух качков.

Константин шел рядом с Оксаной, не отставая от нее ни на шаг и следя за каждым ее движением. Сквозь одежду она чувствовала холод прижатого к боку пистолета. Подходя к крыльцу, он прошипел на ухо Оксане:

– Смотри у меня, чтобы без фокусов!

Оксана в ответ только пожала плечами.

Вовчик толкнул дверь бассейна и первым вошел внутрь, остальные проследовали за ним.

Завершали процессию Максим и два его сопровождающих.

Навстречу вошедшим поднялся охранник, сидевший за барьером справа от двери:

– Ваши пропуска!

– У нас абонемент! – ответил Вовчик и продемонстрировал охраннику пистолет. – Вроде бы он не просрочен?

Охранник попятился, потянулся к телефону, но Вовчик положил ладонь на его руку и проговорил:

– Не надо! Не звони никуда, а то, сам понимаешь, придется тебе сдавать норматив по прыжкам в воду... без выныривания. Сиди на своем месте и забудь, что видел нас!

Охранник испуганно кивнул и плюхнулся обратно на свой стул. Вовчик прижал палец к губам и вместе с остальной компанией проследовал в глубь здания.

Оксана подошла к двери женской раздевалки и взглянула на Константина:

– Подожди меня здесь, мне нужно переодеться!

– Переодеться? Это еще зачем? Мы не на званый прием приехали!

– Мне нужно переодеться, потому что деньги спрятаны под водой, а я не привыкла плавать в джинсах и свитере! Так что подожди, пока я надену купальник!

– Что? – ухмыльнулся Константин. – Ты меня за кого принимаешь? Там наверняка есть второй выход!

– А тебе что, нужен шум? Это женская раздевалка, если ты еще не понял! Знаешь, какой визг поднимется, если ты туда войдешь?

– Ничего, не оглохну! – Константин ухмыльнулся и вслед за Оксаной вошел в раздевалку.

– Привет, девчонки! – проговорил он, разглядывая полуголых спортсменок.

– Ты куда вперся, козел? – завизжала пухленькая невысокая девушка, прикрывая пышную грудь. – Ты что, читать не умеешь? Это же женская раздевалка!

– А я прошу временно считать меня женщиной! – веселился Константин. – Я, может, вообще планирую операцию по перемене пола!

Сбоку от двери стояла рослая женщина лет сорока в трусиках от раздельного купальника.

Увидев Константина, она не стала визжать, но согнулась пополам, как будто прикрывая грудь, и тут же выпрямилась. В руках у нее был мусорный бачок, и этот бачок она ловким движением надела на голову Константину. Константин завертелся на месте, размахивая руками. Из бачка доносился густой мат. Та же женщина, которая надела на него бачок, примерилась и как следует пнула незадачливого гангстера пониже спины, придав ему начальное ускорение, и Константин с бачком на голове вылетел в коридор.

С разгона он врезался в противоположную стену коридора, чудом устоял на ногах и сумел наконец избавиться от бачка. Вся голова у него была в банановой и апельсиновой кожуре, в фантиках от конфет и прочих неаппетитных отгрызках. Константин встряхнул головой, чтобы избавиться от этого безобразия. На пол посыпались очистки, кожура и бумажки.

– Костян, кто это тебя так разукрасил? – сочувственно осведомился Вовчик. – Пойти разобраться с ним?

– Не надо, – ответил Константин, вынимая из-за уха упаковку от жевательной резинки. – Подождем здесь, куда она не денется, там нет другого выхода.

– А, ну тогда нормально! – кивнул Вовчик и незаметно переглянулся с остальными.

Через несколько минут из раздевалки появилась Оксана в купальнике. С интересом оглядев Константина, она усмехнулась:

– Апельсиновая кожура тебе, пожалуй, даже идет!

– Что? Где? – всполошился тот, затряс головой и оскалится. – Шутишь, да? Ну, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Веди нас к деньгам, а то разберусь с тобой и с твоим благоверным...

– Да ладно, не кипятись, будут тебе деньги! Я же тебя предупредила, незачем соваться в раздевалку...

Она пошла по коридору в ту сторону, откуда доносились плеск воды и голос тренера. Бандиты нестройными рядами тянулись за ней.

Через минуту вся компания вышла в помещение бассейна. По голубым дорожкам плавали посетители – кто кролем, кто брассом, кто саженками, в общем, кто как умел. По краю бассейна прохаживался тренер – лысый мужчина средних лет в тренировочном костюме. Увидев странную толпу, он нахмурился и начальственным голосом проговорил:

– Почему в верхней одежде? Почему в уличной обуви? Вы что, читать не умеете? Немедленно покинуть бассейн!

Константин, который был зол на весь мир после фиаско в женской раздевалке, выверился на тренера и рявкнул:

– Это вы все сейчас на фиг покинете бассейн! У нас здесь будет закрытое мероприятие, на котором присутствие посторонних не предусмотрено!

– Какое еще закрытое мероприятие? – тренер побагровел. – Ничего не знаю, у меня плановые занятия!

– Какое мероприятие? – переспросил Константин. – А мы сейчас будем тут вот эту Муму топить! – и он ткнул толстым пальцем в Оксану.

– Не понял... – пробасил тренер.

– Не понял? – переспросил Константин и вытащил из наплечной кобуры большой черный пистолет. – Для особо непонятливых могу повторить!

– Все понял! – Тренер побледнел, и его как ветром сдуло.

Через минуту бассейн опустел, в нем остались только участники «закрытого мероприятия».

– Ну, Муму. – Константин повернулся к Оксане: – Давай, твой выход! И смотри у меня, чтобы без фокусов!

– Но только как договорились, – напомнила она. – Как только получишь деньги, отпустишь Максима!

– Отпущу, отпущу! – усмехнулся бандит. – Если я чего сказал – непременно сделаю! Я за базар отвечаю!

– Ну, смотри!

Оксана подошла к краю бассейна и ловко, почти без брызг вошла в воду. Несколькими быстрыми взмахами она проплыла в глубокую часть бассейна, переместилась на крайнюю дорожку и нырнула.

Прошла почти целая минута. Бандиты зачарованно следили за поверхностью воды. Наконец раздался всплеск, и Оксана вынырнула, держа в руке темный пластиковый пакет.

– Вот деньги! – крикнула она Константину. – Отпусти Максима, как договаривались!

Бандит замешкался, и Оксана повторила:

– Отпусти его, а то утоплю деньги, и фиг ты их найдешь!

Константин все еще медлил.

– Тут внизу водозабор, – проговорила Оксана и сделала вид, что собирается выпустить мешок. – Деньги затянет в трубу, и тогда можешь с ними попрощаться! Будешь их месяц разыскивать по канализации...

– Да отпускаю я его, отпускаю! – Константин поморщился, но махнул своим подручным. Те отпустили Максима и для верности подтолкнули в спину.

Максим несколько секунд постоял в растерянности, но потом пришел в себя и бросился к двери. Как только муж исчез в служебном коридоре, Оксана бросила мешок с деньгами на край бассейна, но не рядом с бандитами, а в сторону, а сама поплыла по дорожке.

Константин бросился к мешку, поспешно развязал его и увидел чемоданчик. Открыв его и убедившись, что деньги на месте, он повернулся к бассейну.

Оксаны не было видно на поверхности воды.

– Блин, куда она подевалась? – Константин оглядел своих подручных. – Кто-нибудь видел?

Бандиты в смущении переглядывались: все столпились вокруг босса, увлеченно рассматривая обретенные деньги, и никто не заметил исчезновения девушки.

– Костян, – проговорил Вовчик. – Я тебе точно скажу – из бассейна она не вылезала, я бы заметил!

– Заметил! – огрызнулся Константин. – Ни черта бы ты не заметил! Ты бы группу захвата у себя под носом не заметил!

– Да вот же она! – один из бойцов показал на дальний край бассейна. Там из воды показалась женская фигура в ярком купальнике.

В ту же секунду прогремел выстрел, раскатившись под сводами бассейна сотней гулких отзвуков. Фигура в купальнике дернулась и обмякла, покачиваясь на поверхности вниз лицом. По воде вокруг нее расплылось красное облако.

– Кто стрелял?! – раздраженно крикнул Константин, оглядывая свое воинство. – Кто, блин, стрелял без команды?

Бандиты переглядывались, пожимали плечами.

Вдруг в дальнем конце помещения раздались быстрые шаги, и усиленный мегафоном голос прокричал:

– Всем сложить оружие и стоять с поднятыми руками!

– ОМОН! – испуганно вскрикнул Вовчик. – Уходим! Зря ты, Костян, насчет группы захвата высказался! Сглазил, блин! Не иначе, этот урод-охранник их вызвал!

– Повторяю, всем сложить оружие и поднять руки! При отказе подчиниться будем стрелять на поражение!

– Ага, так мы и сдались, ищи дураков! – прошипел Константин и скомандовал: – Уходим, пацаны! Черт с ней, с девкой этой, все равно ее надо было пришить!

Бандиты, пригибаясь и отстреливаясь, перебежками бросились к служебному выходу. Вслед им несколько раз выстрелили, но серьезного преследования не было.

Когда бандиты разбежались и стрельба стихла, человек с мегафоном вышел из укрытия в сопровождении нескольких бойцов в черной униформе, подошел к краю бассейна и пригляделся к покачивающейся на воде женской фигуре.

– Что-то не то... – проговорил он. – Агафонов, ну-ка, достань потерпевшую!

Один из омовцев положил на бортик автомат и прямо в одежде прыгнул в воду. Подплыв к безжизненному телу, он перевернул его. Все присутствующие увидели кое-как прорисованные, широко открытые глаза, поднятые брови и яркие губы бантиком.

– Кукла! – удивленно проговорил командир группы. – Резиновая кукла из секс-шопа!

С вечера на городской площади стучали топоры плотников. Горожане сидели по домам, а если приходилось выйти, стороной обходили площадь. Все знали, что там плотники сколачивают помост для завтрашней казни.

Наутро, однако, любопытство взяло верх над страхом, и с раннего утра начали собираться зрители.

К полудню на площади появился епископ в праздничном облачении, окруженный приближенными. Наконец, скромно опустив глаза, вышел брат Бернар в грубом монашеском плаще. За ним четверо ландскнехтов вели фрау Ситтов.

Простоволосая, в разорванном платье, она шла, спотыкаясь и испуганно оглядываясь по сторонам. На груди у нее висела дощечка, на которой крупными буквами было начертано: «Я – ведьма».

Горожане расступались перед скорбной процессией, перешептывались за спиной Маргариты. Фрау Визель плюнула ей вслед, но никто ее не поддержал.

Наконец Маргариту ввели на помост, привязали к столбу. Подручные палача сложили у ее ног вязанки хвороста.

Когда все было готово для казни, брат Бернар поднялся на помост и обратился к Маргарите:

– Последний раз призываю тебя, прими протянутую руку матери нашей католической церкви, признайся в том, что ты вступила в греховное сношение с дьяволом, в том, что посещала шабаш, совершала мерзкие сатанинские обряды! Признайся в том, что вредила честным христианам, своим почтенным соседям, вызывая грозу и неурожай, наводя порчу на них самих и на их скот!

Маргарита подняла бледное, заплаканное лицо и проговорила:

– Мне не в чем признаваться, святой отец! Я не совершала того, о чем ты говоришь! Я добрая христианка, воспитанная в истинной вере, я исправно посещала исповедь, принимала причастие...

– Ты осквернила причастие своими греховными устами! – воскликнул инквизитор. – Ты недостойна поминать самое имя Божие! Церковь милостива – но ты недостойна милости! Ты не хочешь каяться – так нет же тебе прощения!

Инквизитор повернулся к епископу и проговорил смиренным голосом:

– Еретичка не желает раскаиваться. Церковь в моем лице отступает от нее и передает в руки светской власти. Церковь бесконечно милостива и не казнит даже злостных еретиков, но светская власть должна строго наказывать их, дабы своевременно искоренить сию заразу, пока не вошли обильные всходы среди нашей паствы!

С этими словами он сошел с помоста, а епископ, повернувшись к палачу, подал ему знак.

Палач, который на протяжении речи инквизитора стоял в стороне, взял заготовленный факел, зажег его кресалом, поднялся на помост и поднес пламя к хворосту.

Зрители как зачарованные следили за происходящим.

Пламя в одно мгновение охватило хворост. Маргарита закричала от боли, лицо ее исказила страшная судорога. Из пламени донесся ее жалобный голос:

– Святая Урсула, спаси меня! Небесная моя заступница...

Это были последние ее слова: Маргарита задохнулась дымом, уронила голову на грудь и замолкла.

В центре Петербурга, неподалеку от Литейного моста, стоит большое мрачное здание, известное всему городу. На третьем этаже этого здания, на той его стороне, которая обращена окнами к Неве, расположены большие, внушительные кабинеты. В каждом из этих кабинетов непременно имеется огромный стол, за которым свободно могут разместиться двенадцать – пятнадцать человек. На каждом таком столе стоит несколько старомодных телефонов. Казалось бы, в наше время ни к чему иметь у себя на столе так много аппаратов – вполне достаточно одного современного многоканального коммуникатора. Однако традиция есть традиция, и обитатели этих кабинетов сохранили старые громоздкие аппараты, каждый из которых предназначен для определенного вида переговоров.

В одном из этих кабинетов зазвонил телефон.

Хозяин кабинета, мрачный мужчина лет пятидесяти с тяжелым подбородком и гладко зачесанными назад седеющими волосами, оглядел выстроившиеся в ряд телефоны и убедился, что ни один из них не звонил. Не звонил ни старомодный бежевый телефон, предназначенный для разговоров с непосредственным начальником, ни зеленый, по которому время от времени генерал разговаривал с начальником рангом повыше, ни черный, по которому чрезвычайно редко звонил очень большой начальник, ни красный, по которому звонили всего два раза за всю карьеру генерала и по которому генерал разговаривал исключительно стоя.

Убедившись, что ни один из этих телефонов не звонил, генерал выдвинул ящик стола и достал оттуда мобильный телефон, предназначенный для весьма специфических разговоров. Поднеся этот телефон к уху, он услышал знакомый голос.

– Это я, Михаил Степанович! – подобострастно проговорил голос в трубке. – Нужно встретиться!

– Ты решил проблему? – строго осведомился генерал.

– Так точно! Поэтому и прошу вас о встрече... если можно, прямо сейчас...

– Можно, можно, – голос генерала потеплел. – Ты же знаешь, для тебя я всегда найду минутку... где встретимся?

– Точка номер четыре, – отозвался голос, и в трубке раздался сигнал отбоя.

Генерал встал из-за стола, подошел к шкафу, надел плащ, шляпу и вышел из кабинета.

Секретарь – солидная, серьезная женщина не первой молодости – не задала ему никаких вопросов, только взглянула выжидательно – не будет ли каких указаний.

Вместо ответа генерал показал пальцем вверх, давая понять, что едет на встречу с каким-то большим начальством.

– Огурцова вызвать? – осведомилась секретарша.

Огурцов был личный водитель генерала, который постоянно дежурил в гараже.

– Сам поведу, – ответил генерал и вышел в коридор.

Он спустился на первый этаж, но не свернул налево, к гаражу управления, а вышел в переулочек и прошел пешком до угла. Здесь, на стоянке рядом с кондитерским магазином, стояла неприметная машина, которую генерал использовал в тех случаях, когда не хотел, чтобы кто-то узнал, куда он едет.

Генерал по профессиональной привычке внимательно огляделся, не заметил ничего подозрительного, сел за руль и поехал в сторону Таврического сада.

Здесь он сделал несколько кругов, убедился, что хвоста за ним нет, и только тогда свернул в переулочек неподалеку от музея Суворова.

Проехав по этому переулочку метров сто, он увидел черную «тойоту» и припарковался рядом с ней.

Тут же из «тойоты» выскочил полноватый мужчина в позолоченных очках, похожий на сытого кота, и пересел в машину генерала.

– Здравствуйте, Михаил Степанович! – проговорил он подобострастно. – Вот они...

С этими словами он поставил на сиденье рядом с генералом скромный чемоданчик.

– Слежки за тобой не было? – осведомился генерал скорее по профессиональной привычке.

– Обижаете, Михаил Степанович! – Мужчина в очках тонко улыбнулся. – Я себе не враг!

– Это хорошо, что не враг! – Генерал привычно огляделся по сторонам и не выдержал, щелкнул замком, открыл чемоданчик. Увидев аккуратно сложенные пачки, поднял верхнюю, взвесил на ладони, положил обратно, закрыл.

– Все за собой прибрал? – осведомился, строго нахмутив брови.

– Конечно...

– А как эта... Пескарева... Плотвицына...

– Карасева, – вежливо поправил собеседник. – Извините, Михаил Степанович, погибла на финальной стадии. Прямого приказа не было, но так сложились обстоятельства...

– Ну, это даже хорошо, – генерал чуть заметно улыбнулся. – Как говорится, нет человека – нет проблемы...

– Я тоже так считаю, – позволил себе добавить человек в очках, хотя в этом не было необходимости.

– С ее... гибелью не будет никаких вопросов? – сдержанно осведомился генерал.

– Михаил Степанович, вы же меня знаете... Если даже вопросы возникают, я их решаю... это моя работа... Будут еще какие-то распоряжения?

Генерал не успел ничего ответить.

Внезапно в переулок на недопустимо большой скорости влетели три черных джипа, взыв тормозами, остановились так, чтобы со всех сторон заблокировать машину генерала. Дверцы джипов распахнулись, из них высыпали рослые парни в черной униформе.

– Это еще что такое? – Генерал подозрительно взглянул на своего собеседника.

– Понятия не имею... – Тот явно был напуган, глаза за стеклами очков побелели от страха, щеки тряслись.

– Выйти из машины! – скомандовал один из людей в униформе.

– Что значит – выйти?! – рявкнул генерал. – Вы, блин, знаете, кто я такой?

– Выйти из машины, или мы открываем огонь на поражение! – повторил боец.

Человек в золоченых очках что-то испуганно пискнул и выскочил наружу, заложив руки за голову. Его тут же втолкнули в один из черных джипов.

– Теперь вы! – спецназовец обратился к генералу.

– Свяжись с управлением!.. – проговорил тот раздраженно. – Позвони в управление! Тебе там объяснят!

– Зачем звонить? – К машине подошел невысокий лысоватый мужчина средних лет, в мятом костюме. – Я здесь!

– Это ты, Алексей Петрович? – Генерал едва заметно побледнел, но постарался изобразить на лице радость. – Ну, слава богу, ты объяснишь этим придуркам, кто я такой!

– А зачем им это объяснять? – Лысый наклонил голову, блеснул глазами. – Думаешь, они не знают?

– А тогда что это все значит?

– Это значит, Николай Иванович, что игра закончена.

– Игра? – Генерал побледнел еще сильнее. – Какая игра? О чем ты говоришь? Мы взрослые люди!

– Это точно – взрослые, – лысый кивнул. – А знаешь, чем взрослые люди отличаются от детей или подростков?

Генерал молчал. Впрочем, его собеседник и не ждал ответа.

– Тем, Николай Иванович, что взрослые люди знают, что когда-нибудь им придется отвечать за свои поступки. Так вот, Николай Иванович, для тебя это время уже пришло.

– Не понимаю, Алексей Петрович, о чем ты говоришь, – генерал опустил глаза.

– Очень даже понимаешь! – Лысый нахмурился. – Как насчет твоих делишек с Панкратовым? – Он бросил взгляд на машину, в которую увели человека в золоченых очках.

– Я этого человека вообще первый раз вижу! – бубнил генерал. – Понятия не имею, кто он такой... подсел ко мне в машину, спрашивал, как проехать к Дому архитекторов...

– К Дому архитекторов? – насмешливо переспросил Алексей Петрович. – На архитектора ты не тянешь, больше походишь на клоуна!

Генерал насутился.

– Первый раз видишь? – Алексей Петрович усмехнулся. – Думаю, Панкратов на этот счет даст другие показания. После того как мы с ним поработаем. Он человек сговорчивый. Особенно когда поймет, что больше его никто не прикроет. – Он помолчал немного и добавил с интересом: – А чемоданчик у тебя откуда?

– Чемоданчик? – Генерал удивленно взглянул на кейс, валяющийся на сиденье машины. – Понятия не имею, что это за чемоданчик... это, наверное, он оставил...

– Вот как? И что в этом чемоданчике – тоже не знаешь?

– Естественно! – В голосе генерала зазвучала прежняя уверенность. – Откуда мне знать, что в нем, если это не мой чемодан? Мне это даже странно слышать...

– Соловьев! – Алексей Петрович оглянулся, к нему тут же подошел человек в униформе и маске, с небольшим прибором в руках. – Соловьев, проверь!

Спецназовец приблизился к генералу, поднес свой прибор к его рукам.

Прибор громко затрещал.

– Что и требовалось доказать! – Алексей Петрович развел руками. – У тебя на руках обнаружены отчетливые следы изотопа натрия двадцать два, которым были помечены те деньги... сам знаешь какие! Так что ты не сможешь отвертеться...

Генерал замолчал, выпучив глаза и хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

– Все, Николай Иванович, игра закончена, веди себя как взрослый человек и постарайся сохранить лицо!

* * *

Оксану привез домой из бассейна незнакомый мужчина, потому что Олег был занят. Всю дорогу водитель помалкивал и даже не смотрел в ее сторону. Выходя из машины, она вспомнила, что ключи остались дома. Молчаливый мужчина усмехнулся и пошел с ней. Возле двери он покопался минуты две, и она открылась.

– Ловко вы! – не удержалась Оксана.

Он по-прежнему молча приложил два пальца к виску и ушел, не оглядываясь.

Оксана вошла в квартиру и без сил опустилась на пуфик в прихожей. Ее окружала тишина.

Тишина была недобрая, да еще и пахло как-то неприятно. Оксана огляделась.

В прихожей был жуткий беспорядок. Пол загоптан, пакеты с едой разорваны, и все перемешалось – остатки пирожных, острый томатный соус и еще что-то, крайне неаппетитное. Баночки с салатами раскрылись, и все содержимое валялось тут же. В общем, ароматы в квартире витали не слишком свежие.

Оксана застонала в голос. Хотелось улечься в горячую ванну с ароматной пеной, и чтобы никто не мешал. А потом выйти, и чтобы на столе стоял горячий ужин. Можно без изысков и свечей – просто хорошую порцию картошки с мясом или яичницу с помидорами. Пирог, что печет свекровь, тоже подойдут...

Но, однако, никто ничего подобного ей не приготовил, так что следует собраться с силами и самой себе помочь. Господи, ну и жизнь у нее в последнее время!

Она кое-как разгребла завалы в прихожей, проветрила комнаты, распахала по шкафам разбросанные одежду и обувь. На кухне тоже была жуткая грязь, в спальне на шелковом покрывале чернел след огромного ботинка, не меньше сорок пятого размера. Вроде бы туда никто из бандитов не ходил, когда же они успели?

И вот когда Оксана открыла краны в ванной, чтобы напустить воды, в замке входной двери снова заскрежетал ключ. Не помня себя от страха, она выскочила в прихожую и столкнулась с мужем.

– Ты? – выдохнула она. – Фу, черт, напугал как!

– Санка, ты жива? – он прижал руки к сердцу. – Как я рад!

– Да что ты? – прищурилась она. – Правда?

– Оксана, нам надо серьезно поговорить! – Он широкими шагами пересек прихожую и подошел к ней.

На нем была незнакомая старая куртка, явно меньшего размера, чем нужно, и руки торчали из рукавов. Один глаз распух, под ним просматривался багровый синяк.

– Где ты был? – хмуро спросила Оксана.

Надежда на полтора часа блаженства, проведенные в ванне, стремительно таяла.

– У мамы, я заехал к ней за ключами, и вот... – Он снял куртку. – Санка, я много думал над тем, что с нами произошло, – начал он, – и понял, что все наши разногласия ничто по сравнению с тем, что могло случиться. Ведь мы могли погибнуть!

– Ты называешь своих девиц разногласиями? – спросила Оксана по инерции, в принципе она была с мужем согласна – по сравнению со смертью все это ерунда.

– Оставь, ты знаешь, что я прав! – отмахнулся он. – И я призываю тебя все забыть! И начать новую жизнь! Как говорится, с чистого листа! Санка, я знаю, что ты меня любишь! Ты спасла мне жизнь! Ты рисковала ради меня! Я так тронут...

Он взял ее за руку и демонстративно поцеловал. Еще и чмокнул. Звук получился очень неприятный.

Оксана молчала, внимательно разглядывая крошечную плешку у него на затылке. Ну надо же, уже появилась. Всего-то размером с копейку, а видно.

– Но должен тебе сказать, – продолжал муж, – ты тоже хороша. Что-то с тобой все время случается, где-то ты ходишь, то попадаешь на два дня, то опаздываешь, то дома не ночуешь.

Конечно, я не про сегодняшние события говорю, – заторопился он, видя, что Оксана хмуро сдвинула брови, – я вообще...

– Что – вообще? – деревянным голосом спросила она. – Что ты имеешь в виду?

– Ну... эти твои командировки... и мама тоже так считает...

– Ты обсуждаешь нашу жизнь с мамой? – полнобопытствовала Оксана. – А она в курсе твоих гулянок?

– В курсе... – он опустил глаза, – и она не одобряет...

Оксана сжала зубы – похоже, о его похождениях знали все, кроме жены. Ну, уж это как водится.

– Мама считает, что ты должна больше времени уделять семье, – разливался муж, – эти командировки до добра не доведут... ведь семья – это самое важное в жизни...

Оксане захотелось стукнуть его по затылку и потом доходчиво объяснить, что это ее работа, что она очень старалась, чтобы достичь своего нынешнего положения, и не собирается все бросать только потому, что его мама так считает. Но она вовремя сообразила, что снова они ввяжутся в долгий скандал и ничего путного из этого не выйдет.

– Скажи, пожалуйста, – перебила она мужа, – а тебе совсем неинтересно узнать, что же случилось? Кто эти люди, что тебя били, и о каких деньгах шла речь? И что же произошло в поезде?

– Я уже сказал тебе, что не хочу об этом слушать! – взвизгнул он. – Хватит разговоров! Я хочу все забыть! И начать новую жизнь! С чистого листа...

– Не получится, – вздохнула Оксана, – я не хочу.

– Как?

– А вот так. Мне с тобой неинтересно, – сказав эти слова, она поняла, что они – чистая правда.

Ей давно уже скучно с мужем, и даже многочисленные ее командировки – это способ как можно меньше быть с ним рядом. С ним невозможно разговаривать о серьезных вещах, он сразу отмахивается или уходит от ответа. Даже так: он просто не слышит ее вопросов. Он не интересуется ее работой, ну это-то как раз понятно. Но о своих делах он тоже никогда не рассказывает, у него железное правило: вышел из офиса – и выбросил все служебные проблемы из головы. Добро бы занимался в нерабочее время чем-нибудь полезным – писал, читал, язык учил. Ничего этого нет, так почему он так боится перегрузить голову?

В общем, ей давно уже стало ясно, что муж не то чтобы глупый, но неинтересный, поверхностный, пустой человек. И его измены – последняя капля.

– Собирай вещи и уходи, – сказала она устало, – потом разберемся с квартирой. Больше у нас ничего общего нет. Иди куда хочешь – хоть к маме, хоть к своей кривоногой селедке, мне все равно.

– Ты не смеешь выгонять меня из собственного дома! – мгновенно разъярился муж.

И тут Оксана ощутила, что в их разговоры вклинились какие-то посторонние звуки. Ровный шум, плеск и чавканье, почему-то напомнившие ей утро на морском берегу. Для полного правдоподобия не хватало только хриплых криков чаек.

Она повертела головой. Звуки раздавались из ванной.

– Вода! – закричала она и бросилась туда.

Распахнув дверь, она поняла, что сделала это зря, потому что вода бурным потоком радостно устремилась в прихожую. Поскольку пол в ванной был поднят, то на пороге образовался даже небольшой водопад. По воде плыли клочья пены, как маленькие айсберги среди бурного океана. Поток немедленно подхватил тапочки из прихожей, Оксана же босиком прыгнула в ванную комнату. В самой ванне был полный кошмар. Пена, которую Оксана плеснула щедрой рукой, поднялась едва ли не до потолка. А вода все прибывала.

– Скотина! – заорала Оксана. – Все из-за тебя! Нашел время для разговора! Убирайся немедленно, пока я тебя не утопила!

– И не подумай! Эта квартира такая же моя, как и твоя... – Муж попытался увернуться от прибывающей воды, не удержался на скользком полу и шлепнулся в лужу.

– Да? – вкрадчиво спросила Оксана, кипя от ярости. – А ты видел, какие у меня знакомые? Не хочешь ли повторения сегодняшнего инцидента? Если не уберешься через полчаса – звоню Костяну!

Ее блеф вполне удался – когда через сорок минут она вышла из ванной, мокрая и злая после борьбы с разбушевавшейся стихией, мужа в квартире не было.

Она наскоро приняла душ и с трудом услышала, как заливается телефон. Звонил Олег.

– Ты в порядке? – осведомился он.
– Ну, как тебе сказать... А ты просто так интересуешься или у тебя предложение?
– Предложение! – обрадовался он. – Я освободился, так что хочу тебя пригласить в ресторан.
– По делу? – подозрительно спросила Оксана.
– Нет, просто так... Поговорить и вообще поесть...
– Поесть? – оживилась Оксана. – Я согласна!
Свет, музыка, предупредительные официанты, бокал хорошего вина – то, что ей надо в данную минуту.
Она сумела привести себя в надлежащий вид за полчаса. Не каждая женщина на такое способна!

* * *

Выйдя из дома, Оксана на мгновение растерялась.
Поймать такси или частного извозчика?
Она вспомнила, чем такая попытка закончилась для нее в прошлый раз... тогда она сама села в машину к бандитам, и ей в итоге едва удалось унести ноги!
Но ехать в ресторан на общественном транспорте тоже не хотелось. Не то настроение.
«Да что за дела! – подумала она, решительно подняв руку. – Мои неприятности кончились! Если на то пошло, та женщина, которой я была до вчерашнего дня, вообще убита в бассейне, а я стала совершенно другим человеком!»
Рядом с ней тут же остановилась приличная иномарка, водитель выскочил, предупредительно распахнул дверь и всю дорогу рассыпался мелким бесом, говорил комплименты и поглядывал с откровенным мужским интересом.
«Наверное, я и правда неплохо выгляжу...» – подумала Оксана и взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида.
И правда, золотистые волосы лежали красивой волной, как будто она только что побывала в дорогой парикмахерской, глаза сияли, как августовские звезды.
Водитель высадил ее возле ресторана и неохотно уехал.
Чернокожий швейцар в красном камзоле распахнул перед Оксаной дверь. За дверью ее тут же перехватил метрдотель, узнал, что ее ждут, и проводил к столику Олега.
Олег поднялся навстречу, и Оксана с удовольствием отметила, как заблестели его глаза.
– Ну, и что ты со мной хотел обсудить? – спросила она, устроившись на удобном диванчике и поигрывая краем скатерти.
Олег смущенно потупился, как подросток, и проговорил:
– Ну, во первых, я хотел тебя поблагодарить. Я свою операцию успешно завершил, и в значительной мере – благодаря тебе. Так что я тебе очень обязан, и если я могу тебе чем-то помочь...
– Рада стараться, – усмехнулась Оксана, но тут же посерьезнела: – Слушай, если у тебя такие большие возможности, можешь ты сделать так, чтобы от меня все отстали – и полиция, и Контора, и твоя организация, ну и бандиты, конечно...
– Ну, на этот счет ты можешь быть спокойна. Моя организация тобой и не занималась, ты попала в ее поле зрения совершенно случайно. Полиция не посмеет к тебе сунуться, потому что твое дело у них забрала Контора, а там тот тип, которого называли Михаилом Степановичем, сделал так, чтобы тебя вычеркнули из всех списков. Не было тебя в том поезде, ясно? А бандитам сейчас не до того, у них земля под ногами горит, с минуты на минуту их всех арестуют, кроме того, после эпизода в бассейне они уверены, что ты погибла.
– А все же выяснилось, кто на самом деле устроил взрыв в поезде? – поинтересовалась Оксана. – Кто и зачем?
– Насколько я знаю, нет. – Олег чуть заметно помрачнел. – Полиция уверена, что целью взрыва был вице-губернатор Туманов, разрабатывает тех, у кого с ним могли быть конфликты интересов. Пока, насколько я знаю, безуспешно. Наша организация этим делом не занимается. Конторе тоже не до того, у них там такие пертурбации... Так что, боюсь, никто не узнает истинных причин этого происшествия... Знаешь, как много преступлений так и остаются нераскрытыми? Я тебе советую забыть о той поездке и жить дальше...
– Жить дальше, как будто ничего не произошло? Люди же погибли, ни в чем не повинные люди!

– А что ты можешь сделать? – Олег заглянул ей в глаза. – Знаешь, если пропускать через себя все, что происходит вокруг, – жить невозможно будет! Все равно мы с тобой не можем ничего сделать! Полиция отработала все улики...

Оксана отметила вырвавшееся у него «мы с тобой», но не отвлеклась – у нее были к Олегу другие, более важные вопросы.

– А они выяснили, кто был тот человек, который подвез меня к поезду? Ну, тот, который назвался Андреем Логиновым?

– Да они его и не очень искали. Кроме тебя, его никто не видел, а твои показания они посчитали сомнительными.

– Но ты-то мне веришь? – воскликнула Оксана. – Ты не думаешь, что я его придумала?

– Конечно, верю! – Олег положил ладонь на ее руку. – Не волнуйся так! Я тебе верю, но будет лучше, если ты не будешь об этом вспоминать, а то полиция снова тобой заинтересуется. Все равно никаких зацепок у нас с тобой нет...

Оксана опять отметила это «у нас с тобой». Это было, пожалуй, приятно, но тут она вспомнила Валентину, свою соседку по купе. Жила на свете приятная, симпатичная женщина, никому вроде бы не делала зла... неужели тот, кто ее убил, останется безнаказанным?

– Неужели нельзя его отыскать? – не сдавалась Оксана.

– А как? – Олег развел руками. – У нас совершенно ничего нет, никаких его следов!

– Я могу его описать... – проговорила Оксана неуверенно. – Ему лет двадцать семь – двадцать восемь, он среднего роста, лицо такое... обыкновенное... но он очень обаятельный. Улыбка хорошая, располагающая...

Она замолчала, почувствовав, насколько неубедительно это звучит.

– Вот видишь? – подхватил Олег. – Рост средний, лицо самое обыкновенное, улыбка... Что улыбка? Ты можешь представить, сколько тысяч людей в Москве подходят под твоё описание? А он, может быть, и не москвич... может, он живет в Петербурге или вообще в другом конце страны...

– Так что же выходит? Он так и останется безнаказанным? Люди погибли, и ему все сойдет с рук?

Оксана попыталась проанализировать свои чувства.

Пожалуй, ее бесило не только то, что из-за этого неизвестного человека погибли люди, но еще и то, что он использовал ее саму как бессловесное орудие своего преступления, подсунул бомбу в ее сумку и так все подстроил, чтобы свалить на нее вину...

– У нас нет никаких зацепок! – повторил Олег. – Мы даже не знаем, кто был целью его взрыва. Скорее всего, это был не Туманов, наверняка не курьеры с криминальными деньгами, потому что про эти деньги он вообще не знал...

– А кто же тогда? – растерянно протянула Оксана. – Остаюсь только я... и еще моя соседка Валентина. Но меня он нарочно выманил из купе, значит...

В глазах Олега она увидела легкое недовольство. Еще бы – он выполнил сложнейшую операцию и теперь хочет провести приятный вечер в хорошем ресторане с красивой женщиной. Поесть, вина выпить, музыку хорошую послушать, может быть, слегка пофлиртовать. А вместо этого снова нужно ломать голову над проблемами, которые к нему не относятся.

Но Оксана была женщиной твердой, такая мелочь, как недовольство в глазах собеседника, не могла ее остановить.

– А что ты знаешь про эту Валентину? – спросила она после паузы. – Ты ведь наверняка наводил справки обо всех пассажирах нашего вагона, и о ней в том числе...

– Вряд ли она для кого-то представляла интерес, – неохотно ответил Олег. – Лесневская Валентина Михайловна, возраст, кажется, сорок пять или сорок семь лет. Обычная женщина, довольно обеспеченная, была замужем за бизнесменом средней руки, несколько лет назад развелась, получала от него приличное содержание, жила в большой квартире в центре Петербурга, для души занималась художественной фотографией...

– Может быть, муж ее заказал, чтобы не платить? Или чтобы завладеть квартирой?

– Ерунда! Квартира в ее полной собственности, бывший муж в случае ее смерти на нее никаких прав не имеет. Содержание приличное, но вполне ему по средствам. Оплатить такое сложное покушение получится гораздо дороже, не говоря уже о том, какой это риск!

Оксана снова вспомнила Валентину. Ее жизнь, спокойная и налаженная, внезапно оборвалась, и ничего от нее не осталось, кроме... кроме мобильного телефона.

Оксана вспомнила, что телефон этот так и валялся у нее в сумке.

– А ты можешь что-то узнать по этому телефону? – спросила Оксана, положив на стол перед Олегом мобильник Валентины.

– А что это за телефон? – Олег взял аппарат в руки, искоса взглянул на Оксану.

На этот раз взгляд Олега был профессиональный, пристальный и настороженный. Он видел перед собой не красивую женщину, к которой питал несомненный мужской интерес, а ценного свидетеля.

– Это телефон той женщины, Валентины.

– А как он оказался у тебя?

– Мы с ней случайно поменялись телефонами, и я это не сразу заметила. То есть я прихватила ее мобильник, он той же марки и внешне похож. А мой остался в кармане пальто и сгорел там, в вагоне... А потом началась вся эта заварушка, и мне было уже не до телефона. Только он выключен, а пин-кода я не знаю...

– Ну, это-то не проблема! Мобильный телефон – это электронное устройство, и взломать пин-код для человека знающего не представляет большого труда...

Олег на минуту задумался, покрутил телефон, достал из кармана свой собственный, соединил телефоны проводком, какое-то время поколдовал и поднял глаза на Оксану:

– Ну вот, я его вскрыл. Как видишь, это не заняло много времени. И что теперь с ним делать?

Оксана потыкала в кнопки, просмотрела длинный список непринятых вызовов. Один встречался особенно часто, но номер ничего ей не говорил.

– Давай посмотрим ее сообщения, – предложил Олег. – Может быть, хотя бы выясним, зачем Валентина ездила в Москву.

Они сдвинули головы и принялись просматривать сообщения, начиная с конца, то есть с даты роковой поездки.

И почти сразу нашли входящее сообщение, подписанное неким Владимиром Кусковым.

Сообщение было весьма лаконичное:

«Садовая-Каретная, дом двадцать четыре, офис двенадцать».

– Удачно, – пробормотал Олег. – Это сообщение отправлено накануне, наверняка именно по этому адресу ездила Валентина. Сейчас мы посмотрим, что это такое...

Он снова достал свой телефон, вышел в Интернет и меньше чем через минуту показал Оксане результат поиска.

По указанному в сообщении адресу находилась юридическая фирма «Кусков, Сахаров и партнеры».

– Кстати, довольно солидная фирма, – сообщил Олег, – и Владимир Кусков, подписавший сообщение, – ее старший партнер.

– И что это значит?

– Это значит, что Валентина ездила в Москву по какому-то серьезному делу, общалась там с главой известной юридической фирмы. И то, что на обратном пути ее убивают, вполне может быть связано с тем, из-за чего она ездила.

Оксана вспомнила, какой довольной выглядела Валентина, видно, дело, по которому она ездила, разрешилось удачно.

– А можно как-нибудь узнать, что это за дело?

– Почему же нет? Только, я думаю, заниматься этим лучше в другом месте. В этом ресторане не вполне подходящая обстановка. Еще манипуляции с мобильным телефоном сойдут нам с рук, но если я прямо здесь устроюсь работать за компьютером, – нас могут не понять. Тем более что здесь очень хорошая кухня, а мы на нее не обращаем должного внимания. Боюсь, что если об этом узнает шеф-повар, он сделает себе хакакири. Он ведь у них японец, его переманили из крупного отеля в Киото.

– Откуда ты знаешь? – по инерции спросила Оксана. – Ты же не живешь в нашем городе...

– Я много всякого знаю, – он улыбнулся.

Оксана улыбнулась в ответ и посмотрела на него через стол. Наконец-то она запомнит его лицо. Хорошее лицо, взгляд прямой и открытый. И вообще он симпатичный. Он ей нравится.

Тут же в голове возник чужой скрипучий голос: «Ты его совсем не знаешь!»

«Ну и что, – ответила ему Оксана, – мужа я слишком хорошо знала, и все равно ничего у нас не вышло».

– Вы готовы? – у столика стоял официант и глядел вопросительно.

– Давно готовы! – весело сказал Олег. – Что это такое – вроде приличный ресторан, а никого не дозовешься!

– Что ты вертишься у меня под ногами! – Служанка, старая Клара, помешала суп, отставила его с огня и вытерла пот тыльной стороной руки. – Пошла бы на улицу, поиграла с другими детьми! Маленькая Рената испуганно покосилась на служанку, но та вытерла руки о передник, подтолкнула девочку к задней двери и повторила:

– Иди, иди, погуляй до обеда! У меня еще много дел, некогда с тобой заниматься!

Рената вышла в переулок, прижимая к себе тряпичную куклу, огляделась по сторонам. Возле церкви плотник Михель со своими подмастерьями разбирал помост. С той стороны страшно пахло горелой плотью. Рената тихонько всхлинула, но не стала плакать. Она закусил губу, еще теснее прижала к себе куклу и прошептала ей на ухо:

– Мы не будем плакать, Мицци! Мамочка не любила, когда мы с тобой плачем! Мы пойдем играть с другими детьми!

Она повернула в проулок, который вел к дому молочника Мюллера. Там, в этом проулке, сидели на бревнах две дочери молочника, сын аптекаря Томас и еще трое ребятшек. Они что-то сооружали из щепок и палочек, весело смеялись.

Рената подошла поближе, вытянула шею, чтобы посмотреть, во что играют дети.

Ева, старшая дочь молочника, заметила ее и показала пальцем:

– Вот она! Ведьмино отродье!

– Ведьмино отродье, ведьмино отродье! – подхватили остальные.

– Это неправда! – выкрикнула Рената, отступив к поленице. – Бог вас накажет за такие слова!

– Как же неправда, когда твоя мать ведьма? – язвительно проговорил Томас и подбежал к Ренате. – Ее сожгли за колдовство, я сам видел! Отец не пускал меня к церкви, но я пробрался к дому господина нотариуса и видел все через забор!

– Это неправда! – повторила Рената и взглянула на свою куклу, призывая ее в свидетели. – Моя мамочка сейчас на небесах, она видит меня оттуда и не даст в обиду!

– На небесах! – Томас громко захохотал. – В аду твоя мать! Черти колют ее вилами!

– Ты врешь, врешь! – Рената хотела заплакать, но вовремя удержалась, вспомнив свой уговор с куклой, и еще немного отступила.

– Говоришь, мать не даст тебя в обиду? – Томас подскочил еще ближе, ткнул Ренату грязным кулачком, высунул язык. – Ну-ка, пускай она за тебя вступится!..

Остальные дети подошли к ним и с интересом следили за происходящим.

– Мамочка, помоги мне... – едва слышно пролепетала Рената, оглядываясь по сторонам. Со всех сторон ее окружали злые, веселые детские глаза.

– Ну и где же твоя мамочка? – не унимался Томас. – Что-то она не спешит к тебе на помощь!

Вдруг он подскочил совсем близко и выхватил у Ренаты ее куклу.

– Отдай! – всхлинула девочка. – Отдай мне мою Мицци!

– А ты позови как следует свою мать! – выкрикнул Томас, кривляясь и размахивая куклой. – Ведьмино отродье, ведьмино отродье!

– Ведьмино отродье! – подхватили остальные дети, кружась вокруг Ренаты хороводом.

– Отдайте мне Мицци... – умоляла Рената.

На глазах ее выступили слезы, что привело Томаса в настоящий восторг.

– Она ревет! – визжал он радостно. – Ведьмино отродье ревет! А я знаю, что мы сделаем с ее куклой...

– Что? Что? – кричали остальные дети, с радостным ожиданием окружив Томаса.

– Нам как раз не хватало ведьмы, чтобы поиграть в казнь! Так вот она, ведьма! Настоящая ведьма!

– Настоящая ведьма! – подхватили все и бросились к бревнам, туда, где они что-то строили, когда пришла Рената.

Про саму Ренату они забыли, увлеченные новой идеей, но девочка плелась следом, надеясь вернуть любимую куклу.

Только теперь она разглядела, во что играли дети, что они строили.

На вытопанной земле возле бревен из щепок и палочек были сооружены эшафот и помост для казни. Вокруг воткнутой в помост палочки, как вокруг позорного столба, была собрана кучка соломы и щепок для маленького костра.

Томас поставил куклу Ренаты к игрушечному столбу, привязал ее обрывками веревочек, достал из кармана широких штанов кремень и кресало.

– Во имя Отца и Сына... – проговорил он гнусавым голосом, подражая инквизитору, – мы казним эту куклу, виновную в колдовстве и сговоре с дьяволом, дабы спасти ее душу и вернуть в лоно Церкви. Да будет с нами милость Божья...

– Не надо! – взмолилась Рената и бросилась к игрушечному помосту, чтобы спасти свою куклу, вырвать ее из рук маленького палача. Но Ева, дочь молочника, подставила ей ножку. Рената шлепнулась в грязь, вокруг нее раздался дружный хохот.

Размазывая по лицу грязь и слезы, Рената поднялась на ноги.

Томас тем временем уже высек искру, солома занялась, и игрушечный костер ярко вспыхнул. Рената не сводила глаз со своей куклы.

Мицци мгновенно охватило пламенем. Девочке показалось, что на кукольном лице проступили страдание, мольба о помощи. Рената попыталась дотянуться до куклы, но дети отталкивали ее, радостно крича:

– Смотри, как она горит! Так же горела и твоя мать! Ведьмино отродье, ведьмино отродье!

Надежды не было.

Рената повернулась спиной к детям, к игрушечному костру и бросилась бежать не разбирая дороги, лишь бы подальше от этого страшного места...

Она бежала долго, несколько раз падала, но снова поднималась и бежала, бежала...

Остановилась она возле городских ворот, потому что ей показалось, что ее кто-то окликнул.

– Рената! – снова услышала девочка хриплый, неприятный голос.

Оглядевшись, она увидела возле самых ворот покосившуюся, вросшую в землю нищую лачугу с единственным окном.

На пороге этой лачуги стояла сгорбленная старуха с седыми космами, свисающими на глаза, с приоткрытым ртом, посреди которого торчал единственный зуб.

– Подойди ко мне, Рената! – прошамкала старуха и поманила девочку кривым желтым пальцем. Рената испугалась еще больше, она хотела убежать – но ноги сами несли ее навстречу страшной старухе.

– Не бойся меня, Рената! – Рот старухи скривился в фальшивой кривой улыбке, отчего она стала еще страшнее. – Я не хочу причинить тебе зла. Наоборот, я хочу отдать тебе одну славную вещь, одну очень хорошую вещь...

Старуха запустила руку в свои лохмотья, пошарила там и вытащила золотой медальон на тонкой цепочке.

Видно было, что старухе очень не хочется расставаться с этим медальоном, что она борется с собой – то пытается спрятать его обратно, то хочет отдать девочке...

Руки ее тряслись, глаза горели от жадности, она пытела и хрипела, как будто и впрямь боролась с сильным противником.

Наконец эта борьба кончилась, ведьма вложила медальон в руку Ренаты и прохрипела:

– Спрячь это, девочка... этот медальон принадлежал твоей матери, а до того – ее матери и матери ее матери... теперь он твой, береги его как зеницу ока! – Она бросила на медальон жадный взгляд и попятилась: – Спрячь же его скорее, не испытывай мое терпение! Мне очень хотелось завладеть этим медальоном, я душу за него продала, но когда он стал моим – я почувствовала, что не смогу его удержать. Он не хотел остаться у меня... он хочет вернуться к тебе... береги его, девочка, никому не показывай, а когда придет время – отдай своей дочери...

Старуха всхлипнула, вытерла глаза грязной тряпичей и раздраженно проговорила:

– А теперь уходи отсюда! Не испытывай мое терпение! Спрячь этот медальон и уходи!

Рената испуганно взглянула на странную старуху, спрятала медальон под одежду и попятилась.

– Брысь! – крикнула старуха и махнула руками, как будто прогоняла назойливую муху.

Рената бросилась прочь, но, отбежав немного, повернулась.

На том месте, где только что была лачуга, на пороге которой стояла страшная старуха, ничего и никого не было. Только заросший мхом камень валялся возле городских ворот.

Вернулась Оксана поздно, и перед сном просмотрела еще раз записную книжку в телефоне Валентины. Ничего особенного, обычные номера – салон красоты, массажистка и еще какие-то Тани, Лены и Миши. Может быть, это близкие друзья, а может, Таня – это косметолог или визажист, а Миша и вовсе сантехник... Оксана зевнула и отложила телефон, решив, что утро вечера мудренее.

Утром она проснулась от телефонного звонка. Судя по мелодии, звонил не ее телефон, и спросонья она пробормотала:

– Максим, ответь, это тебя...

Но тут вспомнила, что накануне смертельно разругалась с мужем и выгнала его из дома. Так что на телефонный звонок ответить некому, кроме нее. Осознав это, Оксана приподнялась на локте и схватила надрывающийся телефон, который валялся на тумбочке возле кровати. Тут она окончательно проснулась и поняла, что звонит мобильный телефон покойной Валентины, а номер, высветившийся на дисплее, – тот самый, который несколько раз подряд появлялся в списке непринятых вызовов.

Оксана секунду подумала – и нажала кнопку ответа.

– Это Валентина Михайловна? – донесся из трубки заполошный женский голос. – Это из «Зефира» вам звонят...

– Откуда? – удивленно переспросила Оксана.

Ей представилась огромная коробка бело-розового зефира и барахтающаяся в ней девица с телефоном в руке... что за бред!

– Откуда? – повторила она, усилием воли отогнав от себя это дикое видение.

– Из художественной галереи «Зефир»! – возмущенно выпалила в ответ трубка.

Ситуация стала немного менее безумной, но Оксана все еще ничего не понимала.

– А сколько времени? – пробормотала она, пытаясь нашарить на прикроватной тумбочке часы.

– Девять! Извините за ранний звонок! Я вам вчера звонила и позавчера, а у вас телефон не отвечал...

– Ну да, он был выключен, – ответила Оксана.

Она хотела обрисовать ситуацию этой заполошной особе и для начала сообщить, что она – вовсе не Валентина Михайловна, но та ее не слушала, она продолжала сыпать слова, как горох:

– Валентина Михайловна, я вам звоню по поручению Виолетты Романовны! Она очень просила вас подъехать! У нас со следующей недели начинается выставка Кубышкина, так что вашу мы уже демонтируем, и вам нужно взглянуть и оставить распоряжения. И еще тут Павлик вам кое-что принес... фотографии с вернисажа...

Ситуация была дикая. Понятно, что в этой галерее могут не знать о том, что Валентина погибла, ведь полиция засекретила всю информацию о взрыве в поезде до окончания следствия. Оксане вовсе не хотелось выдавать себя за мертвую женщину, но еще меньше ей хотелось рассказывать обо всем, что произошло...

– Это срочно? – проворчала она, выбираясь из кровати и нашаривая ногой тапочки.

– Так я же вам говорю – на следующей неделе начинается выставка Кубышкина...

– А где ваш «Зефир» находится?

– Как, разве вы не помните? – Девица удивилась, но удивление у нее длилось недолго, как и все прочие состояния, и она протараторила: – Литейный, тридцать шесть... Так как, вы приедете? Виолетта Романовна очень просила...

Оксана хотела отказаться и вообще объяснить, что она вовсе не та, за кого ее принимают, но выронила телефон, а когда подняла его, из трубки уже доносились сигналы отбоя.

Чертыхнувшись, Оксана положила трубку на тумбочку и задумалась.

А может, съездить в эту галерею? Там она может узнать что-то полезное про Валентину, может как-то продвинуться в своем частном расследовании... То есть какое расследование? Она не занимается никаким расследованием! Ей вообще на работу нужно, и так два дня прогуляла. Да ее уволят!

И тут Оксана поняла, что несколько этого не боится. Ну уволят, что она, работы не найдет, что ли? Конечно, на такую должность ее никто не возьмет, да и фиг с ними со всеми! В конце концов, Олег обещал ей достать больничный на столько дней, на сколько нужно! Должен же человек испытывать обычную благодарность!

Первым ее побуждением было позвонить Олегу, посоветоваться с ним, но затем она вспомнила, что он сегодня занят другими делами, и вообще дал ей понять, что расследование смерти Валентины не входит в его служебные обязанности...

Ну и ладно! Она сама узнает все, что можно, и покажет ему, что тоже на что-то годится...

Тот вчерашний рассудительный голос внутри твердил ей, чтобы отбросила глупости и шла на работу. Но Оксана отмахнулась и решила на работу не ходить – одним днем больше, одним меньше. И телефон отключила – болеет она, жар у нее и температура...

Приняв душ и выпив чашку кофе (все вчерашние продукты пришлось выкинуть, и больше ничего она в доме не нашла и дала себе слово на обратном пути зайти в магазин), Оксана отправилась на Литейный проспект.

Над входом в галерею висела большая красивая вывеска, на которой был изображен розовый толстощекий младенец, дующий на цветок.

Под этой картинкой крупными розовыми буквами было написано:

«Художественная галерея “Зефир”. Живопись, графика, авторские работы».

Только теперь Оксана вспомнила, что зефир – это не только кондитерское изделие, но еще и старинное название ветра, то ли южного, то ли восточного.

Галерея была еще закрыта для посетителей, но, когда Оксана позвонила в дверной звонок, ей тут же открыли.

На пороге стояла молодая девица с короткими ногами и круглым румяным лицом. По ее встрепанному и заполошному виду Оксана поняла, что именно с ней разговаривала по телефону.

– Вы к кому? – спросила девица, пытаясь отвести тыльной стороной ладони лезущую в глаза челку. – Мы еще закрыты... там же написано, что мы открываемся в одиннадцать!

– Я по поручению Валентины Михайловны, – строго ответила Оксана. – Вы просили ее приехать... срочно приехать... наверное, это вы ей только что звонили!

– Ах, вы от Валентины Михайловны! – Девица засияла. – Слава богу, а то Виолетта Романовна уже переживает! А вы кто?

– Я – ее пиар-менеджер, – сообщила Оксана первое, что пришло ей в голову.

Девица уважительно кивнула:

– Значит, мы с вами коллеги, я пиар-менеджер галереи, меня зовут Светлана.

С этими словами она отступила в сторону, приглашая Оксану в галерею.

– Вот видите, мы уже начали демонтаж. – Светлана показала на двух озабоченных теток средних лет, которые укладывали в картонные коробки фотографии в металлических рамках. Часть фотографий еще висела на стенах, и Оксана мимоходом взглянула на них.

Фотографии были черно-белые и цветные, но на всех них были изображены многочисленные кошки – рыжие и черные, дымчато-серые и белоснежные, породистые и беспородные, ухоженные домашние любимцы и уличные разбойники. Кошки спали и умывались, ели или охотились, лежали или сидели в самых непринужденных позах.

Оксана с грустью подумала, что только теперь, после смерти Валентины, узнала ее – и она ей все больше и больше нравилась. Ей нравились и интерес Валентины к кошкам, и то, как точно, как наблюдательно она схватывала кошачьи характеры. Главное, что ей удалось уловить в каждом снимке, – это свойственную кошкам независимость, внутреннюю свободу.

– Так какие будут указания насчет этих фотографий? – напомнила о себе заполошная девица. – Валентина Михайловна говорила, что у нее скоро открывается выставка в другой галерее, но не сказала в какой, так что мы не знаем, куда отправлять эти коробки...

– Пусть они пока постоят у вас, – отмахнулась Оксана. – У вас же есть какая-то кладовка?

– Ну, кладовка, конечно, есть, – отозвалась Светлана с некоторым сомнением. – Но она у нас вечно забита... ну ладно, несколько дней можно подождать... А вы посмотрите, что Павлик оставил для Валентины Михайловны?

– Павлик? А кто такой Павлик?

– Ну как же! – Девица была явно удивлена вопросом. – Павлик – фотограф наш! Он снимал вернисаж – общий вид выставки, публику, прессу... Валентине Михайловне это может понадобиться. Вы, как пиар-менеджер...

– Ладно, давайте посмотрю.

Оксана и сама не знала, что она ожидала увидеть на этих снимках – разве что хотела еще раз взглянуть на Валентину, посмотреть, какой она была при жизни.

Заполошная девица куда-то унеслась и тут же вернулась с пластиковой папкой в руках. Открыв эту папку, она рассыпала на столе перед Оксаной стопку фотографий.

Оксана машинально переключала их, скользя взглядом – вот общий вид галереи, вот стены, увешанные фотографиями, вот Валентина – оживленная, улыбающаяся, в красивом модном платье. Вот какой-то солидный мужчина с бородкой говорит речь – видимо, расписывает художественные достоинства работ Валентины. Вот он же подносит ей букет цветов. Вот какие-то люди позируют рядом с Валентиной, вот случайные посетители выставки...

И вдруг Оксана застыла как громом пораженная.

На заднем плане, за плечом элегантной женщины средних лет, она увидела знакомое лицо. Лицо того самого мужчины, который подвез ее в Москве из издательства на вокзал, представившись Андреем Логиновым. Того мужчины, который подложил в ее сумку бомбу и сделал все, чтобы на нее пало обвинение в организации взрыва.

Оксана еще раз внимательно взгляделась в фотографию.

Никаких сомнений, это именно он, тот человек!

Она окликнула Светлану. Та вынырнула из подсобки с пачкой газет в руках, подлетела к Оксане, как будто ее принес тот самый зефир, по праву обитающий в одноименной галерее.

– Ты случайно не знаешь, кто этот мужчина? – спросила Оксана, стараясь не выдать свое волнение. – Вроде я его где-то видела, да никак не могу вспомнить где...

– Этот? – Светлана склонилась над фотографией, наморщила небольшой лобик, изображая умственное усилие. – Нет, не знаю... вроде видела как-то...

Оксана торопливо перебрала остальные фотографии и на последней снова увидела таинственного мужчину. Здесь он стоял под руку с невысокой блондинкой в коротком платье цвета фуксии и что-то нашептывал ей на ухо. Блондинка смеялась, запрокинув голову.

– А это кто такая? – осведомилась Оксана.

– Это? Да это же Сашка Водолей!

– Кто?

– Ну, Саша Водолей, – повторила Светлана. – Ты ее не знаешь? Ее все в городе знают.

– А вот я не знаю! Кто она такая?

– Ну... – Светлана неожиданно задумалась. – Правда, кто же она? Вроде журналистка, но вот где работает? Точно не на телевидении. Может, в какой-нибудь газете? Во всяком случае, если в городе что-то происходит – какая-нибудь презентация, выставка, инсталляция, Сашка тут как тут, без нее ни одно культурное мероприятие не обходится! Вот сейчас она наверняка напротив, в «Аквилоне», там у них сегодня открывается выставка актуального искусства.

– Так рано? – удивилась Оксана.

– Ну да, это выставка Курослепова, ты же знаешь – он ужасно востребован! Сегодня днем он улетает на биеннале в Австралию, так что пришлось назначить вернисаж на раннее утро... само собой, все возмущались, а что поделаешь? Он же звезда... Если хочешь продвинуться в нашем бизнесе, – важно сказала Светлана, – ты должна все это знать...

Оксана закусила губу, чтобы не рассмеяться, поблагодарила Светлану, схватила фотографии, выскочила из галереи и стремглав перебежала на другую сторону Литейного проспекта, где она увидела очень похожую вывеску.

Солидный мужчина, надув щеки, дул на кораблик с наполненными ветром парусами. Ниже крупными выпуклыми буквами сообщалось, что здесь находится художественная галерея «Аквилон».

В этой галерее уже толпился народ.

Здесь были мрачные бородатые художники, элегантные, гладко выбритые искусствоведы, шустрые подвижные арт-дилеры, вечно голодные журналисты и вездесущие девицы, без которых не обходится ни одно светское мероприятие.

Видимо, в галерее в этот день случилась какая-то авария, потому что прямо посреди зала была свалена груда обрезков ржавой трубы и какая-то грязная водопроводная арматура.

Оксана еще раз внимательно оглядела публику и в дальнем конце зала заметила ту самую вездесущую блондинку, которую искала, – Сашу Водолей. И платье на ней было то же самое, цвета фуксии. Устремившись к ней через зал, она нечаянно задела ногой кусок ржавой трубы. В ту же секунду на нее коршуном налетела тощая брюнетка в лиловой, слишком открытой блузе.

– Что вы делаете! – верещала брюнетка. – Вы покусились на произведение мастера! Вы покусились на бессмертное искусство! Вы можете разрушить его гениальную концепцию!

– Что? – испуганно переспросила Оксана, попятившись. – Вот это – произведение?

– Разумеется! – воскликнула лиловая брюнетка. – Это последнее, наиболее выдающееся его произведение! Это инсталляция мастера «Цивилизация номер семь»!

– Да что вы говорите... – Оксана отступила в толпу и снова кинулась на поиски Саши Водолей.

Она едва успела перехватить ее возле дверей – Саша уже собиралась покинуть галерею.

– Стой! – Оксана схватила неуловимую блондинку за плечо. – Поговорить надо!

– Поговорить? – Саша окинула ее оценивающим взглядом. – Поговорить можно, только не здесь. Представляешь, этот жлоб Курослепов решил не устраивать приличного фуршета! Сказал, что поскольку утро, то народ обойдется шампанским и конфетами! Представляешь, какое беспардонное хамство?

– Да, действительно... – поддакнула Оксана, на ходу ориентируясь. – А хочешь, я тебя угощу кофе с булочками?

– С булочками? – презрительно сощурилась Саша. – В жизни не ела булочек! Вот с миндальным тортом – это куда ни шло! Тут рядом есть заведение, там подают очень хороший миндальный торт... и кофе неплохо варят...

Через пять минут они сидели за столиком в уютном кафе.

Оксана вспомнила, что еще не завтракала, и взяла бутерброд с ветчиной и круассан. Саша же разгулялась на дармовщину. Перед ней стояла тарелка с миндальным тортом, вазочка с десертом маскарпоне и еще одна – со взбитыми сливками.

Оксана подумала, что при такой любви к сладкому Саша вряд ли надолго сохранит фигуру. Но нет худа без добра, скоро она не влезет в это ужасное платье...

– Ну и о чем ты хотела поговорить? – осведомилась Саша с набитым ртом.

– Точнее, не о чем, а о ком, – ответила Оксана и положила перед собеседницей фотографию из галереи «Зефир», на которой Саша была изображена с таинственным незнакомцем.

– Кто это такой? – спросила Оксана, дав девушке внимательно разглядеть фотографию.

– Козел, – ответила та, прожевав кусок торта.

– Да? – Оксана сделала вид, что внимательно разглядывает незнакомца. – А по-моему, симпатичный...

– Ага, мне сперва тоже так показалось! – Саша поморщилась, как будто ела не миндальный торт, а лимон без сахара. – Он с виду и правда обаятельный, но на самом деле форменный козел... Слушай, ты на него что – глаз положила?

– Ну, как тебе сказать... – Оксана изобразила смущение и опустила глаза, как будто увидела на столе что-то очень интересное.

– Дохлый номер! – Саша придвинула к себе сливки, немного подумала и заменила их на маскарпоне.

– Ну, я тебя, конечно, отговаривать не буду, ты девочка взрослая, сама решай, только Антон...

– Антон? – удивленно переспросила Оксана.

– Ну да, Антон... – Саша ткнула пальцем в мужчину на фотографии. – Ты же меня про Антона спрашиваешь...

– Ну да, – растерянно подтвердила Оксана.

Значит, ей он представился Андреем, Саше – Антоном... ну, в общем, понятно, что это не настоящее его имя...

– В общем, я тебе говорю, что Антон... – Саша зачерпнула ложечкой десерт, отправила в рот, и ее лицо засветилось от блаженства: – Супер!

– Не поймешь тебя! – растерялась Оксана. – То ты говоришь, что он козел, то – супер...

– Да не он супер! Это маскарпоне здесь готовят суперский, зря ты себе не взяла! А он – натуральный козел! Сколько я на него времени потратила, пока поняла, что он вовсе не мной интересуется, а использует меня как источник информации! Я, конечно, сама журналист, за интересной информацией охочусь, за эксклюзивный материал душу продам, но душой себя чувствовать неприятно... Потом, опять же, за все надо платить, а он мне ерундового подарка не сделал... Нет, ты точно не хочешь маскарпоне? Попробуй у меня, хоть ложечку!

– Да нет, спасибо, для меня это слишком калорийно... – вздохнула Оксана. – Я за фигурой слежу. Слушай, а какую информацию он у тебя хотел выведать?

– За фигурой? – Саша внимательно взглянула на Оксану. – Да у тебя все в порядке с фигурой! Я решила – пока я в норме, не буду ни в чем себя ограничивать, вот потом...

– Потом будет уже поздно! Так все же – что конкретно он у тебя хотел выведать?

– Представляешь, выспрашивал все, что я знаю про Валентину Лесневскую. Ну, знаешь, такая тетка из богатеньких, которая от нечего делать фотографирует кошек. Выставки устраивает за свой счет, статьи газетные проплачивает. В общем, деньги ей девать некуда. Недавно ее выставка была в галерее «Зефир»...

Оксана насторожилась.

– А ты-то какое отношение имеешь к Валентине Лесневской? – спросила она.

– Да так. – Саша пожала плечами. – Я же говорю – она статьи проплачивает, вот я и взяла у нее интервью, думала, может, пристрою куда-нибудь, подзаработаю на этом. Дома у нее была... Приличная такая квартирка, ремонт дорогой... Тетка не жадная, угощала меня хорошо... Хотела я еще раз с ней встретиться, закончить материал, да тут Валентина в Москву собралась по делам, обещала мне позвонить, когда вернется, да так и не позвонила, наверное, забыла обо мне...

Саша еще что-то говорила, но Оксана перестала ее слушать.

Все встало на свои места.

Этот обаятельный незнакомец – Андрей, или Антон, или кто он там на самом деле, – выведывал все, что можно, о Валентине. От Саши он наверняка узнал, что Лесневская уезжает в Москву, поехал туда одновременно с ней и организовал взрыв в поезде... Да, но зачем? Чем ему помешала эта женщина? И другой вопрос: как он все узнал про Оксану? Как сумел перехватить ее в Москве? То есть заморочить-то ей голову было легко. Показал визитку, она и поверила, как будто это документ...

– Да ты меня не слушаешь! – обиженно проговорила Саша.

– Слушаю! Еще как слушаю! – очнулась Оксана. – А ты Андрею... то есть Антону не говорила, что Лесневская едет в Москву?

– Да сказала вроде. – Саша снова поморщилась. – Он меня после той выставки затащил в ресторан. Не слишком приличный, я тебе скажу... И коньяк там гадость... А я, когда выпью, много болтаю...

Оксана подумала, что в трезвом состоянии Саша грешит тем же.

– А на следующий день он не появился... больше я его и не видела... говорю же – козел! – Саша оставила пустую вазочку.

За разговором она управилась со всеми лакомствами и теперь откинулась на спинку стула, сыто жмурясь, и достала из сумочки пачку ментоловых сигарет. Протянула пачку Оксане, спросила:

– Будешь?

– Нет, я не курю...

– Вот это правильно... – вздохнула Саша. – Да я тоже почти не курю, так, изредка...

Она взяла одну сигарету, достала яркую рекламную упаковку спичек, закурила, насмешливо поджала губы:

– И никакого подарка не сделал! Даже ерунды какой-нибудь не подарил на память, жлоб!

Только вот это, да и то не он подарил, я сама озаботилась...

– Вот это? – подскочила Оксана. – Ты это о чем?

– Да вот эти спички... – Саша задумчиво вертела плоскую спичечную упаковку. – Он мне дал закурить, а я их машинально сунула в сумку. Так хоть что-то на память осталось...

– Так это его спички? – Оксана протянула руку, взяла упаковку.

Это была плоская коробочка с яркой надписью:

«Мини-отель “Шаляпин”».

Тут же был портрет великого певца с собачкой на руках, а чуть ниже – адрес и телефон мини-отеля. Отель был расположен в самом центре, на Казанской улице, неподалеку от Невского.

– Ты чего, хочешь взять эти спички? – удивленно протянула Саша. – Что, совсем на него запала?

– Да нет, это я просто так, из чистого любопытства. – Оксана вернула спички. Все, что нужно, она уже запомнила.

– Мой тебе совет – выбрось этого козла из головы! – сказала Саша на прощанье. – Я вот сейчас вспомнила нашу с ним беседу... понимаешь... тухлый он какой-то. С виду вроде бы приличный человек, обаятельный, одет хорошо, а вот что-то в нем не то!

Оксана подумала, что эта болтушка и обжора Сашка оказалась пронительнее ее, она-то в свое время ничего такого не заметила. Ну, задним умом-то мы все крепки!..

* * *

Через час она подошла к дому, расположенному неподалеку от Казанского собора. Над подъездом висела табличка:

«Мини-отель “Шаляпин”».

На двери были установлены домофон и переговорное устройство.

Оксана задумалась, как войти в отель, но как раз в это время к двери подошла экстравагантная пара – невысокий мужчина с огромной черной бородой и густой шевелюрой, перехваченной

черной шерстяной повязкой, и высоченная девица в черном кожаном пальто, с выбритой наголо головой и огромными кольцами в ушах, размерами и внешним видом напоминающими гимнастические обручи.

Сразу видно – богема.

Мужчина нажал кнопку переговорного устройства и, когда из динамика донесся голос, проговорил:

– Мы на выставку Собакина!

Дверь открылась, и парочка вошла в подъезд.

Оксана не успела проскочить за ними, но она не расстроилась: теперь она знала волшебное слово, открывающее дверь мини-отеля лучше любого ключа.

Выждав пару минут, она тоже нажала кнопку переговорного устройства.

– Вы к кому? – осведомился женский голос из динамика.

– На выставку Собакина! – сообщила Оксана.

Замок щелкнул, и дверь открылась.

Оксана вошла внутрь. Перед ней была довольно крутая лестница, на каждой ступеньке которой были нарисованы ведущие наверх следы с надписью: «Шалыпин».

Поднявшись вслед за этими следами на третий этаж, Оксана оказалась перед массивной дверью, украшенной замысловатой резьбой. На этой двери красовалась медная табличка, извещающая, что именно здесь находится мини-отель.

Войдя в эту дверь, Оксана попала в просторный холл, обставленный старинной мебелью. За дверью ее встретила бледная дама средних лет с дежурной улыбкой на лице.

– Вы на выставку? – осведомилась дама.

– Да, на выставку Собакина... – неуверенно проговорила Оксана.

Улыбка бледной дамы стала еще ослепительнее.

– Не желаете ли бокал шампанского? – проговорила она, указывая направо.

Действительно, справа от входа, на низком столике красного дерева, стояли бокалы с шампанским. Оксана послушно взяла один.

– Можете пока ознакомиться с выставкой, презентация начнется через двадцать минут... – проворковала дама и тут же покинула Оксану, потому что дверь отеля снова распахнулась, пропуская нового посетителя, чрезвычайно крупного и толстого мужчину в вышитой золотом круглой шапочке.

Оксана пригубила шампанское и медленно двинулась в глубину отеля, внимательно оглядываясь по сторонам.

Она разглядывала не столько выставленные картины, сколько обитателей отеля, надеясь если не встретить здесь своего таинственного незнакомца из московского поезда, то каким-то образом выйти на его след. Тем не менее взгляд ее то и дело останавливался на развешенных вокруг полотнах. Можно сказать, они буквально приковывали взгляды посетителей поразительным буйством красок.

Оксана не слишком хорошо разбиралась в современной живописи и могла только предположить, что эти картины относятся к абстрактной живописи, потому что они представляли собой беспорядочное смешение ярких цветных пятен – зеленая краска бесстрашно смешивалась с красной, лиловая – с коричневой. Впрочем, как ни странно, эти дикие сочетания цветов не казались уродливыми.

Пройдя до конца холл, Оксана оказалась в просторной гостиной, обставленной мебелью из карельской березы.

Здесь тоже были развешены картины, и около одной из них с озадаченным видом стоял мужчина средних лет в отличном костюме, несомненно, вышедшем из салона знаменитого итальянского дизайнера. Рядом с этим мужчиной стояла бледная дама, удивительно похожая на ту, которая встречала гостей у входа.

Дама говорила хорошо поставленным голосом:

– Я говорила вам, Нодари Аполлонович, что тема этой выставки – портреты наших выдающихся современников. На данном этапе своего творческого пути Собакин чрезвычайно увлекся портретной живописью, и в этом жанре он, безусловно, достиг необычайных успехов. Но среди портретов, выставленных в этой галерее, ваш портрет, несомненно, самый удачный, так что цена, за которую вам предложили его приобрести, вовсе не завышена.

– Да я не говорю, что дорого... – уныло возражал мужчина. – Мне кажется, что я тут совсем не похож на себя...

Оксана его хорошо понимала: действительно, в розово-зеленых пятнах неправильной формы, кое-как набросанных на холст, нельзя было углядеть не только сходство с определенным человеком, но и вообще какие-либо человеческие черты.

– Что вы, Нодари Аполлонович! – воскликнула дама. – Взгляните в левый угол... вы видите этот мощный сиреневый мазок? В этом месте мастер, безусловно, уловил удивительное сходство! Самое же главное в портрете – не внешняя похожесть, а внутренняя идентичность, глубина психологического проникновения... Собакин сумел уловить и передать вашу целеустремленность, ваш глубокий интеллект и способность уловить центральный узел любой проблемы!..

– Глубокий интеллект? – неуверенно протянул мужчина. – Вы так считаете?

– Несомненно! – воскликнула дама. – Взгляните на это удивительное цветовое решение...

– Да, цвет, конечно...

– И учтите, – не унималась дама, – работы Собакина очень быстро растут в цене. Через несколько лет этот портрет будет стоить в несколько раз больше, чем вы за него сегодня заплатите! Современное искусство – это самое лучшее вложение капитала!

Оксана пожала плечами и выглянула в коридор.

И вдруг в дальнем его конце заметила удивительно знакомую фигуру.

Несомненно, это был он, тот, кто представился ей в Москве Андреем Логиновым! Его плечи, его поворот головы...

Оксана испуганно втянула голову в гостиную, как черепаха в случае опасности втягивает голову в панцирь. Она сосчитала до пяти и снова выглянула в коридор.

Логинов не исчез, не растаял, как утренний туман, и даже не превратился в другого человека.

Он стоял в дальнем конце коридора, разговаривая с высокой брюнеткой.

Оксана выскользнула в коридор и двинулась вперед, прячась за широкой спиной толстяка в круглой шапочке.

Бледная дама – та, которая встретила Оксану при входе, – сопровождала его по отелю, оживленно говоря:

– Да, у нас очень часто проходят такие выставки. Собственно говоря, наш отель – это гибрид отеля и художественной галереи...

– А как к этому относятся ваши постояльцы? – прогудел басом толстяк.

– О, наши постояльцы обожают, просто обожают искусство! – щебетала дама. – Им очень нравится царящая у нас богемная атмосфера...

– А то, что здесь вечно масса посторонних, – это им тоже нравится?

Бледная дама не успела ничего ответить, потому что толстяк повернулся, мрачно взглянул на Оксану и прогудел своим гулким басом:

– Что вы за мной крадетесь? Что вы крадетесь? Вас что – Алевтина подослала?

– Никто меня не посылал! – возмутилась Оксана. – Просто мне интересно то, что вам рассказывает эта дама, вот я и иду рядом, чтобы послушать...

– А мне, может быть, не нравится, что вы сопите у меня над ухом! – ворчал толстяк. – И я все-таки сильно подозреваю, что вас подослала Алевтина...

– Да ну вас, – фыркнула Оксана и, отойдя в сторону от толстяка, снова стала взглядом искать фальшивого Андрея Логинова.

На прежнем месте его не было, брюнетка, с которой он только что разговаривал, шла к выходу.

Оксана завертела головой и успела заметить знакомый силуэт.

Фальшивый Андрей спускался по винтовой лестнице в самом конце коридора. Видимо, там был переход в нижний уровень мини-отеля.

Оксана выждала минуту и двинулась в ту сторону, где только что видела злоумышленника.

* * *

Оксана осторожно спускалась по винтовой лестнице, стараясь не скрипеть ступенями. Время от времени она слышала внизу шаги, иногда, осторожно выглядывая в пролет, видела плечо или руку фальшивого Логинова, касающуюся тщательно начищенных медных перил.

Она спустилась уже на два этажа, но лестница не закончилась, она шла все ниже и ниже, и злоумышленник продолжал спускаться по ней.

Оксана чувствовала усиливающееся беспокойство. Оживленные голоса посетителей выставки остались позади, также позади остались выстеленные зеленой ковровой дорожкой коридоры мини-отеля, вдоль которых располагались уютные номера. Теперь лестница была не такой парадной, вместо блестящих перил полированной меди были железные, тронутые ржавчиной поручни, ступени из дорогого, тщательно обработанного дерева сменились бетонными, с трещинами и выбоинами. Освещение стало слабым, лишь кое-где на стенах висели тусклые лампочки в колпаках из металлической сетки.

Но злоумышленник продолжал спускаться, и Оксана упорно следовала за ним. Ей хотелось выяснить, куда он направляется, где он устроил свое убежище, чтобы доказать Олегу, что и она на что-то способна. Главное же, Оксана хотела доказать и ему, и самой себе, что этот человек реально существует, что она не выдумала его, что именно он подложил в ее сумку взрывное устройство.

Наконец винтовая лестница закончилась. Теперь перед Оксаной начинался мрачный полутемный подвальный коридор, вдоль бетонных стен которого проходили проржавевшие трубы и пучки разноцветных кабелей. Метрах в двадцати этот коридор делал поворот, и Оксана успела увидеть, как человек, которого она преследовала, скрылся за этим поворотом.

Ей стало по-настоящему страшно.

Продолжать преследование в этом безлюдном подвале? Вернуться наверх, к людям?

Но тогда она потеряет след преступника, на которого наткнулась совершенно случайно...

Оксана достала мобильный телефон. Она хотела связаться с Олегом, но связи не было, сеть не ловилась в подвале.

Она ступила на бетонный пол коридора и остановилась в нерешительности.

Два голоса раздавались в ее голове, два голоса ожесточенно спорили. Первый, здравомыслящий, говорил ей, что нужно вернуться, дозвониться до Олега, рассказать ему все, что удалось узнать, и предоставить самому принимать решение, самому продолжить поиски преступника...

Но другой внутренний голос возражал, возмущался и настаивал на том, что нужно самой выследить этого злоумышленника, что она чудом наткнулась на него в этом отеле, и пока она вернется в отель, пока свяжется с Олегом, пока дождет его – преступник сбежит, и поминай его как звали... Хуже того – Олег может усомниться в ее словах, он может подумать, что она ошиблась, что приняла за преступника кого-то совсем другого, постороннего...

И как ни убедительны были доводы здравого смысла, второй голос взял верх, и Оксана пошла вперед по подвальному коридору.

Она дошла до поворота, осторожно заглянула за угол.

Впереди никого не было видно, коридор тянулся далеко и терялся в полутьме. Оксана почувствовала облегчение: теперь она могла с чистой совестью вернуться наверх, к людям, дозвониться до Олега и переложить на него ответственность. Она сделала все, что могла...

И тут она увидела в стене коридора, метрах в двадцати от поворота, полуоткрытую дверь.

И снова у нее в голове зазвучал тот, второй голос, любитель риска и авантюры.

«Ты только дойдешь до этой двери, – бубнил он, – только заглянешь туда и немедленно вернешься! Ты только убедишься в том, что он, этот фальшивый Логинов, прячется здесь, в этом подвале!»

И Оксана двинулась вперед.

Она подкралась к двери, приоткрыла ее чуть шире и заглянула внутрь.

За дверью находилась большая комната с низким потолком, заваленная обломками мебели, старыми ржавыми отопительными батареями, чугунными трубами, изъеденными коррозией, и прочим никому не нужным хламом. Оксана успела подумать, что содержимого этой комнаты хватит на десяток выставок художника Курослепова или какого-нибудь другого представителя актуального искусства, как вдруг на ее голову обрушился удар, в глазах потемнело, и Оксана потеряла сознание.

* * *

Придя в себя, она обнаружила, что лежит на продавленном матрасе в углу заваленной хламом комнаты. Перед глазами у нее все плыло и покачивалось, как бывало в детстве, если она слишком долго каталась на карусели.

Над ней стоял мужчина.

Оксана пыталась сконцентрировать на нем взгляд, сосредоточиться, чтобы понять, кто это такой.

Постепенно комната перестала вращаться, картинка прояснилась, и она узнала это лицо – приятное, не слишком запоминающееся лицо того человека, который подошел к ней в Москве, представившись Андреем Логиновым.

И тут она все вспомнила – как ехала с ним на вокзал, как отправилась в вагон-ресторан... она вспомнила все – взрыв, пожар, заспанных, перепуганных людей, толпящихся на насыпи... допрос... возвращение в Петербург, и новый допрос... и еще один разговор – уже в секретной Конторе, и то, как ее похитили бандиты, и как она чудом от них спаслась... и Олега, и то, как она оказалась в мини-отеле и увидела здесь этого преступника с обаятельной улыбкой, как кралась за ним по лестнице, по подвальному коридору...

Ну почему, почему она не прислушалась к голосу здравого смысла? Почему не остановилась вовремя?

Видимо, последние слова она произнесла вслух, потому что фальшивый Логинов повторил их, немного перефразировав:

– Ну, в самом деле, зачем? Зачем ты сунула нос в чужие дела? Занималась бы своими собственными, глядишь, и осталась бы жива! Лично я против тебя ничего не имел... Обаятельная улыбка медленно сползла с его лица, сменившись неприязненным, брезгливым выражением.

– Это ты втянул меня в эту историю, – тихо проговорила Оксана, – ты подложил в мой багаж бомбу...

– Но я же назначил тебе встречу в вагоне-ресторане! – раздраженно ответил мужчина. – Тем самым я спас тебе жизнь! Ты должна быть мне благодарна...

– Ага, еще и благодарить тебя! – возмущилась Оксана. – Ты убил несколько человек, а мне сохранил жизнь только для того, чтобы свалить на меня свое преступление!

– А как хорошо все было задумано! – мечтательно произнес мужчина. – Согласись, что это было гениально – убедить всех, что целью взрыва был Туманов!..

– А чем тебе мешала Валентина? – поинтересовалась Оксана. – Зачем тебе понадобилось ее убивать?

– Значит, ты догадалась, кто был моей настоящей целью? – Мужчина взглянул на нее с интересом. – Нет, все же именно любопытство тебя погубило! Любишь ты совать нос в то, что тебя не касается!

– И все же зачем ты убил Валентину? Она была славная женщина, никому не мешала, фотографировала своих кошек...

– Ладно, – мужчина криво усмехнулся. – Ты имеешь право удовлетворить свое любопытство. Каждый человек имеет право на последнее желание. Так вот, у меня была не одна причина убить Валентину – у меня было для этого сто миллионов причин!

– Так много? – удивленно переспросила Оксана.

– Именно... – Глаза мужчины сверкнули. – В Канаде жила пожилая женщина... богатая вдова. Очень богатая. От мужа ей досталось процветающее предприятие стоимостью сто миллионов долларов...

Он замолчал. Оксана немного подождала и не выдержала:

– И какое отношение богатая канадская вдова имеет к тебе и к Валентине?

– Самое прямое. Когда-то она жила здесь, в России. У нее были сестра и брат. Валентина – дочь ее сестры, а я – сын младшего брата...

– А, так все дело в наследстве! – догадалась Оксана.

– Ну да, в наследстве... – неохотно выговорил мужчина. – Точнее, в несправедливости. Если бы тетка оставила нам деньги поровну, я бы и не подумал убивать Валентину... все-таки родная кровь! Но она когда-то давно поссорилась с моим отцом. Видите ли, ей не понравилась женщина, на которой он женился. Моя мать... После женитьбы отца тетка перестала с ним общаться, вычеркнула его из своей жизни. Даже когда отец умер, она не позвонила и не написала, как будто он для нее не существовал, а когда составляла завещание, оставила все Валентине.

– Интересно, как ты это узнал? – поинтересовалась Оксана.

– Как узнал? – мужчина усмехнулся. – Очень просто! Я – отличный программист, можно сказать, хакер. От отца я знал о том, что у него в Канаде есть богатая сестра. О ней много

писали в тамошней прессе, поэтому я все о ней знал, в частности, знал о размерах ее состояния. А когда она умерла, я взломал почту Валентины и выяснил, что ее пригласили в крупную московскую юридическую фирму...

– «Кусков и компаньоны», – проговорила Оксана.

– Однако, как ты много успела разнохоть! – неприязненно отозвался мужчина. – Да, если точнее – фирма «Кусков, Сахаров и партнеры». Я влез в их компьютерную сеть и получил доступ к теткинскому завещанию. И узнал, что она все оставила Валентине. И только в случае, если Валентина умрет раньше, чем оформит права наследования, я могу получить теткинское состояние как последний оставшийся родственник. Оформление такого крупного завещания занимает довольно много времени. Валентина ездила в Москву, чтобы подписать предварительные документы, доверенность для юридической фирмы на ведение дел, еще кое-что. Но уже на следующей неделе она должна была вступить в права собственности, так что мне нужно было спешить...

– А почему я? – спросила Оксана, когда он снова замолчал. – Почему ты выбрал меня на роль козла отпущения?

– Да только потому, что ты купила билет в то же купе, что Валентина! Я это тоже узнал через компьютер – через сеть продажи билетов. Тогда же я выяснил, что одновременно с Валентиной из Москвы возвращается Туманов, и понял, что момент просто идеальный, что судьба на моей стороне! И я действительно осуществил идеальное преступление! Никому и в голову не пришло, что целью взрыва была Валентина!

Он слегка помрачнел и добавил:

– Никому, кроме тебя. Но тут уж ничего не поделаешь – как говорится, любопытство кошку сгубило. Ладно, пора заканчивать. Я выполнил твое последнее желание, удовлетворил твое любопытство – и на этом все. Сейчас мы подготовим сцену для последнего действия...

Он шагнул в сторону, поднял обрезок чугунной трубы.

– Меня найдут! – проговорила Оксана, в ужасе следя за убийцей.

– Ну и что? – Он озабоченно оглядывался по сторонам. – Я сожгу твой труп, и найдут просто чьи-то обугленные останки. Подумают, что здесь обосновалась какая-то бомжиха, что она курила или грелась у огня и сгорела вместе со своими вещами... кого это заинтересует? Ну все, хватит болтать, я и так потерял слишком много времени!

Он поднял трубу, замахнулся...

Вдруг Оксана почувствовала знакомое жжение на груди. Она сунула руку за ворот, взяла материнский медальон. Он был горячим, как тогда, когда она убежала от бандитов. Оксана крепко сжала его, подняла над головой...

– Черт! Что это? – Мужчина, который уже занес над ее головой обрезок трубы, попятился.

Оксану окутало полупрозрачное облачко золотистого тумана, словно светящийся кокон. Рука с обрезком трубы безвольно повисла вдоль тела, пальцы разжались, труба с грохотом покатила по цементному полу. Лево́й рукой фальшивый Логинов схватился за лицо и испуганно вскрикнул:

– Глаза... мои глаза...

Он сделал шаг, другой, вытянув вперед руку, как слепой в незнакомой комнате, споткнулся и упал.

Вдруг дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился высокий прямой старик с тростью в руке.

Оксана удивленно взглянула на него.

– Андрей Михайлович? – проговорила она, не веря своим глазам. – Как вы здесь оказались? Как вы нашли меня?

– Меня прислали помочь вам... – ответил старик, оглядев подвал. – Но я вижу, что вы и без меня прекрасно справились. Ну, это не удивительно, имея такой медальон...

– Прислали? – переспросила Оксана. – Кто вас прислал?

– Высшие силы, которые заинтересованы в поддержании равновесия. Вы сыграли важную роль в этой вечной пьесе, и поэтому мне поручили о вас позаботиться. Но я подросел только к финалу...

– Высшие силы, вечная пьеса... – Оксана пожала плечами. – Ничего не понимаю! Вот убийство из-за наследства, которое совершил этот человек, – это понятно... Кстати, что нам с ним делать?

– А мы сейчас позвоним нашему знакомому полицейскому, майору Супникову, то есть Ступникову. Пускай заберет его. Он будет очень доволен... закроет дело о взрыве...
– Стоит ли? – усомнилась Оксана. – Он со мной так грубо разговаривал... И второй тоже, этот, как его... Мухин...
– Работа у них такая! – Старик усмехнулся, в его руке возник мобильный телефон, он поднес его к уху и проговорил женским голосом с заметным акцентом: – Майор Ступников? Зульфия Насреддинова вас беспокоит... уборщица я... в мини-отеле «Шалыпин» работаю... так вот у нас в подвале какой-то человек прячется, он мне в пьяном виде признавался, что это он устроил взрыв в поезде Москва – Петербург. Да-да, Насреддинова, Зульфия Ахметовна...
Закончив разговор, Андрей Михайлович щелкнул пальцами, и телефон исчез.
– Кто вы такой? – спросила Оксана, удивленно наблюдавшая за ним.
– Пенсионер, – ответил старик. – Знаете, как скучно на пенсии? Читаю, конечно, иногда лекции по истории, статьи пишу, но все же... Вот я и берусь иногда за разные интересные дела. Кстати, меня просили забрать у вас ваш замечательный медальон. Он выполнил свое земное предназначение и должен вернуться к своим настоящим хозяевам.
– Жаль, – вздохнула Оксана, снимая медальон с шеи. – Я так к нему привыкла... И эта вещь так давно в нашей семье...
– Я понимаю, – улыбнулся Андрей Михайлович, – но мне поручили передать вам, что взамен медальона вы получите другой дар. Вы проживете хорошую долгую жизнь. И ваша дочь будет похожа на мать и очень счастлива...
– Дочь? – удивленно переспросила Оксана. – Но у меня нет никакой дочери... даже в проекте...
– Значит, будет! – уверенно ответил старик. – И очень скоро. Те, кто передал вам это, никогда не ошибаются.
Оксана хотела сказать, что у нее и мужа-то теперь нет, так что нужно еще для дочери отца подобрать, но Андрей Михайлович подал ей руку и заторопился, сказав, что полиция приедет скоро и ни к чему им тут с ними общаться.

* * *

Они выбрались из подвала, причем старик уверенно вывел Оксану через неприметную дверь прямо во внутренний двор, чтобы не идти через отель. Когда они очутились на улице, у Оксаны зазвонил мобильник.

– Извини, дорогая, – голос у Олега был очень расстроенный, – мне придется срочно уехать. Начальство вызывает в Москву.

– Как? – Она сама не ожидала, что так расстроится.

– Я уже на вокзале, если можешь, приезжай... Очень прошу...

И Оксана помчалась на Московский вокзал, чтобы успеть к отходу вечернего «Сапсана».

Олег ждал ее у вагона. При виде платформы и поездов ей стало нехорошо. Она схватилась за шею – и не нашла там привычной цепочки медальона. Жаль... Но, как там сказал Андрей Михайлович, этот удивительный старик, теперь у нее будет новая жизнь и все будет хорошо.

– Оксана! – Олег подскочил и взял ее за руку. – Что с тобой? Ты как-то изменилась...

Он заглянул ей в глаза, которые сияли, как августовские звезды, и неожиданно сказал:

– Поедем сейчас со мной...

– Нет уж! – Она рассмеялась. – Мне надолго хватило этих поездок!

– Да! Извини, я закрутился и не успел выяснить, что там с делом Валентины Лесневской, – быстро заговорил он, – но там, в Москве, это даже удобнее, я займусь этим...

– Не надо. – Оксана положила руки ему на плечи, – ты прав, про это надо забыть. Забыть и жить дальше.

– Зайдите в вагон! – крикнула проводница. – Время!

– Я приеду! – сказал Олег. – Скоро приеду!

– По делам? – спросила Оксана, но двери вагона уже закрылись.

– Нет! – кричал он беззвучно. – Не по делам, я приеду к тебе! Понимаешь?

Поезд тронулся. Она улыбалась, и волосы цвета майского меда развевались на ветру.

Октября двенадцатого дня лета от Рождества Господнего тысяча пятьсот пятьдесят четвертого перед воротами города Нойбаха появился одинокий путник. Это был сгорбленный, сутулый монах доминиканского ордена в изодранном, поношенном плаще с низко опущенным на лицо капюшоном.

– Кто таков? – окликнул монаха городской стражник.
– Ордена доминиканцев смиренный брат Бернар... – ответил монах жалобным, гнусавым голосом.
– Чего тебе надо в нашем городе?
– Я ищу себе пропитания именем Божиим... Господь наш завещал во имя Его оказывать гостеприимство нищим и бездомным...
– Ладно, проходи, Божий человек! – смилостивился стражник и пропустил монаха в ворота. Монах шел по кривым улочкам Нойбаха, опираясь на посох и поглядывая по сторонам из-под своего капюшона, словно припоминал что-то давно забытое. Наконец он остановился перед постоялым двором, над распахнутыми воротами которого красовалась вывеска с пивным бочонком и свиным окороком.
На крыльце стоял пузатый мужчина в коричневом засаленном кафтане. Оглядев монаха, он недовольно проговорил:
– Чего тебе надо?
– Дозволь мне переночевать у вас на конюшне, добрый господин...
– Нам ни к чему попрошайки! Пошел прочь, нищеброд!
– Пожалей меня, добрый господин! Я иду с самого рассвета, ноги мои подкашиваются от усталости, живот подвело от голода. Я переночую в вашем славном городе, а с рассветом пойду дальше, поищу пристанище в одном из монастырей нашего ордена...
С этими словами монах как бы невзначай отбросил капюшон.
Открылось белесое, отвратительное лицо, изъеденное проказой.
– Господи помилуй! – Хозяин постоялого двора испуганно перекрестился. Он знал, что отказать прокаженному – дурная примета, и отступил в сторону: – Ладно, переночуй на конюшне, только не показывайся в харчевне, не то распугаешь всех моих постояльцев!
Монах поблагодарил хозяина, закрыл лицо капюшоном и побрел к конюшне. По пути он увидел молодую женщину в синем платье, с корзинкой в руке.
Монах замер на месте, словно громом пораженный.
Пробегавшая по двору служанка налетела на него и едва не выронила кувшин с вином.
– Что ты стоишь здесь, как статуя? – промолвила она беззлобно и хотела бежать дальше, но монах ухватил ее за рукав.
– Постой, дочь моя! – проговорил он, глубже надвинув капюшон. – Когда-то давно я бывал в вашем городе. Та женщина, которая прошла сейчас по двору, кажется мне знакомой. Не скажешь ли ты, кто она?
– Не зря говорят, что монахи не пропустят ни одной юбки! – Служанка поправила чепчик и приосанилась. – Эта милая дама – фрау Гейнце, жена торговца скотом.
– Фрау Гейнце, говоришь... – проговорил монах задумчиво. – А мне она показалась похожей на фрау Ситтов... впрочем, этого не может быть! Той давно уже нет на свете...
– Отчего же? – служанка понизила голос. – Так звали ее мать, да только та фрау Ситтов была лет двадцать тому сожжена за колдовство. Отец Ренаты женился на соседке, вдове лесоторговца, да скоро умер. Мачеха плохо с ней обращалась, но, когда ей сравнялось восемь лет, из далеких краев приехал ее дядя, брат матери, и забрал ее к себе. Она много путешествовала с дядей, говорят, была даже в Новом Свете. Потом они вернулись в Нойбах. Дядя оставил ей большое наследство и перед смертью выдал за славного господина Гейнце. Они живут очень хорошо, и Господь благословил их детьми. Старшая дочь удивительно похожа на мать...
Монах поблагодарил болтливую девушку и побрел на конюшню.
Вскоре добрая служанка тайком от хозяина принесла ему хлеба и вина.
Монах утолил голод и устроился на ночлег в пустом стойле, на гряде соломы.
Однако сон не шел к нему.
Его мучила боль во всех суставах, пораженных страшной болезнью, а пуще того мучили его воспоминания. Он вспоминал костер на городской площади и женщину, молящую о помощи святую Урсалу...
Он вспомнил также, что после казни той женщины удача отвернулась от него. В папской курии завелся у него тайный недоброжелатель, который нашептывал его святейшему дурное. Его отстранили от дел инквизиции, перевели в захудалый монастырь в Далматинских горах, но и там дела шли все хуже и хуже, пока он не опустился до того, что стал жить подаянием...

После полуночи монах услышал странный шорох в дальнем углу конюшни и поднялся, чтобы проверить, не забрались ли на постоянный двор воры.

Из темноты на него глядели чьи-то тускло горящие глаза, полные розоватых и сиреневых переливов. Казалось, глаза эти смотрели одновременно повсюду, заглядывая в каждый дом, в каждую душу, в каждое сердце. Старый доминиканец почувствовал, что взгляд этот проник в него, что он копается в его душе, как полковой лекарь в ранах умирающего ландскнехта.

– Это ты? – спросил монах дрожащим от страха голосом.

– Кто же еще? – донесся из темноты странный голос.

– Чего ты хочешь от меня? – пролепетал монах, зная уже, каким будет ответ.

– Уже скоро! – отозвался голос из темноты.

Он лежал на кровати, отвернувшись лицом к стене.

– Ты не пойдешь сегодня гулять с собакой? – спросила жена.

– Зачем? – глухо спросил он.

– Как это – зачем? – возмутилась жена. – С собакой нужно гулять два раза в день! У меня суп на плите, я не могу выйти! И что это вообще такое – то он каждый вечер бежал гулять как наскипидаренный, а то из дома не вытолкать!

Он нехотя поднялся с кровати и побрел в прихожую.

Идти не хотелось, но еще больше не хотелось слушать ворчанье жены. В последнее время ему ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, ни идти на работу. Работал он теперь в архиве – в полуподвальном помещении, скупо освещаемом галогеновыми лампами, которые вечно перегорали. И приходилось долго звонить в хозяйственную часть, и наконец приходил электрик со стремянкой, смотрел на него с ненавистью и менял лампочку, а потом нарочно ронял стремянку на каменный пол и злорадно наблюдал, как Игорь Иванович вздрагивает и морщится.

Бывали дни, когда электрик был единственным посетителем архива.

Это был старый архив, в нем хранились доисторические дела, давно уже никому не нужные.

Стены подвальные слыхом не слыхивали ни о компьютерах, ни о микрофильмах, все записи хранились в обычных папках. Однажды электрик, меняя лампочку, уронил один стеллаж, и Игорь Иванович, собирая папки, заглянул в одну из них. Вся папка была заполнена распечатками прослушанных разговоров. Объект прослушки проживал в коммунальной квартире, и сотрудники прилежно записывали разговоры всех жильцов. Пятиклассник решал с приятелем задачи по арифметике, девушка назначала свидание, бабушка разговаривала с внуком... Все это занимало целую папку, причем копия была явно не первая, потому что он едва различал бледные строчки.

Ему казалось, что он сам теперь такой же, как эти листки, – бледный, помятый, ненастоящий, неразборчивый, как пятая копия, и главное – никому не нужный. О нем просто забыли. Иногда ему казалось, что даже если он умрет тут, в этих стенах, никто не заметит, и какие-то чувства испытает только электрик, а именно: обрадуется, что не нужно будет приходиться менять лампочки.

Игорь Иванович раздраженно взял пуделя на поводок и вышел из квартиры.

– Купи молока! – крикнула жена вслед.

Во дворе, несмотря на позднее время, наблюдалось оживление. Проехала полицейская машина и свернула под арку.

– Куда ты, Милорд! – Игорь Иванович потянул пуделя в сторону сквера, но нахальный пес бросился по проторенной дорожке – во второй двор, к угловому подъезду. Тут-то и столпились люди.

– Что случилось? – спросил он проходящего навстречу озабоченного мужчину.

– Художников на седьмом ограбили, – ответил тот и посмотрел пристально, узнавая.

Игорь Иванович похолодел – он тоже узнал этого человека. Они сталкивались не раз и не два на лестнице в том треклятом подъезде. Даже если мужчина не узнал его, он обязательно запомнил собаку. Не хватало еще, чтобы полиция заинтересовалась его персоной! Хотя ему теперь уже все равно.

Однако встречаться с полицией не хотелось, и он повернул в сторону и проскочил через сквозной подъезд в следующий двор. И вот, когда они шли мимо переполненных мусорных баков и пудель, подобранный, алчно поглядывал на компанию котов, восседавших на куче

мусора, стена из старых коричневых кирпичей вдруг задрожала и заколебалась, как мираж в пустыне. И из нее появилось нечто.

Игорь Иванович моргнул и от неожиданности выпустил из рук поводок. Пудель тотчас подбежал к странной фигуре и почтительно остановился рядом, как будто этот незнакомец, а вовсе не Игорь Иванович был его хозяином.

Фигура между тем материализовалась и оказалась широкоплечим парнем с узкими хитрыми глазами и короткой шеей. На парне были широченные штаны и коротенький кургузый пиджачок, на ногах лаковые ботинки, которые хотелось назвать старомодным словом «штиблеты». На голове – приплюснутая кепка, из-под козырька на лоб выползал кудрявый чуб. Весь облик парня здорово напоминал хулиганов из старых советских фильмов: «Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане финский нож...»

– Здорово, дядя! – ухмыльнулся парень. – Закурить есть?

– Опять ты... – скривился Игорь Иванович, – не курю...

– Ой-ой-ой! – хохотнул парень. – Какие мы томные...

Не глядя, он протянул руку, и пудель встал на задние лапы и подал ему горящий окурок.

– Все это чушь! – громко сказал Игорь Иванович. – Тебя нет, это у меня глюки!

С этими словами он стегнул пуделя поводком. Пес взвизгнул и улепетнул за мусорные баки.

Парень, однако, никуда не делся.

– Сам виноват, – сказал он, – я тебе предоставил все, как условились, согласно договору. Была она у тебя в руках? Была. Сама к тебе на квартиру пришла? Пришла. Нечего было резину тянуть – разговоры пустые разговаривать и чай гонять. Так что сам виноват, как говорится, кто не успел – тот опоздал.

– Пошел ты! – с чувством высказался Игорь Иванович.

– Куда это я пойду? – удивился парень. – Мы с тобой теперь навсегда повязаны. До самой твоей смерти, а уж после... – он облизнулся, и глаза его в сумерках засветились красным, отчего Игоря Ивановича охватила ледяной пронизывающий холод. – И лично от меня тебе каждую ночь будет подарочек... бонус...

С этими словами он нагло захохотал и прислонился к стене. Фигура стала бледнеть, проступили сквозь нее очертания кирпичей, и вот уже перед Игорем Ивановичем снова грязная кирпичная стена.

Он поймал пуделя и пошел домой. Жена открыла ему дверь и даже не спросила про молоко.

Игорь Иванович долго ворочался в постели, а потом заснул на удивление крепко.

И снился ему сон, что он поднимается по обшарпанной лестнице, мимо проходят какие-то незнакомые люди, открываются двери, слышны музыка, смех и крики, но он все идет наверх, выше и выше, и вот уже знакомый чердак. Он карабкается по старой шаткой лесенке, с трудом пробирается через горы мусора к разбитому чердачному окну и долго стоит, облокотившись на плохо оструганную доску подоконника.

Он смотрит на улицу, туда, где по другую сторону двора можно разглядеть крошечное узкое оконце, и знает, что она сегодня не придет. Он знает даже, что она не придет никогда. Но все стоит и стоит в тщетной надежде.

И вдруг... в окошке вспыхивает свет, и он наконец видит женщину... Он близоруко щурится, пытаясь разглядеть, кто же там, в окне, а женщина вынимает шпильки и распускает волосы цвета майского меда. Он знает, что так не может быть, так не должно быть, но его охватывает прежнее чувство. Потом женщина проводит гребнем по волосам, но они не струятся тяжелой золотой волной, они почему-то тянутся за гребнем, извиваясь и путаясь. И вот, когда он встает на цыпочки, чтобы разглядеть ее лицо, она поворачивается, и он едва не умирает от ужаса.

Перед ним – мерзкая старуха с грязными седыми космами, с лицом, изъеденным бесчисленными морщинами, и огромным ртом, посреди которого торчит единственный желтый зуб, как церковь среди осенней пустоши. Старуха улыбается ему, и от этой улыбки кровь стынет у него в жилах, а из груди рвется крик, переходящий в тоскливый вой.

– Что с тобой? – Он проснулся оттого, что жена трясла его за плечо. – Очнись!

Он сел, осознав себя в собственной постели, но сон был настолько явным, настолько реальным, что сердце долго еще колотилось о ребра. Он спустил ноги на холодный пол и наткнулся на что-то мягкое – это пудель лежал возле кровати. Он привычно пнул собаку, пудель обиженно взвизгнул и отскочил к двери. Глаза его отливали красным, он оскалился и зарычал.

– Чертово отродье! – прошипел Игорь Иванович. – Придушу гада!

